М. Е. ВЕЙНБАУМ

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО: НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО
НЬЮ ИОРК

М. Е. ВЕЙНБАУМ

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО: НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО
НЬЮ ИОРК

Издание
НОВОГО РУССКОГО СЛОВА

Обложка работы
Роберта Ван Розена

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Газетные статьи-однодневки. Они пишутся на злобу дня и скоро забываются. Такими я всегда считал и собственные статьи. Иного, повидимому, мнения были те читатели, которые сообщали, что хранят мои статьи, перечитывают их, и спрашивали, будут-ли они изданы в отдельном сборнике.

Нашелся даже однажды читатель, который захотел издать такой сборник на свои, как мне было известно, более, чем скромные сбережения. Предложение чудака-читателя я отклонил.

Не знаю, чем это объяснить, но пожелания увидеть сборник моих статей особенно участились после моего недавнего возвращения из Европы. На этот раз Новое Русское Слово нашло возможным пойти им настречу.

Я написал на своем веку около трех тысяч статей, а в сборник могли войти всего несколько десятков. Выбор оказался нелегким и на мой взгляд вряд ли удовлетворительным. Оказалось, что мои европейские и американские путевые заметки заняли слишком много места и помешали включению в сборник многих политических статей, куда более характеризующих меня как журналиста.

Об этом мне остается только пожалеть.

АВТОР

ЕВРОПА СЕГОДНЯ

1

Я ОТПРАВИЛСЯ в Европу без предвзятых мнений, без предубеждений, с твердым намерением сперва посмотреть, а затем уже судить. Я поставил себе целью увидеть Европу такой, какой она есть на самом деле, а не такой, какой мне хотелось бы ее увидеть или какой ее рисуют люди в нее влюбленные или, напротив, относящиеся к ней отрицательно.

Принять такое решение было легко, выполнить его оказалось много труднее. Европа, даже уменьшенная в своих размерах, представляет собой очень сложное явление. Небольшой, сравнительно, европейский материк вмещает большое число государств. Триста миллионов европейцев, несмотря на общность происхождения, исторического прошлого и культуры, далеко не едины и попытки объединить их находятся еще в зачаточном состоянии.

Границы, проведенные между европейскими государствами есть нечто большее, чем произвольно установленные географические линии — они действительно отделяют отличные друг от друга народы; у каждого свое, к тому же обостренное, национальное чувство, свой язык, свои порядки, свой быт, свои многочисленные особенности и предрассудки, своя денежная система, доставляющая, к слову сказать, не мало хлопот американским туристам, когда им приходится менять доллары на английские фунты, французские или швейцарские франки, итальянские лиры, голландские гульдены, немецкие марки и т. д.

Всё это крайне затрудняет ознакомление с Евро-

пой, особенно если у вас мало на это времени. Нельзя в несколько недель побывать в пяти европейских государствах и думать, что этого достаточно, чтобы судить о Европе и писать о ней. Так поступать, значит уподобиться тем европейцам, которые приезжают в Америку на три недели или три месяца и затем пишут о ней статьи и даже книги, полные парадоксальных утверждений.

Подражать таким писателям у меня никакого желания нет. Поэтому предупреждаю — я пишу только о своих впечатлениях, мимолетных, несомненно поверхностных и, очень даже возможно, ошибочных. Читателя прошу принять это во внимание.

*

Уже будучи в Италии, я получил от одного нью-иоркского приятеля письмо, содержавшее следующую фразу: «Мне очень хочется узнать, какой Вам показалась прозябающая и умирающая, но всё же прекрасная Европа».

Фраза эта очень меня удивила. Приятель мой долго жил в Европе, любит ее, и совсем недавно посетил ее вновь. Откуда он взял, что Европа прозябает или тем более умирает? У меня совсем другое об этом впечатление и в данном случае, я уверен, безошибочное.

Европа живет иной и в массе несравненно более бедной материально жизнью, чем Америка. Об американских удобствах и американском уровне жизни в Европе знают лишь очень немногие. Но Европа не прозябает, не умирает и умереть не собирается. Две мировые войны оставили Европу обескровленной физически и морально истощенной, тяжко больной. Десять лет назад или даже несколько позже и впрямь можно было думать о ее близком конце. Сами европейцы его ожидали и предсказывали.

Но, подобно сказочному фениксу, Европа сейчас возрождается из пепла. Последствия ее болезни не совсем еще исчезли. Но нет больше послевоенной прострации, хаоса и разложения. Напротив, всё свидетельствует о том, что Европа быстро восстанавливает и даже умножает свои силы.

Так, Англия и Франция вышли из двух войн с неисчислимыми потерями, человеческими, материальными и всякими другими. Два поколения английской и французской молодежи погибли или были искалечены физически и морально. Но на смену погибшим и искалеченным идет новое, более многочисленное поколение. Даже Франция имеет прирост населения. Французская колыбель не пустует больше и правительству приходится думать о том, как лучше использовать свежие молодые силы.

*

Лондон и Роттердам (называю эти города как наиболее яркие примеры) страшно пострадали во время войны. Лондон гитлеровская авиация, а позже ракетные снаряды, уничтожали настойчиво и систематически. Есть в Лондоне за Темзой предместье со странным названием Elephant and Castle (Слон и замок). Когда-то там находился дом знатного испанского изгнанника, названный El Infante de Castilla. Лондонцы переиначили это название и присвоили его всему предместью. Так вот в одном только этом предместьи было уничтожено семь тысяч домов.

Роттердам подвергся жестокому нападению уже после капитуляции Голландии с единственной целью «проучить» упрямых голландцев. И проучили! В течение двадцати минут гитлеровская воздушная армада уничтожила 35.000 домов, вокзал с железнодорожными путями и мастерскими, большое число общественных

зданий. Весь центр города превратился в груду безобразных развалин.

Всё это хорошо известно по газетным описаниям военного времени. Но надо самому побывать в Лондоне и Роттердаме, чтобы представить себе ужасы второй мировой войны и понять, почему европейцы так страшатся третьей, к тому еще атомной, бойни.

Следы лондонских и роттердамских налетов остались. Есть эти следы и во многих других городах. Но раны зажили, остались только рубцы; скоро и они исчезнут.

Лондонцы отстраиваются постепенно, не торопясь, и таким образом, чтобы сохранить характерные особенности своей столицы: англичане очень привержены к старине и предпочитают, чтобы даже новое походило на старое или хотя бы не слишком отличалось от него.

Другая причина медлительности восстановления разрушенных зданий Лондона — это обнаружение под развалинами памятников древнего римского Лондиниума. Достаточно рабочим, роющим фундамент, сделать находку, чтобы строительство сразу прекратилось и начались археологические раскопки; они уже дали много ценных материалов времен римского владычества в Англии.

Не то в Роттердаме. Разрушенные кварталы застраиваются с большой, даже неимоверной быстротой, но и с не меньшим, к сожалению, безвкусием. Новые здания, в большинстве архи-модерные, сплошь да рядом безобразны; ратуша, банки и другие общественные здания напоминают казармы. Хуже всего то, что новые дома возводятся без всякой архитектурной связи со старинным стилем города, сохранившимся в неуничтоженных кварталах.

Всё это, однако, между прочим. Главное в том, что и в Лондоне, и в Роттердаме, и в Риме (меньше всего,

мне кажется, в Париже) и в ряде других городов идет большое строительство. Трущобы европейских городов остаются, и они таковы, что наш Харлем по сравнению с ними рай земной. Но на загородных пустырях повсюду вырастают многофамильные дома с лифтами и другими удобствами, часто с балконами. Квартиры в них не просторные, комнаты маленькие, но светлые, и из их окон видны небо, деревья и даже цветы; есть где побегать детям, где поиграть.

Это ли свидетельствует о прозябании или умирании Европы?

*

Десять послевоенных лет не прошли для Европы даром. То были годы безволия, страха и отчаяния. Но то были также годы труда и поисков выхода из положения. Европа нуждалась в переливании крови. План Маршала дал ей эту кровь. Ценой собственных усилий и благодаря щедрой американской помощи Европе удалось встать на ноги, восстановить свое разрушенное хозяйство и даже расширить его. Процесс этого оздоровления и улучшения экономики Европы продолжается.

Английская текстильная промышленность когда-то была основой благополучия Англии. Теперь ей приходится выдерживать жестокую конкуренцию Японии, Индии и других государств. В английской экономике текстильная промышленность занимает сейчас четвертое место после автомобильной, авиационной и машиностроительной. Однако, английские текстильщики делают всё, чтобы усовершенствовать производство, улучшить качество своих товаров и одновременно удешевить их.

Английская промышленность работает на полном ходу. Повсюду сооружаются новые фабрики и заводы,

перестраиваются старые. В одном только «мидлэндском» промышленном районе на такое строительство было израсходовано в 1954 году 225.000.000 долларов. В 1955 — эта сумма была значительно превышена.

Улучшается экономическое положение и во Франции, хотя и более медленно и не в столь широких размерах, как в Англии. Франк теперь более устойчив. Промышленность расширяется. Оживает дух французской предприимчивости. Благодаря американской технической помощи происходит настоящая революция в производстве мужского платья и обуви — машинное их изготовление вытесняет ручное с выгодными от этого последствиями для всех, для предпринимателей, для рабочих и для казны.

В других отраслях промышленности устарелые формы производства постепенно заменяются новыми. Ведутся энергичные и не безуспешные исследования возможных местонахождений нефти и природного газа.

То же наблюдается в Голландии и Швейцарии. Промышленность и торговые обороты этих маленьких стран необычайно велики.

Потеря Индонезии была для Голландии очень чувствительна. Но, несмотря на обостренные отношения Гааги с Джакартой из-за голландской Новой Гвинеи, Голландия всё еще является главным поставщиком товаров для Явы, Суматры, Борнео, Целебеса и других индонезийских островов. В портах Амстердама и Роттердама я видел большое количество судов, бравших грузы в Индонезию.

В Швейцарии спрос на рабочие руки превышает предложение. Два миллиона швейцарцев заняты в разных отраслях промышленности. Но этого мало, и правительству пришлось выдать в этом году разрешения

на работу двумстам тысячам иностранцев. Большинство из них итальянцы, но есть не мало австрийцев и немцев.

Без малого двадцать пять миллиардов долларов, отпущенных Соединенными Штатами государствам Западной Европы, не были выброшены на ветер. Миллиарды эти и вдобавок сотни миллионов, ежегодно оставляемых в Европе американскими туристами, равно как и суммы, которые тратят находящиеся там американские солдаты и их семьи, способствовали тому, что на этот раз восстановление экономики Европы произошло быстрее, чем после первой мировой войны.

В настоящее время триста миллионов европейцев производят гораздо больше товаров и продуктов, чем когда-либо в прошлом, производят для себя и еще больше на вывоз. Всё делается для того, чтобы увеличить вывоз товаров, чтобы найти для них сбыт на международных рынках.

О некоторых ухищрениях европейцев в этом отношении стоит рассказать.

2

Полвека назад русская либеральная печать с возмущением писала о том, что русский сахар продавался заграницей чуть ли не вдвое дешевле, чем в самой России. Причиной тому были фискальные меры, — с целью поощрения вывоза сахара царское правительство освобождало его от налога, существовавшего на внутреннем рынке.

Газеты негодовали: мужику сахар недоступен, зато немец дешевым русским сахаром откармливает своих свиней.

Авторы этих статей вряд ли предвидели, что пятьдесят лет спустя такая же система поощрения вывоза будет введена в Англии и других западно-европейских государствах в отношении большого числа самых разнообразных товаров, и что никаких протестов она не вызовет, настолько ясна будет ее необходимость.

Для сохранения устойчивости своей экономики Соединенным Штатам достаточно продать заграницу восемь-десять процентов своего годового производства, Франции необходимо вывезти не менее пятнадцати процентов, Англии — двадцать пять или больше процентов, а Голландии даже целых пятьдесят.

*

«Англия должна экспортировать или умереть» — так несколько лет назад откровенно заявило английское правительство.

И Англия экспортирует! Рядом одних мер правительство ограничило ввоз иностранных товаров и утечку английской валюты заграницу, рядом других — оно всячески поощряет вывоз английских. Так, американскому туристу достаточно зайти в любой английский магазин и предъявить свой паспорт, чтобы закупаемые им для вывоза предметы были освобождены от разных налоговых обложений.

С целью предотвратить злоупотребления — перепродажу таких предметов, пусть даже по своей цене англичанам или даже раздачу их в качестве подарков — туристу закупки на руки не выдаются, они доставляются ему на пароход или самолет, на котором он покидает страну.

Повторяется история с русским сахаром. Американцы и другие иностранцы закупают шотландские светеры и одеяла, английское сукно, готовое платье или обувь по значительно более низким ценам, чем

население Англии. Но англичане не ропщут. Они знают, что без этого не обойтись, что только увеличенный вывоз товаров обеспечит их существование.

Мирятся англичане и с тем, что товары, предназначенные на вывоз, бывают часто лучшего качества, чем изготовляемые для внутреннего рынка.

Несколько лет назад я купил в нью-иоркском отделении известной лондонской фирмы пальто; оно было из мягкой кашмирской ткани, очень легкое и вместе с тем теплое. Будучи в Лондоне, я захотел воспользоваться случаем и купить такое пальто по значительно более дешевой, конечно, цене. В огромном магазине фирмы я перевидал много пальто, но искомого не нашел. Мне объяснили: «Такие пальто мы изготовляем только на вывоз в Америку».

Сходные меры, с целью увеличения вывоза, введены и в других европейских государствах. Франция оградила себя высокими тарифными барьерами, строго ограничивающими, к немалому неудовольствию ее соседей, доступ в страну иностранных товаров. Одновременно она поощряет вывоз собственных.

Во всех больших французских магазинах американские туристы получают четырнадцать или пятнадцать, не помню точно, процентов скидки, если они платят за товары «тревеллерс» чеками, то есть долларами. На некоторые товары допускается дополнительная скидка, но при условии, что закупка будет доставлена туристу на пароход или самолет.

В Швейцарии цены на предметы вывоза указываются в витринах магазинов, и в швейцарских франках, и в долларах, с примечанием «для экспорта». В долларах эти цены на четырнадцать процентов ниже обычных. Это те четырнадцать процентов, которые правиство взимает в форме налогов. Швейцарцы платят эти

налоги, но иностранцы, покупающие товары на вывоз, от них освобождаются.

*

Американские туристы оставляют в Европе сотни миллионов долларов в год. Другие сотни миллионов расходуют американские военные — многие из них живут там со своими семьями. Внезапное прекращение туризма и увод американских войск причинили бы экономике Европы чувствительный урон и, возможно, вызвали бы серьезную депрессию.

Это начинают понимать всё бóльшие круги европейцев и больше всего те, кому приходится сталкиваться с американцами и кто на них наживается. Оно, надо думать, немало способствовало спаду антиамериканской пропаганды, о которой в свое время много писали и рассказывали.

Антиамериканские настроения давали себя знать повсюду, но больше всего во Франции. Мне рассказали, что в интеллигентских французских кругах, группировавшихся вокруг Сартра или других «левых» или нейтралистских божков, серьезно печалились по поводу возможности американского завоевания Европы и спрашивали, что станется с Францией и ее культурой, если придут «заокеанские варвары» и установят в ней американские порядки.

Сейчас таких настроений либо больше нет, либо их тщательно прячут. Антиамериканские демонстрации прекратились и никаких надписей: «Американцы, отправляйтесь домой» я не видел. Не видели их и другие туристы, которых я об этом спрашивал. Напротив, всё делается для того, чтобы угодить американцам, всячески облегчить их пребывание в Европе, обставить его с возможно большим комфортом.

Когда я, будучи в Лондоне, сказал одному англичанину:

«У вас наблюдается сейчас настоящее американское вторжение», он ответил:

«Мы его приветствуем...»

Приветствуют и другие, помимо англичан. И как не приветствовать!

Большой, заново отстроенный роттердамский отель Атланта переполнен американцами. Отель Парк, в котором мы остановились, год назад пристроил новое крыло. Оно оказалось недостаточным, и владельцы опять строят, чтобы прибавить пятьдесят новых комнат с отдельными ваннами и другими американскими удобствами. Почему строят? «Едут американцы».

В Неаполе только что построен большой первоклассный отель с чудесным видом на залив. Он открылся за две недели до нашего приезда, и уже был переполнен. В Париже и Риме комнаты надо заказывать задолго вперед. За случайно освободившуюся комнату консьержу дают большие чаевые сверх обычной цены номера.

Та же картина на пароходах, в поездах, в ресторанах, магазинах, даже в церквах и музеях. Повсюду огромные толпы американских туристов.

*

К «достижениям» Женевского Совещания следует относиться критически и осторожно, не забывая, что цыплят по осени считают: а какие вылупятся цыплята еще неизвестно. Но в одном отношении Женева оказалась полезной. Она убедила европейцев в глубоком миролюбии американского народа и правительства.

В Европе теперь знают, что Соединенные Штаты никаких военных авантюр не затевают. И если раньше

там раздавались требования об уводе американских войск, то теперь пошла уж музыка не та.

Более вдумчивые европейцы начинают высказывать иного рода опасения: А что, если американцы всерьез примут миролюбивые заверения советских коллективных диктаторов и решат убрать свои войска из Европы? Что тогда будет с обороной европейских государств? Не придется ли им «мирным» путем превратиться в спутников коммунистического блока?

Опасения эти только подчеркивают, насколько европейцы не понимают Америки и превратно о ней судят. Наивных, часто невежественных и вместе с тем развязных суждений об Америке и ее порядках мне доведось выслушать в Европе не мало. Перечислю только некоторые.

Суд Линча свирепствует в Соединенных Штатах, и негры живут в постоянной опасности за свою жизнь.

Розенберги шпионами не были. Их осудили и казнили намеренно, с террористическими целями, чтобы запугать всех противников власти.

При МэкКарти у нас существовал настоящий «полицейский режим»; людей хватали и гноили в тюрьмах без всякого суда и следствия. Опасность мэккартизма далеко еще не исчезла.

Американская демократия только показная. Властью руководит Волл стрит и с общественным мнением она не считается.

Справедливо признать, что некоторые (к счастью, немногие) американские туристы своим высокомерием и подчеркиванием превосходства всего американского только усиливают взаимное непонимание и неприязнь к Америке. Вспоминаю американца, который, когда ему называли цены в местной валюте, иронически спрашивал:

«А сколько это на настоящие деньги?»

Итальянские или французские деньги не были, по его мнению, настоящими.

Вспоминаю другие сходные случаи. Европейцы их подхватывают и преувеличивают, чтобы оправдать свое отталкивание от Америки, имеющее более глубокие корни.

*

Европа веками занимала господствующее положение в мире, была вершителем его судеб, духовным его руководителем. Всё это бесповоротно кончилось. Англия, Франция, Италия и Голландия потеряли или теряют свои колониальные владения, лежавшие в основе их экономической и военной мощи.

Англия умудрилась превратить свою империю в содружество народов и таким образом сохранить связь, пусть самую тонкую, с Индией, Пакистаном и другими доминионами. Но и ей пришлось отказаться от Бирмы и уйти из зоны Суэцкого канала. Теперь она вынуждена вести борьбу за Кипр, за Кению и другие свои владения.

Еще хуже положение Франции. Независимо от окончательного решения судьбы Индокитая, Франция навсегда лишилась этой богатейшей колонии. Теперь она стоит перед угрозой потери своих владений в Северной Африке. Французов это, естественно, тревожит, создает в них неуверенность в будущем, порождает зависть к другим более удачливым народам, в первую очередь, к американцам.

Все европейские народы, одни в большей, другие в меньшей степени, завидуют Америке, считают ее выскочкой, несправедливо занявшей первое место на мировой арене. Зависть, мне кажется, одна из главных причин антиамериканских настроений в Европе.

Настроения эти, однако, только одна сторона медали. Есть и другая.

3

Двойственность в отношениях европейцев к Соединенным Штатам бросается в глаза каждому наблюдателю.

Отталкивание от Америки, порожденное ущемленным национальным чувством, непониманием нашей страны, завистью к ней и сознанием своей от нее зависимости, одна сторона медали. На другой стороне — тяготение к Америке, стремление сблизиться с ней, лучше узнать и понять, готовность заимствовать у нее, подражать ей.

Тяготение к Америке (и к России) итальянцев правильно отметил, но неправильно, по моему мнению, истолковал М. Л. Слоним в своем интересном, полном грусти итальянском дневнике («Новое Русское Слово», 28 августа 1955 г.). Он пишет:

> «Итальянцев привлекает не только американское богатство, но и тот психологический строй, который сделал возможным все заокеанские материальные блага. Как часто приходится слышать от итальянских юношей и девушек: «американцы заботятся только о настоящем, оттого оно у них и хорошо. У Америки почти нет традиций, да и от тех немногих, что есть, она отказывается с легкостью. Америка служит веку, а не вечности — и в этом ее заслуга для сотен тысяч итальянцев».

Такое мнение итальянских юношей и девушек М. Л. Слоним разделяет полностью. А мне оно напомнило случай с американской туристкой. Увидев в венецианской лавченке какую-то брошку, она начала вслух

восторгаться «европейским искусством». Кто-то взял брошку, чтобы рассмотреть ее и к немалому смущению туристки прочитал на оборотной стороне: Made in Brooklyn, N. Y.

Об утверждениях, что у американцев нет исторической памяти, нет ощущения непрерывности и преемства, нет почтительности к минувшему, можно сказать, что они made in Europe, даже если они делаются людьми, принявшими американское гражданство и живущими в Соединенных Штатах.

М. Л. Слоним — европеец (говорю это отнюдь не в уничижительном смысле). «Европейцев» с американскими паспортами в Америке довольно много. Одни из них не захотели, другие не сумели, а третьи не успели еще слиться с американским народом, проникнуться его духом и настроениями, понять его по настоящему. Потому у них такие превратные, «европейские» представления о нем.

*

Гуманизм родился в Италии. Но разве одни только итальянцы ощущают его наследие? И неужели сближение Италии с Америкой может быть достигнуто лишь ценой ее отказа от гуманизма?

Из Италии гуманизм распространился по всей Европе, а первые колонисты пересадили его на благодатную американскую почву. Здесь он принял несколько иные формы. Но ведь то же наблюдалось в каждой европейской стране. Американская культура с ее свободами и утверждением достоинства личности, с ее глубоким практическим идеализмом в значительной степени продукт этого гуманизма.

Никакого отрыва от прошлого американский народ не ощущает. Напротив, он знает свое прошлое и чтит его. Он сознает свою связанность не только с прошлым

Америки, но и с прошлым Европы. В Соединенных Штатах до сих пор есть семьи, предки которых эмигрировали сюда в семнадцатом веке, называющие Англию родиной. Вся история Америки окрашена тягой к Европе, огромным к ней интересом. И Вашингтон не случайно завещал народу не вмешиваться в европейские дела.

Американский народ не выполнил этого завещания. Трижды в наше время он бросался спасать Европу, дважды путем военного вмешательства, а в третий раз небывалым, изумительным по замыслу и размаху планом Маршала. Верно, что американцы делали всё это в собственных интересах. Но верно также, что такая политика диктовалась им идеалистическими побуждениями. Они слышали зовы истории и шли спасать европейскую культуру и цивилизацию, с которой были связаны кровными и другими узами.

Чувство исторической преемственности очень сильно в американском народе, и оно проявляется в самых разнообразных формах: в постоянных ссылках, в политических спорах на заветы Вашингтона, Джефферсона и других «отцов»; в большом спросе на исторические труды; в популярности исторических романов и фильмов; в любви американцев к мебели и утвари колониального периода; в реставрационных работах. Восстановленный Виллььямсбург, столица Вирджинии в эпоху английского владычества, привлекает многочисленных «паломников» со всех концов страны.

И не случайно, конечно, Волт Витмэн, самый американский из поэтов, восклицает:

«Прошлое! бесконечное величие прошлого!

Что такое, после всего, настоящее, как не росток прошлого?»

Даже поездки американцев в Европу являются в некотором смысле путешествием в прошлое.

*

Долгое время в Европе судили об Америке не по книгам Токвилля и лорда Брайса, а по писаниям Диккенса, Гамсуна и Горького, несправедливых даже сто или пятьдесят лет назад, а нынче смешных и карикатурных. Там подчеркивают материализм американской цивилизации, но не замечают собственного, часто более черствого. Европейские журналисты всё еще пишут об американской спешке или о грохоте нью-иоркского железа и бетона. В Лондоне, Париже и Неаполе торопятся, пожалуй, не меньше, чем в Нью-Иорке и Чикаго, и никакие нью-иоркские шумы не могут сравниться с грохотом лондонских автобусов и с трескотней многочисленных мотоциклеток всех больших и многих малых европейских городов.

Сейчас в отношении европейцев к Соединенным Штатам наблюдается перелом. Явление послевоенной Америки поразило воображение европейцев. Они начинают видеть Америку иной, совсем не похожей на карикатурное ее изображение. Америка, возможно, и сейчас им кажется выскочкой. Но есть у этой выскочки немало привлекательных черт, у ней молодость, предприимчивость, избыток энергии и богатырская сила. Раньше эта сила пугала. Теперь европейцы начинают понимать важное ее значение для собственной безопасности. Крепнет сознание, что у Европы с Америкой одна судьба

Поэтому наряду с отталкиванием от Америки растет желание сблизиться с ней, заимствовать у нее, подражать ей. У части молодежи такое подражание принимает иногда уродливые формы — она пьет кока-колу, увлекается джазом и ведет себя «по американски». Но одновременно замечается заимствование и подражание более серьезного характера.

Я уже указал на роль американской технической помощи в переустройстве ряда отраслей европейской промышлености. То же происходит в торговле. Вводятся американские формы продажи в рассрочку товаров и даже домов. Открываются магазины самообслуживания, газолиновые станции по образцу американских. Повсюду американские продукты в банках и коробках, американские сорта мыла, американские пишущие машинки, вечные перья, холодильники и стиральные машины.

Не только кока-кола покорила Европу, но и американские фильмы. Они показываются во всех кинотеатрах Европы и пользуются большим успехом.

Мы здесь жалуемся на придорожную американскую рекламу, часто заслоняющую от нас виды природы. Итальянцы уже превзошли нас — их дороги пестрят рекламными, нередко огромных размеров, установками.

*

Большое распространение получил английский язык. Во Франции и Италии на этом языке свободно изъясняются в банках и других учреждениях, в больших магазинах и отелях, во многих кафе и ресторанах. В Швейцарии и Голландии редки случаи, когда вы заговорите в поезде или на улице с незнакомым человеком, чтобы тот не ответил вам на этом же языке.

Повсюду большой интерес к американской литературе и театру, к американской истории.

Черчиль однажды рассказал, что в Итоне он решил изучать американскую историю и сказал об этом своему учителю, но услышал в ответ: «мой юный друг, нет такой истории».

В настоящее время американская история пользуется в Европе заслуженным вниманием.

О том, какие крайние иногда формы принимает тяга к Америке свидетельствует следующий случай. Мы обедали с женой в Café de la Paix в Париже. Рядом с нами уселись английский промышленник из Ноттингэма, его жена и ее родственница.

Незаметно и как-то сразу у нас завязалась беседа. Мы только что приехали из Англии, а наши собеседники возвращались туда с юга Франции. Последовал обмен впечатлениями, а затем разговор перешел на политические темы. Беседа затянулась на весь вечер. И вдруг англичанин мне говорит:

«Вас мои слова, может быть, удивят, но я хотел бы, чтобы была война между Соединенными Штатами и Англией. Такая война продлится не больше недели и закончится победой Соединенных Штатов к большой выгоде Англии, она сделается американским доминионом или штатом».

Слова моего собеседника меня действительно удивили. Услышать их из уст англичанина было более, чем странно. Я возразил ему, что такая война совершенно немыслима, но что всё более тесное сближение и даже вечный союз между Соединенными Штатами и Англией представляются мне неизбежными.

Англия

ЛОНДОН

„СЧАСТЛИВЕЙШЕЕ племя, в малом — мир, роскошный перл в сверкающей оправе серебряного моря, для него служащей и стеной и рвом надежным на зависть всех не столь счастливых стран, благословенный край, страна родная, отчизна наша, Англия...”

Так Шекспир, гордый английской победой над испанской армадой, охарактеризовал свою родную страну, к берегам которой поздно ночью подходил наш пароход. Вдали показались огни, позже стали вырисовываться темные очертания холмов и зданий.

Мы в богатом историческими событиями Саутхэмптоне.

Здесь, в древне-римском Клаузентуме, сохранились следы, оставленные римскими легионами и более поздними завоевателями — норманнами.

Отсюда в 1620 году на маленьком парусном судне «Мэйфлауэр» отплыла в Новый Свет первая партия «отцов-пилигримов» и их семейств, основавшая на побережьи нынешнего Массачусетса колонию и положившая начало Новой Англии.

Отсюда в 1944-45 году, со дня вторжения в Нормандию до дня победы над Германией, 3.500.000 американских и британских бойцов переправились на европейский материк вместе со своим снаряжением в 53 миллиона тонн слишком.

*

На берег нас спустили на рассвете. Моросил дождь, было холодно и сыро. Кто-то пробурчал:

«Настоящая английская погода!»

Позже, уже в Лондоне, когда за завтраком с двумя чиновниками Форен Оффис, я заговорил о трудностях английского климата, один из них, смеясь, возразил:

«У нас нет климата, есть лишь непостоянство погоды».

Непостоянство такое, что лондонцы редко расстаются с зонтиками и дождевиками.

Англичан, однако, их климат не смущает. Они убеждены, что именно резкая переменчивость погоды выработала в их характере черты, которыми они очень дорожат; она научила их не теряться перед лицом неожиданностей и хладнокровно принимать превратности судьбы. Англия таких превратностей испытала не мало.

Кстати, мы говорим «Англия», имея в виду не собственно Англию, а всё Соединенное Королевство. В русском языке это название укрепилось, когда Англия действительно господствовала во всех своих владениях. Всё это давно изменилось. Не только шотландцы или уэльсцы, но и сами англичане никогда не употребляют выражения «английское правительство». Есть правительство Соединенного Королевства, есть Великобритания или просто Британия.

В поезде на пути в Лондон я ошибочно принял шотландку за англичанку. Та поправила меня:

«Я шотландка и британка, но не англичанка».

На мой шутливый вопрос, не мечтает ли она об отделении Шотландии, она ответила:

«Конечно, нет. Англичане тоже британцы и нам лучше быть вместе. Не забудьте, что мы, шотландцы, играем видную роль в нашем правительстве».

И это верно.

*

Англия или Великобритания так велика была всегда в глазах мира, что все часто забывали о ее скромных географических размерах. Мое внимание на это обратил восьмилетний мальчуган, возвращавшийся со своими родителями на родину (отец его представлял лондонскую фирму на западном побережьи Соединенных Штатов). Мальчуган был этим недоволен. Почему?

«Англия очень маленькая страна. На карте я могу покрыть ее мизинцем, а Америка велика, можно вдоволь набегаться».

Мальчуган был прав. По своим размерам (94.000 квадратных миль с лишним) все острова Соединенного Королевства, включая Северную Ирландию, меньше одного нашего штата Вайоминга. Но в Вайоминге 300.000 населения, а в Великобритании 51.000.000. Этим в значительной степени и объясняются недавние, пока преодоленные, экономические затруднения населения этой страны.

*

Лондон нас поразил мощным биением своего пульса, громадными размерами, быстротой уличного движения и невообразимым шумом.

Совсем еще недавно здесь была карточная система и ощущалась острая недохватка во всем. Люди обносились и жили чуть ли не впроголодь, получая по четверти фунта мяса и одному яйцу в неделю на человека; годами не видели апельсинов и других заморских

фруктов. Теперь всё есть. Магазины полны товаров и самых разнообразных продуктов. Нет недостатка и в покупателях. Но нет и хвостов, о которых много писали раньше.

Впрочем, есть хвосты. Стоит наблюдать, как лондонцы становятся в очередь у автобусных остановок, как поочередно заходят в автобусы без давки, без попытки опередить соседа.

Русский лондонец рассказал мне, что однажды он по рассеянности стал в очередь не там, где ему полагалось, а значительно ближе ко входу в автобус. Стоявший впереди англичанин обернулся к нему: «Вы, видимо, торопитесь, займите мое место»...

Много мне приходилось слышать о французской вежливости. В Париже, признаться, мы ее не видели. Зато о вежливости лондонцев можно много рассказать.

Толкните случайно англичанина, и он немедленно извинится перед вами, считая, повидимому, что ваш толчок вызван его неповоротливостью.

Лифтмэн, подымая вас в указанный этаж, открывая двери, благодарит вас. За что? За то, что вы воспользовались его услугами. Такие же слова благодарности услышите, покидая магазин, в котором вы ничего не купили.

Остановите торопящегося прохожего и спросите его, как пройти, скажем, в Британский Музей. Он даст вам подробные сведения с таким видом, будто это самое приятное для него дело и никакое другое его не интересует.

*

Лондон рос и раздвигал свои пределы без всякого плана. Он не город, а сборище городов и пригородов; каждый со своими особенностями. Не отличается Лон-

дон и красотой своей архитектуры. Его вокзалы безобразны и неуютны. Красивых зданий в нем очень мало. Даже Бэкингэмский дворец — обыкновенный большой дом, лишенный всякого стиля. Красочна лишь ежедневная смена дворцового караула, привлекающая большие толпы народа.

Великолепно здание парламента над Темзой с башней Виктории и знаменитыми часами «Биг Бен» по сторонам. Замечательно в архитектурном и историческом смысле Вестминстерское аббатство, в котором происходят коронации английских королей. Очень интересен Тоуэр, построенный еще Вильгельмом Завоевателем. В Тоуэре содержались государственные преступники, многие из них были там же казнены или умерщвлены. Теперь Тоуэр служит хранилищем королевских драгоценностей. Стража его до сих пор носит красочные костюмы 17 века. Величествен собор св. Павла, построенный знаменитым английским архитектором Sir Christopher Wren.

Исключительное место занимает Британский Музей, огромный, внешне тяжеловесный, почерневший от копоти. Чего только нет в этом музее! Коллекции марок, монет и медалей; ассирийские, греческие и римские древности; огромное книгохранилище с редчайшими рукописями на разных языках.

Нужны не часы, а недели и месяцы, чтобы хотя бы поверхностно ознакомиться со всеми достопримечательностями Британского Музея.

Есть и другие интересные здания и памятники. Но они теряются в неказистой архитектуре огромного города.

*

Зато прекрасны лондонские парки и скверы. Хайд Парк известен всему миру. Но гораздо более красив утопающий в цветах Кенсингтон Гарденс. Огромен Бэттерси Парк, в котором есть все цветы, упоминаемые в произведениях Шекспира.

С одним из парков связана интересная, типично английская история. Называется он Грин Парк. Почему зеленый? Разве другие парки не зеленые? Оказывается, что в парке этом, содержащемся на средства королевской казны, были когда-то цветы. Но их рвали, и рассерженный король приказал больше не сажать их. Отсюда и название парка, единственного в Лондоне, в котором совершенно нет цветов.

Интересен случай с другим королевским приказом. Лет двести назад какой-то сердобольный король приказал установить вдоль парка столы для того, чтобы люди с тяжелой поклажей на плечах могли положить на них свою ношу и передохнуть. Переноска тяжелых предметов давно прекратилась — для этого есть машины и повозки, но столы остались — на память. Таких памятников старины в Лондоне великое множество. Их можно заметить чуть ли не на каждом шагу.

До сих пор существует лавка древностей, описанная Диккенсом в романе того же названия.

На Бэйкер стрит вам покажут дом, в котором «жил Шерлок Холмс».

Сохранились дома, в которых жили знаменитые английские государственные деятели, писатели и ученые.

Чудом сохранилась церковка св. Варфоломея Великого, построенная в 1123 году. Рядом с ней немец-

кими бомбами были разрушены несколько зданий, а у церковки пострадала только ограда.

Большое впечатление производит дом 10 Доунинг стрит, очень небольшой, самый обыкновенный (таких домов в Лондоне великое множество). Никто и не подумал бы, не зная этого заранее, что здесь резиденция первого министра Великобритании.

ПАЛАТА ОБЩИН И ЕЕ СПИКЕР

Парламентские выборы в Великобритании по своему значению равны президентским в Соединенных Штатах. Но есть в английских выборах много особенностей, отличающих их от американских. Укажу только на некоторые из них.

В Англии любой британский подданный в возрасте двадцати одного года, кроме правительственных чиновников, судей и духовных лиц, может выставить свою кандидатуру в Палату Общин, при условии, что он внесет залог в 150 фунтов стерлингов. Залог этот ему возвращается, если он собрал на выборах не меньше восьмой части всех голосов, поданных в данном избирательном округе.

Кандидат не обязан жить в представляемом им округе. Так, Черчиль в начале своей политической карьеры ряд лет представлял округ в Шотландии, в котором не только никогда не жил, но куда очень редко заезжал.

Кандидат не должен быть одобрен на «праймерис» или конвентах. Его назначает Центральный Комитет партии. Он же указывает ему округ.

В президентских выборах избиратели голосуют за одного или другого кандидата на пост главы республики.

В Англии никто на минувших выборах не голосовал за то, чтобы Иден или Эттли был избран первым министром. Оба были только кандидатами в Палату Общин наравне с 628 другими кандидатами. За или против них голосовали лишь избиратели их округов.

Проще говоря, Иден не был избран первым министром на выборах. Его выдвинула на этот пост парламентская фракция консерваторов, получившая на выборах большинство. Этого было достаточно, чтобы королева предложила ему сформировать кабинет.

В Соединенных Штатах бывает, что президентом избирается член одной партии, а в Конгрессе или одной из его палат большинство оказывается у другой партии, что еще больше осложняет и без того нелегкое сотрудничество между Капитолием и Белым Домом.

В Англии такая возможность совершенно исключена. Партия, победившая на выборах, нераздельно пользуется исполнительной и законодательной властью, которая вся сосредоточена в Палате Общин.

Это не всегда так было. Как известно, английские (и американские) свободы берут свое начало от Великой Хартии, которую подданные короля Джона (Иоанна) Безземельного заставили его подписать в 1215 году. То было только начало. Английские короли, начиная с того же Джона Безземельного не раз пытались уничтожить ростки свободы и восстановить свою власть. Палате Общин приходилось вести борьбу не только с ними, но и с пэрами, заседающими в Палате Лордов.

Потребовались семь с половиной веков неустанной борьбы за народное представительство; понадобились выдержка и настойчивость, искусные ходы и нагромождение прецедентов, на которых зиждется не-

писанная английская конституция, чтобы Палата Общин достигла своего нынешнего первенствующего положения. Она лишила королей всякой власти: «король царствует, но не управляет». Она превратила Палату Лордов в почти ненужный придаток, в нечто вроде отростка слепой кишки в человеческом организме, который не удаляется, главным образом, потому, что никакой надобности в этом больше нет. Палата Лордов примирилась со своим подчиненным положением и не пытается изменить его. Кроме того, она выполняет некоторые полезные судейские функции.

*

Борьба, которую Палата Общин вела с королевской властью, защищая права простого народа, была не только длительной, но часто тяжелой и опасной, а иногда и кровопролитной.

В 1242 году король Генрих III потребовал, чтобы парламент ввел новые налоги для финансирования его войны с Францией. Палата Общин ответила, что только она вправе вводить налоги и указывать на что собранные суммы должны расходоваться. Король уступил. То был прецедент. Несколько лет спустя король Эдвард I официально признал это право за парламентом.

Выдающуюся роль в борьбе парламента с королевской властью играли спикеры. Спикер Палаты Общин не то же, что спикер нашей Палаты Представителей. Наш спикер избирается партией большинства в качестве председателя. В Палате Общин спикер избирается не по партийной принадлежности, а благодаря своим личным качествам — он должен быть человеком достойным, независимым, справедливым и совершенно

беспристрастным. Спикер представляет не партию, а всю Палату Общин.

Вначале спикер являлся официальным ходатаем Палаты Общин перед королем. Позже его роль переменилась — он превратился в главного защитника прав парламента против посягательств на них королевской власти.

Когда король Чарльз I однажды ворвался с отрядом солдат в Палату Общин с целью арестовать нескольких неугодных ему депутатов и, не найдя их в помещении, потребовал, чтобы спикер указал, где они скрылись, тот ответил:

«Да будет вашему величеству известно, что в этом помещении я могу видеть и слышать только то, что повелевает мне Палата Общин, слугой которой я являюсь».

Король Чарльз I окончил жизнь на плахе, потому что настаивал, что правит милостью Божьей, а не волей народа. Но после него короли потеряли право посещать Палату Общин во время ее заседаний. Любой англичанин или даже иностранец свободен посетить Палату Общин, но этого не может сделать любимая королева Елизавета II.

Больше того, перед посланцем королевы, явившимся в Палату Общин с каким-либо официальным поручением, захлопываются двери, он должен трижды постучать в нее (я видел следы этих стучаний) и получить разрешение спикера войти. Но и тогда он обязан остановиться у «перекладины», узкой полосы светлой материи, нашитой на зеленого цвета ковер. Оттуда он докладывает спикеру. Переступить через «перекладину», то есть войти в Палату, королевскому посланцу запрещено.

К этой «перекладине», между прочим, вызываются люди, оскорбившие «достоинство Палаты Общин» или нарушившие ее «права и привилегии». Спикер выступает в данном случае в роли судьи, и он может приговорить виновного к тюремному заключению. Такие случаи, однако, очень редки.

*

Спикер — самый могущественный человек в Палате Общин. Когда он встает, любой оратор, будь он даже первый министр, должен умолкнуть и сесть на свое место. Спикер может удалить из Палаты любого ее члена или даже приказать вывести его силой.

Как это обычно бывает в Англии, роль спикера подчеркивается внешними церемониями. Расскажу об одной из них.

Каждое утро перед началом заседания Палаты Общин в центральном «лобби», большой комнате, ведущей в Палату, собираются депутаты и посторонняя публика. Несколько «бобби» следят, чтобы проход в Палату оставался свободным. Раздается приказ полицейского офицера: «Шапки долой, посторонние!» В дверях «лобби» появляется процессия. Впереди идет «оруженосец», обычно отличившийся морской или армейский офицер в отставке; он несет серебряную с позолотой булаву — символ власти Палаты Общин. За ним следует спикер в белом парике, коротеньких черных панталонах и в длинной черной мантии, конец которой поддерживает камердинер. Шествие замыкают капелан и секретарь спикера. Находящиеся в «лобби» депутаты низко кланяются спикеру.

СТРАНА ШЕКСПИРА

Едем на родину Шекспира. Лондон долго не выпускает из своих объятий. Но вот и он остался позади. Почти сразу меняется характер местности: невысокие холмы, узкие, волнистые долины, быстроводные речки. Мимо проносятся редкие имения, поля, лесочки, стада овец на пастбищах, красивые, каждая на свой манер, деревни, старинные городки, упоминаемые в английских детских песенках, хорошо известные и американской детворе.

Это Котсволды и страна Шекспира, коренная Англия, до сих пор сохранившая свою патриархальную прелесть. Здесь, между прочим, во дворце Бленхайм, родился Черчиль. Прозжаем мимо имения. Обширный парк заслоняет дворец, построенный знаменитым предком Черчиля герцогом Марлборо и названный им Бленхайм в память своей победы под Бленхаймом, в Германии, во время войны за испанское наследство.

Дальше. На возвышенности деревушка Айно: белые, крытые соломой домики, у каждого деревцо, ствол и ветви которого приплюснуты к стене, будто срослись с нею.

Название деревушки имеет забавную историю. Был когда-то член парламента, прославившийся тем, что в течение тридцати лет он не произнес ни одной речи и не пропустил ни одного голосования, когда говорил только aye (да) или no (нет). Отсюда и название его родной деревушки.

На этом же пути находятся Большое и Малое аббатства. Аббатства эти были основаны бенедиктинцами в первой половине двенадцатого столетия: Большое аббатство, как мужской монастырь, Малое, как женский.

При Генрихе VIII все монастыри были запрещены и имущество их конфисковано. Большое аббатство перешло в частные руки. Теперь в нем помещается школа. Малое — долго пустовало. Говорили, что в нем водятся духи, рассказывали, что в аббатстве устраивались оргии и совершались преступления.

Теперь Малое аббатство превращено в придорожную гостиницу и ресторан. Часть здания попрежнему пустует и дверь туда заколочена. Это также ведет к разным толкам. Говорят, что за заколоченной дверью обнаружен подземный ход, соединявший Малое аббатство с Большим. Все эти были и небылицы давно минувших времен несомненно на руку нынешним владельцам — они привлекают любопытных туристов. Но кормят в Малом аббатстве отвратительно.

*

Въезжаем в Оксфорд, один из древнейших английских городов, и поныне сохранивший свой средневековый характер, чему не мало способствуют 28 колледжей Оксфордского университета, его музеи, научные институты, обсерватория, библиотеки, из которых Бодлеянская насчитывает до 1.800.000 книг и свыше 40.000 рукописей.

В Оксфордском университете любят рассказывать анекдот об американском туристе, который, осмотрев здания колледжей, спросил: «Неужели эти развалины обитаемы?»

Оксфордчане не отрицают ветхости некоторых зданий, но указывают, что тысячи студентов, в том числе и 250 американцев, чувствуют себя в этих «развалинах» совсем не плохо, даже уютно.

Впрочем, не мне судить о «развалинах» Оксфордского университета. За недостатком времени нам уда-

лось осмотреть одно только здание — колледж Магдалины, основанный в 1458 году, и его чудесный сад. В простых, даже суровых, линиях старинного здания благородство и строгая красота. В саду ливанские кедры и громадных размеров буковые деревья с листьями цвета меди. Таких исполинов мы нигде на материке Европы не видели.

На прелестных лужайках разгуливают вездесущие голуби; истуканом стоит птица с красным клювом и пристально глядит на нас своими большими, неподвижными глазами. Что это за птица? Нам поясняют: «Московский селезень». Мы подходим к птице вплотную, но она не двигается, привыкла к человеку.

*

История возникновения Оксфордского университета окружена легендами. Одна из этих легенд связывает это событие с именем Брута Троянского. Мифический Брут Троянский, внук Энея, бежал или был изгнан из Трои, основал Новую Трою на месте нынешнего Лондона, поднялся выше по Темзе и в том месте, где в нее впадает река Червелл, заложил город Оксфорд и университет. Всё это произошло за тысячу лет до нашей эры.

На самом деле Оксфордский университет был основан значительно позже. Первое упоминание о нем в истории относится к 1133 году. Но даже в этом случае университет имеет за собой славную восьмивековую историю. Достаточно напомнить, что с ним связаны имена Роджера Бэйкона (Бэкона), Джона Виклиффа, Джона Локка и Адама Смита; в нем читали лекции Эразм Роттердамский, сэр Томас Мор (автор «Утопии») и многие другие всемирно известные ученые, теологи, философы, государствоведы.

Влияние Оксфордского университета всегда было велико в Англии и нередко даже за ее пределами. Так, в его стенах зародилась религиозная реформация. Виклифф первый наметил все существенные черты реформации, и его учение значительно позже оказало огромное влияние на Яна Гусса, Иеронима Пражского, Лютера, Кальвина и других.

В самой Англии Оксфордский университет (равно как и Кэмбриджский) поставлял стране не только ученых, но и выдающихся государственных и общественных деятелей, писателей и поэтов, людей, влиявших и формировавших общественное мнение, на которое в большей или меньшей степени опирается всякое демократическое правительство.

Сказывается влияние Оксфордского университета и в наше время, особенно в вопросе об англо-американских отношениях.

В прошлом Оксфордский университет немало содействовал распространению антиамериканских настроений. Оттуда пошла по адресу американцев презрительная, отдающая снобизмом, кличка «колонисты». Там именно утверждали, что Соединенные Штаты — единственная страна, которая перейдет из состояния варварства к упадку, минуя эпоху цивилизации.

*

Появление в Оксфордском уинверситете американских студентов, стипендиатов Родса, а в последние годы и Фулбрайта, способствовало, конечно, смягчению, если не полному исчезновению антиамериканских настроений. Еще большее значение имели события последних лет: военная помощь Соединенных Штатов в начале войны, когда Англия в одиночку отбивалась от

гитлеровских налетов, план Маршала и влияние Черчиля.

В настоящее время антиамериканская и нейтралистская пропаганда Бевена и его сторонников в стенах Оксфордского университета никакого сочувствия не встречает. Больше того, она осуждается и с нею борются.

Так, совсем недавно, незадолго до нашего посещения университета, в одном из его колледжей состоялась конференция, посвященная англо-американским отношениям. Участники совещания, студенты и профессора, поставили вопрос: «Можем ли мы (то есть Соединенные Штаты и Великобритания) идти вместе?» И ответили: «можем и должны».

Председатель совещания Е. Т. Вилльямс, декан Родс Хауз, приветствовал собравшихся и указал на необходимость самого серьезного внимания к вопросу об англо-американских отношениях. Нравится ли это, или нет, сказал Вилльямс, но судьбы обоих государств перемешались и такими они останутся. До последней войны у Соединенных Штатов никакой в сущности, по мнению Вилльямса, внешней политики не было. Теперь такая политика есть и оратор назвал ее на редкость последовательной согласованной, дальновидной и разумной.

Другой оратор, сэр Вилльям Ридсдэйл, указал, что многие недоразумения между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами объясняются не злым умыслом, а недостаточным пониманием друг друга. Надо содействовать росту такого понимания.

Вилльямсу и Ридсдэйлу возражали. Говорили, что американцы не созрели еще для руководства свобод-

ным миром, что они часто опрометчивы на словах и на деле.

Все, однако, согласились, что при любых временных расхождениях между Вашингтоном и Лондоном следует помнить, что безопасность одного тесно связана с безопасностью другого.

*

От Оксфорда до Стрэтфорда на Эйвоне рукой подать, всего около часа езды. Эйвон ленивая река с живописными берегами. В Стрэтфорде через нее переброшен каменный мост, воздвигнутый еще в шестнадцатом веке. К тому же приблизительно времени относится большинство зданий городка с его кривыми улочками и переулками.

На главной улице два ряда домиков, в большинстве двухэтажных и в стиле Тюдоров, стоят тесно прижавшись друг к другу. Сколько им лет? Не современники ли они Шекспира?

На одном домике есть дата: он построен в 1490 гогоду. В нем помещается типография имени Шекспира. На вывеске указано: типографию открыл в 1591 году Виллььям Джэггерд; в 1623 году он напечатал в ней первые издания Шекспира.

Дом, в котором родился Шекспир, превращен в музей и библиотеку его имени. Посетителям показывают дома его дочерей и внуков и место, где находился большой дом, в котором Шекспир, вернувшись из Лондона, провел последние пять лет своей жизни.

Большой популярностью у туристов пользуются крытый соломой коттэдж жены Шекспира Энн Хэтэвэй и утопающий в розах домик его матери. Оба находятся не в самом Стрэдфорде, а неподалеку от него.

Останки Шекспира и его жены покоятся в алтаре старинной церкви св. Троицы. Надпись на надгробном камне, составленная, как передают, самим Шекспиром, содержит просьбу не тревожить его костей.

Шекспир не знал, конечно, как будут цениться в Стрэдфорде и его останки и все другие предметы, имеющие даже отдаленное к нему отношение. Большая часть населения городка благоденствует благодаря Шекспиру и наживается на его имени. После Лондона городок привлекает самое большое число туристов, до 750 тысяч в год.

Туристы останавливаются в отеле имени Шекспира, платят за осмотр всех достопримечательностей, связанных с его именем, покупают всевозможные безделушки с его изображением, посещают театр имени Шекспира, в котором ставятся его трагедии, драмы и комедии.

Гостиница имени Шекспира не единственная в Стрэдфорде, но самая популярная у туристов. В ней всё напоминает о Шекспире. Всем комнатам даны названия его пьес: столовая называется «Как вам это понравится», бар — «Мера за меру» и т. д. Рассказывают, что молодоженам случайно отвели однажды комнату «Укрощение строптивой». Молодая женщина учинила скандал. Ее успокоили и дали комнату: «Много шума из ничего».

*

Театр новый (старый сгорел в 1926 году) построен на берегу Эйвона на средства, собранные по подписке. Обошелся он в 750.000 долларов, большая половина этой суммы получена из Америки. Щедрое американское участие в строительстве театра и связь с Соеди-

ненными Штатами вообще отмечена на особой доске у входа в залу театра.

Есть в Стрэдфорде и другое указание на эту связь. Это очень красивый дом 16 столетия, принадлежавший Томасу Роджерсу, чья дочь была матерью Джона Харварда, основателя Харвардского университета.

В театре играет одна из двух лучших шекспировских трупп в Англии. Все места (1.200) берутся на расхват. Пьесы даются ежедневно, от марта до ноября. В прошлом году театр имел 350.000 посетителей.

Когда мы были в Стрэдфорде шла комедия «Всё хорошо, что хорошо кончается». Актеры знали свои роли на зубок. Прекрасны были декорации. Вся постановка доставила огромное наслаждение.

В эпилоге король обращается к публике: «Мы дали вам наши сердца, дайте нам взамен ваши благосклонные руки». Гром долго несмолкавших аплодисментов был ответом на эти слова.

*

Когда мы уезжали из Англии, таможенный чиновник, вместо осмотра нашего багажа, полюбопытствовал узнать, что мы видели в Англии и как виденное нам понравилось.

Обрадовавшись нашему ответу, он сказал:

«У нас нет, конечно, ваших величественных Скалистых гор и Великого Каньона, но и у нас есть прелестные места, есть что посмотреть. Не правда ли?»

Мы охотно согласились с ним.

Франция

ПАРИЖ И РИВЬЕРА

МЫ ПЕРЕСЕКЛИ всю Францию с севера на юг, от Ламанша до Средиземного моря, с двумя только короткими сравнительно остановками в Париже и Ницце. Мимо нас, как на кино-ленте, пронеслись зеленые поля севера и виноградники юга. Поезд-экспресс делал редкие остановки на станциях больших городов и, передохнув, убегал дальше.

Знакомиться со страной из окна вагона, конечно, нельзя. Неделя в Париже и дней пять в Ницце также дали мало, слишком мало. Парижу во всяком случае надо было уделить больше времени. До последней войны столица Франции была также культурной столицей русской эмиграции. Война и время всё это изменили: «иных уж нет, а те далече». Но и сейчас в Париже живет немало русских писателей и журналистов, политических и общественных деятелей. Кое-кто сменил вехи, пошел на службу к коммунистической диктатуре. Но большинство не поддалось большевицким посулам. Многие русские парижане украшают своими статьями и стихами страницы Нового Русского Слова. Как не повидать их, не побеседовать с ними?

*

Увы, повидать всех, кого хотелось, побеседовать с каждым по настоящему, так и не удалось. Я, признаться, неудачно составил расписание нашего путешествия, а менять его было трудно, даже невозможно.

Комнаты во всех гостиницах были заказаны заранее и на определенные сроки, отказываться от них было рискованно — при летнем наплыве туристов можно было совсем остаться без ночлега.

Хотел заехать к В. А. Маклакову — не успел. Встреча с Н. В. Юрьевским (я ее очень желал) не состоялась — он был болен. По той же причине не состоялась встреча с С. П. Мельгуновым. Г. Адамович находился в Англии. Не удалось мне даже созвониться с Дон Аминадо и напомнить ему о его кратком пребывании в Нью-Иорке, спросить его, сохранился ли в его памяти случай, когда рано утром в редакцию прибежал читатель с единственной целью пожать ему руку за его стихотворный фельетон «Они жуют».

«Встал я, — рассказывал читатель, — в очень скверном настроении, тоска гложет и не знаю, как от нее избавиться. Еду на работу. Развернул газету, вижу фельетон Дон Аминадо, начал читать и хохочу на виду у всех, весело мне, и тоску как рукой сняло. Вот и пришел поблагодарить».

Впрочем, у Аминада Петровича таких случаев было, вероятно, не мало.

*

Дважды зато я виделся с председателем Земгора Н. С. Долгополовым. Как раз во время моего пребывания в Париже Николай Саввич был награжден орденом Почетного Легиона. То был первый случай, когда труды русского общественного деятеля на пользу русским были таким образом отмечены французским правительством.

Посетил я А. М. Ремизова и В. Н. Бунину, у которой познакомился с Леонидом Зуровым. Виделся с

Б. К. и В. И. Зайцевыми. Посетил меня редактор «Русской Мысли» С. А. Водов.

Встреча с парижскими сотрудниками нашей газеты состоялась на квартире А. М. Элькан. Были там В. Н. Бунина, О. М. Можайская, А. С. Шиманская, Р. С. Чеквер, Ю. Л. Сазонова, С. Ю. Прегель, А. В. Руманов, П. А. Берлин, В. Е. Татаринов, К. Д. Померанцев, Г. А. Раевский, Ю. К. Терапиано, В. Емельянов и другие — всех не упомнишь.

Были и случайные встречи. В один день мы три раза брали такси и каждый раз шофер оказывался русским. Шоферов такси в Париже 20.000; русских было 4.000, осталось 1.500; одни поумирали, другие разъехались. Остальные, в большинстве бывшие военные, примирились со своей судьбой и никуда ехать не собираются.

«Нас теперь, — сказал мне один шофер, — уговаривают возвращаться на родину. Чего не видал я на этой родине? Никого в живых у меня там не осталось. Всё, что было дорого, уничтожено. Теперь Россия чужая мне страна, а детям моим подавно».

Пришлось мне выслушать в Париже и другие рассказы, жалобы на нужду и безнадежность положения. Французы никогда не отличались любовью к иностранцам. Не отличаются они ею и сейчас. Русскому эмигранту редко удается добиться здесь улучшения своего материального положения.

Хуже всего старикам и детям-сиротам. Хорошо, что о них заботятся Земгор и другие русские учреждения, создавшие под Парижем несколько домов для престарелых и для сирот. Хорошо, что есть такие самоотверженные люди, как Н. С. Долгополов, К. Р. Кровопусков и С. М. Зернова.

Сиротский дом С. М. Зерновой находится в живописной местности, в часе езды от Парижа. Дом большой, был когда-то дворцом, кажется, короля Генриха III, потом монастырем. Теперь он медленно перестраивается, медленно потому, что не хватает средств.

Дети, их теперь 84, радостно бросаются навстречу посетителям. За ними есть уход, они сыты и обуты, но им хочется и человеческой ласки. Для нас они разыграли пьеску о спящей царевне и исполнили несколько танцев — всё это с большой охотой, без всякого решительно принуждения.

*

Такие посещения и встречи с русскими, желательные и даже необходимые, мешали осмотру Парижа. Еще больше помешала дождливая погода. Хорошо, что друзья наши А. С. Сорина и другие, возили нас на своих машинах.

Лувр мы осматривали в полном мраке: над Парижем нависли черные тучи и шел проливной дождь, а электрического освещения в музее не дали, хотя мне говорили, что оно там имеется.

В Булонский лес мы также поехали в дождливую погоду. Это не плохой парк, во многом уступающий лондонским. Называть его лесом могут только люди, никогда настоящих лесов не видавшие.

Не повезло нам и с Версалем. Внутри мы хорошо его осмотрели, полюбовались его картинной галереей и даже заглянули в залу зеркал, в которой в июне 1918 года был подписан Версальский договор. Но осмотреть прекрасные сады Версаля опять таки помешал проливной дождь.

*

Ну, а Париж в целом? Парижем восхищались и продолжают восхищаться; называли его городом-светочем, подлинной столицей мира, воспевали в стихах и прозе. Гейне когда-то писал, что даже грязные камни парижских мостовых «бросают яркие отсветы в мозг и сердце человека» и «самый воздух насыщен токами вдохновения».

Чтобы такое писать о великом городе, надо жить в нем, надо освоиться с его ритмом, почувствовать его душу. В несколько дней этого не почувствуешь, а иногда не почувствуешь и в десятки лет.

Знаю я, например, давних жителей Нью Иорка, ничего решительно в нем не видящих, кроме безобразных, подавляющих каменных громад. А меня громады Рокфеллеровского Центра и новейших небоскребов ничуть не подавляют, в них много красоты, и восхищает простота их линий.

Есть, конечно, в Нью Иорке немало безобразного. Но есть оно и в Париже. Надо уметь видеть и то и другое.

Посмотрите на Нью Иорк со стороны Стэтэн Айлэнда, и перед вами откроется величественная панорама толпящихся, как-будто из самой воды подымающихся громад. Вечерами громады эти исчезают и на черном фоне видны лишь мириады повисших в воздухе огней.

Или посмотрите когда-нибудь издали на дома Пятого Авеню вдоль Сентрал Парка, когда на них падают последние лучи солнца. Полюбуйтесь вечером сказочной картиной, открывающейся перед вами со стороны 59 улицы.

А нью-иоркское небо? Нигде в Западной Европе

я такого неба не видел. Не видел также таких солнечных закатов, какие бывают над Гудзоном.

А самый Гудзон? Темза, Сена, Тибр и Арно — исторические реки; с ними связаны великие воспоминания. Но сравнивать их по красоте с мощным Гудзоном никак нельзя.

Я всегда знал, что Риверсайд Драйв одна из красивейших улиц в мире. Теперь, побывав в Европе, я окончательно в этом убедился.

*

Спору нет, Париж очень красив. В большей мере, чем у какого-либо другого великого города, у него есть форма, есть гармония, есть перспектива. Прекрасное зрелище, именно зрелище, представляет собой Париж по вечерам, когда вся центральная его часть: Площадь Согласия, Елисейские Поля, Триумфальная Арка, Опера — залиты морем огней. Таким мы его увидели в первый вечер нашего приезда.

При дневном свете начинаешь замечать изъяны Парижа.

Красоту Больших Бульваров портит вид облезлых домов, давно некрашенных, с потрескавшейся или совсем обвалившейся штукатуркой и расставленные по ним в разных местах писсуары. Можно также спорить о красоте отдельных зданий. Мне, например, здания Оперы и церкви Мадлэн совсем не понравились, хотя Опера всё же лучше нашей казарменной, лишенной всякого вкуса, Метрополитэн Оперы.

Эйфелева башня безобразна. Зато с ее верхней площадки открывается вид на весь Париж. Мне говорили, что вид этот вызывает благоговение и удивление. Всё это преувеличено, но посмотреть оттуда Па-

риж стоит. Хорош также Париж, если посмотреть на него с крыши Собора Парижской Богоматери. Но для этого надо подняться по очень крутым, узким и местами темным ступеням каменной лестницы. Таких ступеней я насчитал 330 с лишним.

Готика Собора Парижской Богоматери снаружи замечательна. Но внутри на меня повеяло пустотой и холодом, чего совсем не было в тоже готическом Вестминстерском Аббатстве. Мне кажется, что Собор нас интересует больше потому, что о нем столько писали Гюго, Бальзак и другие. Писали и о Вестминстерском Аббатстве, но можно было и не писать — в нем каждый камень, каждая вещица — свидетели истории.

*

Были у меня интересные встречи в Ницце. Посетил я там М. А. Алданова, перенесшего в те дни операцию. В больнице мне разрешили 15-минутное свидание с ним. Позже я был рад узнать, что писатель находится на пути к выздоровлению. Приятно было провести несколько часов с Б. Ю. и А. Н. Прегелями, прилетевшими из Нью-Иорка.

Проживающий сейчас в Ницце А. Я. Столкинд устроил мне ряд встреч с местными русскими, между прочим, и с Л. Ф. Сабанеевым, которого я знал раньше только по переписке с ним. Он же повел меня в местный православный собор и в Русский Дом.

Собор удивил своей красотой. Он был сооружен в память цесаревича Николая, сына Александра II, скончавшегося в Ницце от чахотки, и считается одной из достопримечательностей Ниццы. Без доходов с посещающих его туристов собор давно бы закрылся, так как русских в Ницце всего 1.100 человек и, кроме собора, их обслуживает еще церковь.

В Русском Доме нас очень любезно приняли се-

кретарь Н. К. Герценфельд и библиотекарь А. А. Варзукевич. Они показали нам помещение и библиотеку и просили передать соотечественникам в Америке их просьбу о присылке в библиотеку книг.

*

Недалеко от Ниццы, в горном городке Вансе, живет знаменитый художник Марк Шагал. Ванс — излюбленное место художников. Там провел последние годы своей жизни Матисс. Узнав о нашем приезде Шагал пригласил нас к себе. Мы вместе пообедали в местном ресторане и вспоминали наши былые встречи в Нью-Иорке. Художник, между прочим, очень интересовался делами Литературного Фонда и обещал прислать «кое-что» для продажи или розыгрыша в пользу Фонда.

«Продать только нужно будет дорого», подчеркнул Шагал. Он прав: все произведения его кисти расцениваются на вес золота.

*

Не стану описывать красот Ривьеры — они хорошо известны. Колоритен старый город Ниццы с его кривыми улочками. Интересно княжество Монако с Монте-Карло. Очень красивы дороги вдоль побережья, особенно Grande Corniche, проведенная на большой высоте.

Пляжи небольшие, усеянные камешками, никак не могут сравниться с огромными, очень удобными пляжами нашей Флориды.

Зато на Ривьере, недалеко от берега, подымаются террасами приморские Альпы, а на террасах многоцветные дома. Всё это создает величественную панораму. Прекрасно и Средиземное море, то зеленое, то синее, а иногда почти черное.

Италия

ГЕНУЯ — НЕАПОЛЬ — ПОМПЕЯ СОРРЕНТО — КАПРИ

ИТАЛИЯ — страна большого разнообразия и причудливых контрастов. Разнообразие и контрасты во всем — в природе и климате, в физическом облике и темпераменте итальянцев, в их языке, в их религиозных верованиях и политических убеждениях, в сочетании различных культур и цивилизаций и даже в том, что Италия (древний Рим), некогда властвовавшая над всем известным в то время римлянам миром, веками оставалась разъединенной, разделенной на многочисленные, враждовавшие между собой города-республики.

Странно подумать, что не только Венеция, Генуя или Флоренция были самостоятельными республиками — ими были даже самые маленькие городки. Именно поэтому такие городки создавались на вершинах гор: там было безопаснее и легче отбивать нападения соседей.

Странно также вспомнить, что политически Италия моложе Соединенных Штатов — она окончательно объединилась 20 сентября 1870 года, когда Гарибальди вступил в Рим. Об этом событии напоминают многочисленные в итальянских городах Via Venti Settembre.

*

В облике итальянцев юга сказывается примесь финикийской, греческой, мавританской и других кровей. В жилах итальянцев-северян не мало тевтонской (лонгобарды) и славянской крови. Южане низкорослы и смуглы. Чем дальше на север, тем светлее цвет кожи. В Тоскане часто попадаются рослые блондины; их очень много в Ломбардии.

То же с языком. Итальянские диалекты настолько отличаются друг от друга, что кажутся разными языками. Достаточно сравнить, крайне поразивший меня, гортанный, лишенный всякой красоты, язык венецианцев с музыкальностью итальянской речи жителей Тосканы или современных римлян. Венецианский гондольер «Джо», очень смышленый и говорящий немного по-английски, рассказал мне, что он побывал на юге Италии и чувствовал себя как бы в чужой стране: южане его не понимали, и он их не понимал.

Наконец, только, вероятно, в Италии можно видеть в одном буквально месте величественные руины древности, средневековый собор, жилые дома новейшей архитектуры и проведенную мимо всего этого автомобильную дорогу.

Только итальянец может сочетать в себе глубокую религиозность и веру в коммунистическую партию, любовь к старине и способность ее портить. На старинных стенах очаровательного, буквально музейного, городка Сиена я видел, выведенный красной краской серп и молот и под ним слова: «голосуйте за коммунистов».

*

В Италию мы въехали со стороны Ривьеры. За Ментоной сразу отлетела красочность французского

Côte d'Azure. Заметно изменился ландшафт. Те же приморские Альпы, террасами спускающиеся к крутому берегу моря. Но вид у них более суровый. Редкие домики жмутся к склонам зеленых гор. Другие лентой тянутся вдоль придорожных круч. Селения в долинах и кучки домиков у самого берега. Только море сверкает своей бирюзой и ласкают взор пятна свисающей с круч буганвилии.

Здесь, как и позже во всей Италии, напоминает о себе история. Часто попадаются руины древнего римского пути Марка Аврелия.

Дорога огибает красивый Генуэзский залив. Вот и сама Генуя, первый порт Италии, родина Христофора Колумба. Вид города, спускающегося к морю широким амфитеатром, великолепен. Не таков он, к сожалению, внутри. Первоклассные гостиницы, сверкающие белизной дворцы, старинные музеи и церкви. И тут же, чуть ли не рядом, отвратительные трущобы с их невыносимой грязью и вонью.

Дома, почерневшие снаружи и темные внутри, никогда не видят лучей солнца, как не видят их и улочки с переулками этих кварталов. Как живут здесь люди? Как вырастают дети? Наблюдаю прохожих. Они, как ни в чем не бывало, оживленно беседуют, хохочут. Вот весело подпрыгивая, бежит мальчуган, бабушка кричит ему что-то вдогонку и улыбка озаряет ее лицо: «бамбино» шалит.

Только итальянцы могут быть счастливы в такой обстановке. Но счастливы ли они? Не потому ли в Италии так быстро расцвел фашизм? И не потому ли в ней так много коммунистов?

*

Из Генуи поезд мчит нас на юг. Мы спешим туда, чтобы до наступления жары взглянуть на Неаполь, посетить Помпею, проехать по знаменитой горной дороге Амальфи в Сорренто и побывать на Капри.

Меняется пейзаж. Множатся сады худосочных на вид оливковых деревьев с их серой, как-будто покрытой пылью листвой. Здесь и там пшеничные поля, наспех сколоченные из досок крестьянские хижины, пастушок в лохмотьях, группа босых женщин, стирающих у ручейка белье. Крестьянин в расстегнутой рубахе и закатанных по колена штанах месит ногами глину и тут же подбадривает ослика; тот вертит жернов, крошащий камни.

Какой застывший в своей первобытности мир!

*

Но вот и Неаполь, грязный, шумный и душный. Жара всё-таки опередила нас. И она оставалась с нами в течение всего нашего пребывания в Италии. Только в Сорренто и на Капри, а позже в Венеции она давала нам передышки.

Итальянский юг был заселен задолго до основания Рима. За тысячу лет до Рождества Христова там были уже финикийские и греческие колонии, процветала культура, следы которой остались поныне. Греческими колониями были Партенопея и Неаполис, слившиеся впоследствии в один город.

Неаполь очень красив с моря. Таким мы его видели с берега Сорренто, с Анакапри и на более близком расстоянии с парохода, когда возвращались с Капри. Город раскинулся тогда перед нами вдоль дугообразного берега со своими домами, средневековыми

замками и дворцами, современными виллами, рядами пальм на главных улицах. И над всем этим затихший, но вечно грозный Везувий.

Наш отель расположен у самого берега залива. С балкона нашей комнаты виден весь порт, виден остров Санта Лючия, видны белые домики далекого Сорренто.

Большую часть своего свободного времени неаполитанец проводит на улице. Вечером неаполитанцы рассаживаются на стульях, расставленных на тротуаре впереди каждого кафе, или стоят такими толпами, что трудно пройти, не толкаясь.

Несколько в стороне от толпы девушка и солдат громко о чем-то спорят. В толпе поворачиваются в их сторону и смеются. Между солдатом и девушкой идет откровенный торг. Девушка, ей не больше лет восемнадцати, запрашивает за свою любовь одну цену, солдат уговаривает ее взять меньше. Девушка со смехом отбегает. Солдат бросается за ней. Оба останавливаются и под громкий уже хохот толпы возобновляют торг.

Идем дальше мимо церквей, мимо фонтанов, мимо галереи Умберто. Начинаем блуждать. И только после долгой ходьбы и расспросов опять выбираемся на набережную.

*

Недалеко от Неаполя — Помпея и Геркуланум, засыпанные девятнадцать веков назад пеплом Везувия и ныне далеко еще полностью неоткопанные.

Больше, чем все развалины Рима и остальной Италии, молчаливая Помпея свидетельствует о жизни древних. Вот Улица Изобилия, на ней торговые ряды. В лавках сохранились многие предметы, по которым

не трудно догадаться, чем в них торговали. В одной — стоят кувшины и кубки — тут было питейное заведение. Сохранился денежный ящик, а в нем монеты — выручка последнего дня.

Некоторые дома откопаны почти полностью. Интересен дом двух братьев, богатых сибаритов, живших в большой роскоши и ни в чем себе не отказывавших. Вы видите это в устройстве самого дома, в его обширных размерах, в мраморном столе и мраморной скамье, в комнате наслаждений с красочной росписью на стенах, не оставляющей сомнений, о каких именно наслаждениях идет речь.

Вы видите полностью сохранившиеся общественные бани. Вы видите форум. Вы ясно представляете себе гонки колесниц и даже замечаете «грубые следы, протертые колесами в воротах» (Бунин).

Вы видите виллу мистерий с фресками, покрывающими три стены. Фрески эти — одно из самых замечательных произведений древнего искусства.

*

Из Неаполя в Сорренто можно проехать очень быстро по железной дороге. Но интереснее более длинный Амальфийский путь, проложенный на большой высоте у самого края срезанных к морю скал. Дорога эта одна из самых живописных в мире, но ехать по ней решаются далеко не все.

Дорога очень крутая, с многочисленными поворотами и туннелями. Но что за картина! Слева, далеко внизу, сверкающая бисером гладь Тирренского моря. Справа отвесные скалы, ущелья, висящие гущи магнолий, олеандров, апельсин и лимонов. Впереди поворот за поворотом (их всего 1020) и за каждым новые виды.

Вот скалы расступились и в них закрепилось селение. Это Атрани. Высеченная в скалах лестница ведет вниз к морю, к рыбачьим лодкам на песке.

В нескольких минутах езды новый поворот, опять расступились скалы и перед нами белый Амальфи, именем которого названа дорога. Здесь мы делаем остановку, надо отдохнуть и закусить.

Когда-то Амальфи был независимой и гордой республикой, соперничавшей с Венецией. Торговые корабли Амальфи бороздили моря. Республика вела войны и заключала договоры с другими государствами. Население Амальфи составляло одно время 50.000 душ, а по некоторым сведениям даже 100.000. Город тогда уходил выше в горы и спускался вниз до самого моря.

Тирренское море не всегда спокойно. Оно бывает иногда очень бурным. Дважды в истории оно подымалось на большую высоту, уничтожало значительную часть города. Осталась только верхняя часть. Сюда гневному морю добраться не удалось.

Теперь в Амальфи всего 5.000 населения. Только величественный собор, возвышающийся над всей местностью, свидетельствует о былой славе городка. Собор был воздвигнут в 1203 году и удачно совмещает в себе чуть ли не все стили архитектуры: греческий, готический, мавританский, византийский и норманнский.

*

Три дня в Сорренто и столько же на Капри позволили отдохнуть от переездов, от впечатлений и от мучившей нас жары.

Сорренто расположено на высокой, отвесной скале, напротив Неаполя. Как и Капри, оно было излюбленным местом отдыха императоров и знати древнего

Рима. В окрестностях сохранились развалины виллы Августа.

Городок весь утопает в садах. Все гостиницы имеют прекрасные сады и собственные пляжи, спускаться к которым надо по каменной лестнице. В угоду американским туристам, которых в Сорренто много, некоторые отели построили лифты для купальщиков.

Дни мы проводим в саду над самым обрывом. Любуемся зрелыми апельсинами и лимонами или видами на море и Неаполь. Тихо и прохладно. Когда жара спадает, мы отправляемся на неизбежное в каждом итальянском городке пьяцца. Ходить по теневой стороне, заглядывая в сады, приятно. Но раздражает неумолчная трескотня мотоциклеток, этого подлинного бича современной Европы.

В скалах Сорренто находятся так называемые купальни Дианы. Это обширных размеров пещера; в древности в ней совершались языческие обряды. По соседству гроты и крошечные островки сирен.

*

Капри несколько разочаровал. Рассказы о природных красотах острова не преувеличены. Но отталкивающее впечатление производят туристы, проводящие целые дни за столиками на piazzetta, крошечной площади острова, и неприятен коммерческий дух, охвативший островитян. Зато прекрасен вид на море, открывающийся с террасы нашего отеля, и упоителен воздух.

Капри недаром славился еще в древности и не случайно сюда приезжали на отдых римские императоры. Тиберий понастроил здесь двенадцать дворцов и провел в них последние десять лет своей жизни. Сохрани-

лись развалины одного из этих дворцов и развалины виллы императора Августа.

Нам больше понравился Анакапри, на вершине Сан Микеле. Там гораздо выше, проще и красивее. На Сан Микеле находятся развалины замка Кастильоне. Там же на развалинах древне-римской виллы Аксель Мунте, влюбленный в Анакапри, построил собственную «древне-римскую» виллу. В ней он написал, прославившую его «Историю Сан Микеле». Из сада этой виллы открывается чудеснейший вид на море, на Неаполитанский залив и на самый Неаполь.

РИМ

Вновь арок древних верный пилигрим,
В поздний час вечерним Ave Roma
Приветствую, как свод родного дома
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

Вячеслав Иванов

Вечный Рим! Не знаю, кто первый произнес эти глубоко правдивые слова. Они правдивы вовсе не потому, что Рим очень стар — есть в мире более древние города. Но в Риме больше, чем где бы то ни было, человек стоит в «дверях вечности» и слышит «глагол времен».

Рим вряд ли может быть назван красивым — к нему это слово даже неприменимо. Он весь какой-то бесформенный и разбросанный; его архитектура местами тяжеловесна; и далеко не всё в нем подлинно художественно.

Нет красоты в высоких, этажа в два, темно-красных каменных оградах, скрывающих на многих улицах от взоров прохожих здания и сады. Нет ее и на осталь-

ных улицах в часы обязательной сиесты, когда наглухо закрываются все ставни и опускаются в магазинах железные завесы.

Мало радуют глаз и римские трущобы, начинающиеся у сверх-модерного здания вокзала. Многие туристы восхищаются этими трущобами с их темными, узкими улочками: «они так причудливы». Это верно. Посетить их, посмотреть небезинтересно. Но каково жить в этих «причудливых» трущобах? Каково проводить в них дни и годы, даже всю жизнь?

*

И всё же во всем, даже в римских трущобах, есть особенное величие и над всем витает вечность. Вы ощущаете эту вечность во дворцах и храмах великого города, в площадях и фонтанах, в колонне Марка Аврелия на пьяцца Колонна и в белых каменных лестницах. Она в древней Аппиевой дороге, в садах виллы Боргезе, в музеях и картинных галереях; она в катакомбах, в Пантеоне, единственном здании древнего Рима, сохранившемся в своем первоначальном виде; она в величественных руинах императорского Рима, в громаде Колизея и в термах Каракалы; она даже над Венецианским дворцом с его знаменитым балконом.

Еще так недавно с этого балкона раздавались грозные речи, на которые безумствовавшая на площади толпа, отвечала восторженными криками: «Дуче! Дуче!» Но нет больше дуче и даже площадь Венеция как будто сократилась в своих размерах, а балкон кажется самым обыкновенным, маленьким, таких балконов в Риме хоть отбавляй. Но и над этим, над площадью, над дворцом и над балконом незримо витает время без начала и без конца — вечность.

*

Из Неаполя в Рим мы приехали вечером. Друзья сняли нам комнату поблизости к ним. Они и подумать не могли, что нам, живущим в Нью-Иорке, помешает спать ночной шум улицы, на которой находился наш отель. Но шум был такой, что на следующий день пришлось подумать о переезде.

Нам повезло. Кто-то неожиданно освободил номер в гостинице на тихой, усаженной деревьями виа Лудовиси, и мы его получили.

Гостиница наша всего в двух кварталах от виа Венето. Улица эта (вернее, два ее квартала) считается самой элегантной в Риме. На ней магазины, отели и кафе с обязательными столиками и стульями на тротуарах. По вечерам там собираются все знаменитости, все кандидаты в знаменитости и вообще люди, желающие других посмотреть и себя показать. Так как таких очень много, то улица запружена народом.

Одним своим концом виа Венето упирается в древне-римскую стену, когда-то окружавшую весь город. Здесь находятся ворота Пинчиана. Достаточно пройти их и перебраться через улицу, по которой шумно проносятся трамваи, автомобили и мотоциклетки, чтобы очутиться в вилле Боргезе, самом большом римском парке.

Парк разочаровал. В нем почти нигде никакой травы нет. Деревья на совершенно оголенной земле много теряют в своей красе. Зато есть в Боргезе терраса Пинчо, с которой открывается вид чуть ли не на весь город. И есть замечательная галерея картин и скульптур таких мастеров, как Тициан, Рафаэль, Тинторетто, Эль Греко, Рубенс, Бернини и многих других.

Бернини, между прочим, много сделал по перестройке и украшению Рима. По его рисункам была воздвигнута мраморная колоннада, охватывающая площадь перед собором святого Петра, с ее двумя фонтанами и обелиском в центре. Он же был создателем двух (из трех) замечательных фонтанов (фонтан мавров и фонтан рек) на площади Навона.

Продолговатость этой площади, одной из самых интересных в Риме, не случайна. Она сохранила формы и пропорции, находившегося на этом месте цирка Домициана.

*

Галерея Боргезе только одна из многих в Риме сокровищниц искусства. Есть и другие. Самая замечательная из них в ватиканской Сикстинской капелле.

Ватикан — городок с населением не больше тысячи человек. Но его дворцы, содержащие 1400 зал и комнат, буквально загромождены произведениями человеческого гения.

Мы провели два дня подряд в соборе святого Петра и в Ватикане, но и двух месяцев слишком мало, чтобы всё увидеть и рассмотреть.

Внутри собор поражает не только своими размерами, он самый большой в мире, или тридцатью алтарями, а художественностью внутренней отделки, над которой трудились величайшие мастера. Один только купол с росписью Микеланджело чего стоит!

А Сикстинская капелла с фресками Ботичелли, Перуджино, Гирландайо и Пинторикио! В ней же величайшие произведения Микеланджело: «Сотворение мира», «Грехопадение». А три комнаты Рафаэля с его замечательными фресками!

Есть в Ватикане и другие замечательные музеи, галереи и библиотеки. В одиннадцати залах Пиоклементинского музея находятся ценные произведения древне-греческого искусства: Аполлон Бельведерский, Спящая Ариадна, Эрос Праксителя, Зевс Отриколи и так далее.

Помещается в Ватикане и богатый Египетский музей, и галерея ковров Рафаэля, и Этрусский музей, и собрание античных статуй, бюстов и барельефов, и библиотека, помимо книг, хранящая редчайшие папирусы и рукописи.

*

Пересекаем Тибр. Перед нами Палатин, памятники древнего Рима: руины императорских дворцов; форум с остатками памятников; арка Тита, храм Антонина и Фаустины, арка Септимия Севера, храм весталок, гробница вскормленного волчицей Ромула, легендарного основателя Рима...

Здесь находился Сенат, в котором был убит Цезарь. И где-то здесь Марк Антоний произнес свою знаменитую речь, поднявшую толпу против Брута и других заговорщиков-убийц.

Дальше маленькая, утрамбованная булыжником улочка — виа Сакра. Вы подымаетесь по ней и перед вами величественно возвышается огромный, красно-коричневый Колизей.

Здесь очень тихо сегодня. Но в тишине этой слышатся голоса 87.000 зрителей, потрясавших когда-то Колизей своими криками: «Добей его!»

*

Байрон однажды сказал: «Когда рухнет Колизей, рухнет и Рим, а с Римом рухнет и весь мир».

Есть глубокий смысл в этих словах. Древняя Греция была родиной всего того, что мы, в западном мире, называем культурой и цивилизацией. Греция пала. Но Рим унаследовал ее культуру и распространил ее по всему известному тогда миру.

Падение Рима, вызванное вторжениями варваров и внутренним разложением, привело к мрачным годам Средневековья, с их забвением культуры, с гонениями на свободу мысли и творчества, с сжиганиями на кострах пытливых ученых и дерзновенных мыслителей.

Одно время Рим был совсем заброшен и имел всего двадцать тысяч жителей. Ренессанс возродил великий город и вернул западному миру живительную древнюю культуру. Сокровища Рима — Италии питают ее уже много веков.

Колизей для Байрона был символом величия Рима и его исключительной роли в насаждении культуры и цивилизации. И он предвидел, что крушение этого символа приведет к новому упадку нашей культуры, к торжеству нового варварства.

ФЛОРЕНЦИЯ

Наш автобус большой и мощный, удобствами своими может сравниться с лучшими американскими. Есть даже в нем электрический холодильник с сандвичами и прохладительными напитками. Гид наш, молодая итальянка, подчеркивает «есть и кока-кола». Все смеются.

Среди туристов в Италии американцы в огромном большинстве. Но в нашем автобусе все американцы. Итальянка этим довольна — ей придется давать объяснения только по-английски.

Автобус быстро пробегает по улицам Рима и подымается на возвышенность, откуда мы бросаем последний взгляд на вечный город. Всякий, кто впервые посещает Рим, обязательно отправляется затем во Флоренцию. И наоборот, турист, побывавший в «итальянских Афинах», устремляется оттуда в Рим. Так и теперь — мы держим путь во Флоренцию, а мимо нас пробегают встречные автобусы с пассажирами из Флоренции.

Мы пересекли Лациум. Едем полями Умбрии: холмы и долины, обмелевшие реки — Тибр и его притоки, селения, луга и пастбища, а в небе почти неподвижные белые тучки. Зной начинает давать себя чувствовать, особенно когда автобус замедляет ход или совсем останавливается. Один за другим пассажиры нажимают кнопки у своих сидений. Гид подходит к каждому, затем отправляется к холодильнику и извлекает из него требуемые напитки.

Справа возвышается Ассизи — городок этот мы посетим позже. А впереди живописно раскинулась на высоком холме Перуджа. Здесь полуторачасовая остановка. Перуджа — древний город, был основан еще этрусками. В нем много прекрасных средневековых зданий и древняя стена, обхватывающая старую часть города. Но всё это, к сожалению, заслоняют собой новые, лишенные всякой красоты, здания.

За Перуджей ландшафт становится более интересным. Перед нами расстилаются зеленые долины Тосканы, виноградники, оливковые рощи. Здесь и там подымаются, заросшие до верха лесом, холмы. На севере виднеются очертания Аппенин.

*

Неожиданно перед нами Флоренция. Она расположена в лощине и обступившие ее холмы скрывали ее от наших глаз. Спускаемся в город и останавливаемся на площади, где пассажирам предлагают покинуть автобусы. Рядом стоят другие автобусы и возле них кучки туристов. В чем дело?

Повсюду пассажиров немедленно развозят по отелям. Во Флоренции это невозможно — большие автобусы не могут пройти по узким улицам города. Туристов поэтому рассаживают в малые и туда же перегружают их багаж. Пока туристы ждут, маленький и худенький итальянец, с виду почти мальчик, ловко подымает самые тяжелые чемоданы и, покрикивая охрипшим голосом, швыряет их на крышу автобуса, где двое других итальянцев, тоже с криком, подхватывают чемоданы в воздухе и укладывают их один за другим.

Процедура длится очень долго. Приходится ждать под немилосердно палящим солнцем. Говорю жене: «Угораздило же нас приехать сюда в такую жару».

Было жарко и в Риме. Но там каждый раз продувал ветерок с моря, а к вечеру жара обычно спадала. Не то во Флоренции. Город от моря далек. Холмы, обступившие долину, никаких ветерков не пропускают, а от накалившихся днем домов и улиц, становится ночью душно и часто влажно.

Во Флоренции узнаем, что лучшее время здесь весна (апрель-июнь) и осень (сентябрь-октябрь), а мы, как и десятки тысяч других туристов, приехали сюда в июле. Стоило ли?

Не взирая на все наши флорентинские испытания, ответ может быть только утвердительный. Стоило, даже если было временами очень неприятно.

*

Наши друзья в Риме говорили: «Флоренция прекрасна, и в ней даже камни мостовой — искусство». Это, конечно, преувеличено. Есть много во Флоренции красоты и ее искусство неистощимо. Но самый город своим видом напоминает пожилую женщину, сохранившую следы своей былой красоты, но неспособную скрывать больше свои морщины, свой усталый вид и другие свои изъяны.

Улицы Флоренции были созданы для пешеходов и всадников. А теперь по ним с невыразимым шумом несутся трамваи, автобусы и автомобили. Всё это, и еще в большей мере многочисленные трамвайные электрические провода безобразят улицы и портят внешний вид города с его замечательными дворцами, церквами и памятниками, свидетелями былого величия Флоренции, с его музеями, поныне хранящими несметные сокровища.

В центре города находится площадь Дуомо. На ней знаменитый собор Санта Мария дель Фиоре, второй в мире по величине, после римского собора Св. Петра. Снаружи собор облицован белым, зеленым и темно-красным мрамором, что не совсем вяжется с его даже не столь суровой итальянской готикой. Зато замечателен громадный купол Джотто и прекрасна внутренняя готика. Изумляет множество статуй, фресок, картин. Тут произведения и Донателло, и Гирландайо, и Лука делла Роббия, и Микеланджело и многих других.

В этом соборе, между прочим, статуя знаменитого кондотьера четырнадцатого столетия, англичанина Джона Гакута, которого флорентинцы перекрестили в Джованни Акуто. Флоренция поставила Гакуту памят-

ник, а папа Григорий XI за особые заслуги пожаловал ему два города.

Рядом с собором возвышается восхитительная кампаниле Джотто, самая замечательная, вероятно, колокольня в мире. На другом конце площади находится восьмиугольная баптистерия Сан Джованни с бронзовыми дверьми Гиберти, которые Микеланджело окрестил «вратами рая».

*

От площади Дуомо до реки Арно несколько минут ходьбы. Мосты Через Арно, кроме одного — Понте Веккио, были взорваны во время войны, отступавшими немцами. Теперь они восстанавливаются. Но Понте Веккио, напоминающий скорее длинный дом, чем мост — на нем находятся мастерские и лавченки с серебряными и кожаными изделиями — сохранился полностью. Достаточно пересечь мост и пройти минуты две-три, чтобы очутиться перед дворцом Питти.

Дворец этот принадлежал когда-то прославленной семье Медичи, игравшей такую важную роль в истории Флоренции. Теперь он хранилище замечательных произведений искусства. В его залах, с разукрашенными фресками из греческой мифологии потолками, развешены полотна величайших мастеров Ренессанса и их предшественников. Рафаэль, Веронезе, Тинторетто, Гирландайо, Веласкез, Тициан, Рубенс и Ван Дейк — только несколько из очень большого числа имен известных всему миру творцов искусства.

За дворцом находятся прекрасные сады Боболи с их гротами, фонтанами, башнями, с дорожками и площадками имени Микеланджело, Леонардо да Винчи, Галилея и других, с их кипарисовыми, дубовыми и сосновыми рощами.

Днем позже, той же дорогой вдоль Арно, но минуя Понте Веккио, можно пройти к другой, возможно еще более богатой, галерее Уффици. В 42-х залах верхнего этажа музея такое множество сокровищ, что глаза разбегаются. Тут и Чимабуэ, и Джотто, и Микеланджело, и Рафаэль, и Ботичелли, и Вероккио, и Гирландайо, и Тициан и Перуджино... Впечатление такое, что в этих залах собрано всё флорентийское искусство нескольких веков и не мало бесценных полотен иностранных мастеров — достаточно назвать Рубенса, Гольбейна и Рембрандта. В коридоре дворца большая коллекция автопортретов.

Галереи Питти и Уффици — главные во Флоренции, но кроме них можно насчитать свыше двух десятков музеев и каждым из них гордился бы любой город в мире.

Богата Флоренция памятниками и дворцами. Очень интересен памятник Микеланджело на небольшой одноименной площади, представляющий репродукцию его произведений в бронзе.

Рядом с галереей Уффици находится дворец Веккио, своей формой, зубчатыми стенами и башней напоминающий средневековую крепость. Напротив дворца Веккио — другое замечательное средневековое здание Баргелло, в котором помещается Национальный музей скульптуры.

Исключительным изяществом и благородством линий отличается дворец Строцци, в котором устраиваются международные выставки. В нем же помещаются галерея и Национальный Институт для изучения эпохи Ренессанса.

*

Италия — родина Ренессанса. Но Флоренция была его колыбелью. Там эпоха Возрождения наиболее ярко проявилась и получила самое полное развитие.

Почему это так было? Чем объяснить, что именно Флоренция так щедро одарила мир и выдвинула такое большое число исключительно одаренных людей? Ведь флорентийцами были и Данте, и Микеланджело, и Гиберти, и Боккачьо, и Макиавелли, и Брунеллески, творец большого числа замечательных архитектурных памятников Флоренции, и Джотто, на целое столетие опередившей эпоху Ренессанса, и Донателло, и Вероккио, и Челлини, и Галилей, и семья Медичи с ее наиболее выдающимся представителем — Лоренцо Великолепным.

Флорентийцем был и Савонарола, восставший против излишеств людей Ренессанса и против распущенности папской власти того времени. Савонаролу пытали, осудили, подвесили и сожгли на костре. Но позже Флоренция поставила ему памятник.

*

В пятнадцатом столетии большое распространение в Италии получила легенда о Юлии, дочери римского императора Клавдия. Юлия была похоронена в тайном месте на Аппиевой дороге. В апреле 1485 года гробницу Юлии нашли. Когда ее открыли, то с изумлением увидели вполне сохранившееся тело девушки редкой красоты.

Не есть ли эта легенда о Юлии выражение и того, что почувствовали люди эпохи Возрождения, когда им открылись сокровища древней, давно потерянной культуры?

Открытие этой культуры и положило начало эпохе Возрождения. Оно и сделало Флоренцию, почему именно ее в точности неизвестно, главным центром этой замечательной эпохи.

Короля Карла Восьмого французского, вступившего во Флоренцию в 1494 году во главе 12.000-го войска, не мало удивили дворцы и мощеные улицы города. Но еще больше поразили его элегантность флорентийцев и их независимый дух.

Карл потребовал большой выкуп и поставил другие тяжелые условия, но флорентийцы отклонили их. Когда король пригрозил: «В таком случае затрубят наши трубы», он услышал в ответ: «А мы зазвоним в колокола».

Карл учел опасность боя на узких улицах города с их дворцами-крепостями и уступил. Он взял небольшой выкуп и покинул Флоренцию.

Карл Восьмой обошелся с Флоренцией милостиво. Другие завоеватели действовали более безжалостно. Наполеон увез из Флоренции множество бесценных произведений искусства. Но художественные богатства города кажутся неистощимыми. Трудно поверить, что их может быть так много в одном только сравнительно небольшом городе. Ради них, ради того, чтобы даже поверхностно ознакомиться с ними, чтобы хоть на мгновение прикоснуться к колыбели Ренессанса стоит побывать во Флоренции, несмотря даже на жару и другие неудобства.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА

Осматривать Флоренцию день за днем очень утомительно — слишком много впечатлений да и жара донимает. Мы прерывали эти осмотры посещением окрестностей и поездками в средневековые городки. Таких городков в Тоскане, одной из важнейших областей Италии, много. Но, кроме Фьезоле, пригорода Флоренции, мы посетили только два города — Сан Джиминьяно и Сиену, а также Ассизи в соседней Умбрии.

*

Фьезоле находится на одном из холмов, обступивших Флоренцию. Дорога туда идет в гору меж мхом поросшими стенами; за ними подымаются сады, клумбы цветов, дорожки и роскошные виллы.

Во времена глубокой древности во Фьезоле обосновались этруски. Они построили городок и окружили его стеной. Позже в Фьезоле пришли римляне. После распада Римской империи Фьезоле, благодаря своему стратегическому положению на высоком холме, господствовал над всей местностью и даже боролся с Флоренцией, но в конце концов, вынужден был подчиниться ей.

Есть в Фьезоле, воздвигнутый в 1028 году, собор. Есть там и более древние памятники: древне-римский театр эпохи Суллы, развалины языческого храма, римских бань и этрусской городской стены. В музее Фьезоле находятся, обнаруженные во время раскопок, этрусские и римские гробы, надгробные камни и предметы домашнего обихода.

Побывать в Фьезоле очень приятно. С террас церкви святого Франциска, расположенной на самой

верхушке холма, открывается вид на Флоренцию и на большое расстояние вокруг нее. Хорошо посидеть там в тихих тенистых садах ресторанов, также расположившихся террасами на краю холма и отдохнуть от мучительной духоты узких улиц Флоренции.

*

Очень интересны так называемые «медичиские» виллы, разбросанные по окрестностям Флоренции. Большинство этих вилл принадлежало семье Медичи — отсюда и их общее название.

С виллой Поггайо и Каиана связана трагедия шестнадцатого века — там в одну ночь 1587 года скончались эрцгерцог Франческо Медичи и его жена по второму браку Бьянка Коппелло.

Обстоятельства их смерти в точности неизвестны. Рассказывали, что Бьянка втайне от Франческо приготовила отравленный пирог для гостившего на вилле кардинала, известного своими происками против ее мужа. Подозрительный кардинал настоял, чтобы эрцгерцог первый отведал пирог. В отчаянии Бьянка сама проглотила кусок пирога и скончалась вместе с Франческо.

*

Городки Сан Джиминьяно, Сиена и Ассизи имеют между собой одно общее — они все как-будто застыли в своем средневековье и настолько напоминают музеи, что трудно понять как могут уживаться в них люди. Пожалуй, только итальянцы, умеющие легко ко всему приноравливаться, способны жить в этих городах-музеях настоящим, находясь всё время под впечатлениями прошлого.

Сан Джиминьяно — орлиное гнездо. Городок рас-

положен на высоком (почти 1.100 футов) кряже, и его дома и башни видны на далеком расстоянии. Дорога к нему широкими кругами подымается вверх. Наконец, въезжаем в ворота — городок окружен древними стенами — и останавливаемся на главной площади, в центре которой большое, круглое водохранилище.

Сан Джиминьяно был некогда независимой республикой. Все здания в нем старинные, почти сплошь готической архитектуры. Есть в Сан Джиминьяно несколько церквей двенадцатого и тринадцатого столетий. Но главная достопримечательность городка — его башни.

Оказывается, что в Сан Джиминьяно издавна существовал такой обычай: каждая состоятельная семья воздвигала у своего дома башню; чем богаче была семья, тем выше башня. Когда-то таких башен было семьдесят две, теперь их осталось тринадцать. Самую высокую из них недавно приобрела богатая американка. Что она намерена делать с этой башней, никто толком не знает.

*

Сиена значительно больше Сан Джиминьяно по своим размерам и населению, богаче большинства городов Тосканы своими древностями, художественными ценностями и историческим прошлым.

История Сиены чрезвычайно красочна. Когда-то она была становищем этрусков, затем римским городом. После распада Римской империи переходила из рук в руки. Объявила себя независимой республикой в 1125 году и начала играть видную роль в делах Тосканы.

Долгие годы Сиена была видной соперницей Флоренции, часто воевала с ней и однажды нанесла ей же-

стокое поражение. Но в конце концов, Флоренция, захватившая Пизу и укрепившаяся на берегу Средиземного моря, подчинила себе и Сиену. Рост города почти прекратился, и он как бы застыл в своих средневековых пределах.

В настоящее время Сиена со своими древними стенами, громадных размеров готическими соборами, с ее пьяцца дель Кампо и другими площадями, с ее изумительными дворцами, музеями и картинными галереями, с ее кривыми улочками, ведущими вас то вверх, то вниз, представляет собой огромную и чрезвычайно интересную выставку средневековой эпохи.

И как на всех выставках, Сиена славится своими развлечениями, тоже средневекового характера. Это так называемые Corsa del Palio — парад знамен, устраиваемые ежегодно 2 июля и 16 августа.

Сиена разделена на семнадцать участков. В день Палио между ними идут разные соревнования, в том числе скачки на площади Кампо. Победителям достается знамя Палио. Празднество длится весь день. Участники Палио, наряженные в красочные средневековые костюмы со своими лошадьми, украшенными лентами и цветами, весь день шествуют по улицам города в сопровождении оркестров музыки, а затем участвуют в банкете победителей под открытым небом.

Мы имели возможность посетить Сиену 2 июля, но нас отговорили: будет, говорили нам, очень жарко и сильная давка. Но даже на следующий день Сиена имела праздничный вид и нарядные участники Палио всё еще шествовали с музыкой по улицам. Зрелище было очень красивое. Нам рассказали, что накануне Сиену посетило 60.000 человек, и давка действительно была невообразимая.

Современность всё-таки несколько тронула Сиену.

Именно на ее городской стене я дважды видел красный серп и молот с призывом голосовать за коммунистов. А за городской стеной возводятся многосемейные дома, ничем не напоминающие старинную Сиену. То будет новый город. Но всё-таки трудно понять, почему итальянские архитекторы не нашли возможным примирить новое со старым, сохранить прекрасную готику города и приспособить к ней требования нового времени.

*

Особо надо выделить Ассизи. Издали городок этот, расположенный на откосе горы Субасио, напоминает средневековую крепостцу. Когда вы подымаетесь наверх и въезжаете на главную площадь, у вас впечатление, что вы попали в монастырь. Впечатление усиливается однотонным серым цветом зданий и тишиной — не в пример другим городам, на улицах Ассизи мало людей, и они удивляют своей молчаливостью.

Ассизи не крепость и не только монастырь (в нем есть женский монастырь Сан Дамиано). Но он весь посвящен культу Франциска Ассизского, самого прославленного сына городка, основателя монашеского ордена францисканцев.

Франциск родился в Ассизи. Там он начал свои проповеди, оттуда распространилась слава о нем. Там он умер и похоронен. Всё, что есть важного в Ассизи, связано с его именем.

И надо добавить: доход с туристов и паломников, стекающихся в Ассизи со всех концов Италии и даже из других стран, составляет главный источник дохода населения.

*

Из Флоренции отправляемся в Венецию. Большая, ровная как стрела автострада, уставленная с обеих сторон рекламными плакатами, ведет к подымающимся впереди Аппенинам. Скоро дорога делает загиб вправо и мы начинаем подъем в горы.

Дорога петляет. Подъем становится всё круче. Наш мощный и вместительный автобус всё больше замедляет ход. По склонам горы разбросаны виллы с их садами, небольшие деревушки, а то и отдельные хижины.

Мы на самой вершине перевала. Автобус останавливается возле горной траттории. Кое-кто из пассажиров заходит в нее. Мы вместе с остальными предпочитаем любоваться открывающейся перед нами панорамой и вдыхать ароматный воздух.

Внизу, на далеком расстоянiи, красуется Флоренция и серебрится узкой полосой река Арно. На откосе, прямо под нашими ногами, небольшая деревушка. Крестьянин поправляет крышу дома, и стук его молотка эхом разносится по окрестностям. Немного в стороне женщина развешивает белье и одновременно перекликается с соседкой у забора. Вдруг обе подымают крик. Через открытую калитку выскочила свинья и побежала по грядам огорода. Женщины бросаются за ней. К ним присоединяются дети. Туристы, наблюдающие патриархальную сцену, смеются.

*

Начинаем спуск. Дорога опять петляет. Но машина легко одолевает повороты. За последним перед нами Болонья, расположившаяся у самого подножья горы. Здесь у нас краткая остановка для завтрака и небольшой прогулки по городу.

За завтраком нас угощают обязательной в Болонье «лассаньей». Это пирог из широких, зеленого цвета макарон, приправленных каким-то соусом.

Болонья славится своим университетом, одним из старейших в Европе (основан в одиннадцатом веке), двумя «падающими» башнями и аркадами своих старинных зданий.

За Болоньей едем долиной реки По. Гид говорит: «Эта долина самая широкая в Италии. Мы ее называем нашей житницей. К сожалению, у нас только одна такая долина, а нам, чтобы прокормить наше население, нужен с десяток их».

Без остановки пробегаем Феррару. Приближаемся к Падуе. На небе вдруг появляются черные тучи. Скоро всё небо заволакивается ими. Но вот уже Адриатика. Блеснула молния, и мощный удар грома потряс воздух. Венеция встретила нас сильным ливнем.

ВЕНЕЦИЯ

Так вот она сказочная Венеция, развенчанная, но сохранившая благородную осанку, царица Адриатики! Ее лицо всё в морщинах, но даже с ними оно остается прекрасным — другого такого лица нет и не будет. Венеция обеднела. На ее дворцах следы грязи и запущенности, ее каналы дурно пахнут. Но она всё же единственная и неповторимая.

Венецию воспевали поэты и изображали на полотнах живописцы, ее показывали в многочисленных снимках и на лентах экрана. Но надо побывать в Венеции, чтобы по настоящему увидеть ее, чтобы понять всё очарование этого города-призрака, поднявшего над морскими волнами ряды дворцов своих волшеб-

ных, города, разместившегося на многочисленных островках и скрепившего их горбатыми мостами, узкими переулками и крошечными площадками.

Венецию было радостно видеть и ее приятно вспомнить.

*

Живо запомнилось первое впечатление. Вечером после ливня мы вышли на ярко освещенную площадь святого Марка, прошли под аркадами низких в два этажа дворцов с их лавками и ресторанами, остановились с изумлением перед собором и дворцом дожей, вышли на Пьяцетту, полюбовались оттуда на Большой Канал и его дворцы и вернулись на площадь.

Там мы потолкались среди многочисленных туристов, прислушались к звукам музыки (оркестр расположился на возвышении в центре площади), заглянули в витрины магазинов и неторопливо пошли дальше.

Мы пересекли площадь наискось и углубились в один из темных переулков. Нас охватила глубокая тишина.

И днем и ночью Венеция — самый тихий, вероятно, город в мире. Там нет ни автобусов и трамваев, ни автомобилей и мотоциклеток, ни даже велосипедов. Шумно только на Большом Канале, самой широкой и главной «улице» города. По нему проходит почти всё движение, снуют гондолы, плывут барки, несутся моторные лодки и, подобно трамваям, пробегают от одной остановки к другой, переполненные народом пароходики.

Шумно на Большом Канале даже по ночам. Раздаются песни гондольеров и их громкое перекликание друг с другом, слышатся крики и смех пассажиров. Но

всё это постепенно замирает. И только под окнами дворцов, превращенных в гостиницы, где всю ночь стоят гондольеры, раздается их громкая гортанная речь.

Ходить по вымершему, казалось, городу было жутко. Мы остановились на площадке, у каменного, переброшенного через узкий канал мостика. На другой стороне возвышалась старинная церковь: в Венеции, где площадка, там обычно церковь. Кругом зияли черные окна домов и темные провалы переулков. Только топот ног редкого прохожего нарушал тишину...

Мы повернули назад и вернулись в гостиницу. Когда мы рассказали там о своей первой прогулке, нам посоветовали быть более осторожными. В темных переулках случаются грабежи и даже убийства.

*

Утром опять выходим на площадь — мы это делали все дни нашего пребывания в Венеции. Хотелось сперва полюбоваться собором и дворцом дожей, а затем уже отправиться осматривать другие достопримечательности.

Площадь запружена народом и тысячами сизых голубей, жадно подбирающих зерна, бросаемые им людьми. Кучки туристов на правой стороне площади посматривают налево, где возвышается знаменитая башня часов. Стрелки часов показывают без четверти десять. Все терпеливо ждут. Но вот раздается удар колокола. Голуби подымаются с площади и разлетаются во все стороны. Две бронзовые фигуры над часами задвигались и молотами отбивают время. Это повторяется каждый час.

Подходим к собору. Под лучами яркого солнца он

сверкает своей мозаикой, своими пятью византийскими куполами и остроконечными готическими шпилями.

Несколько впереди собора возвышается колокольня из темно-красного кирпича, сооруженная лет сорок назад по образцам стоявшей на этом месте восемьсот лет другой колокольни, рухнувшей в 1902 году. В художественном отношении колокольня мало интересна. Но с ее верхней площадки открывается вид на весь город, на море и дальние острова.

Подняться на колокольню можно по лестнице или за небольшую плату лифтом.

*

Рядом с собором красуется, облицованный белым и розовым мрамором, знаменитый дворец дожей, готический по убранству окон и дверей, но чисто итальянский, вернее, венецианский во всем остальном.

Почему такая смесь стилей, проявляющаяся и в архитектуре Венеции и в произведениях ее художников и скульпторов? Откуда византийское влияние?

Ответы на эти вопросы дает история. Венеция веками была посредницей между Востоком и Западом. Венецианские острова принадлежали Византии, но заселили их беженцы с Аппенинского полуострова, спасавшиеся туда от варварских полчищ Аттилы и других завоевателей.

Связь Венеции с Византией, торговая, культурная и политическая, продолжалась столетия и не прерывалась даже после того, как Венеция превратилась в независимую и могущественную республику и часто диктовала свою волю Византии.

Чтобы войти в собор, надо подняться на одну

ступеньку и затем внутри опуститься на другую. Это еще одно напоминание, что собор, как все здания Венеции, построен на сваях, вбитых в дно лагун. Вода в каналах иногда подымается и заливает площадь. Собор несколько приподнят снаружи, чтобы не дать воде проникнуть внутрь. Но море не унимается. Опоры тысячелетнего собора медленно опускаются, и об этом красноречиво свидетельствует его оседающий пол.

Оригинально и внутреннее убранство собора. Стены его покрыты мозаикой на сверкающем позолотой фоне. Замечателен золотой алтарь с вкрапленными в него драгоценными камнями и эмалью, мраморные колоннады, Свод Рая с тициановским «страшным судом», а на втором этаже галереи, музей и портал с четырьмя античными, вылитыми из бронзы с позолотой конскими статуями.

Кони эти когда-то украшали гипподром в Константинополе и были привезены оттуда венецианцами в 1204 году.

Дворец дожей был заложен в 809 году. Несколько раз он подвергался разрушению и в нынешнем виде отстроен в 1463 году.

Тремя своими крыльями дворец обступает продолговатый внутренний двор, четвертую сторону которого почти замыкает собор св. Марка. Двор украшают статуи, арки и мраморная «лестница исполинов» с огромными статуями Марса и Нептуна. На верхней площадке лестницы короновались дожи.

Одиннадцать обширных зал дворца убраны картинами венецианских, преимущественно, мастеров, портретами дожей и многочисленными историческими предметами. Здесь картины Тициана, Веронезе («Похищение Европы»), Сансовино, Беллини, Тинторетто («Рай»), Бассано, Пальма.

Из верхнего этажа дворца можно пройти по «Мосту Вздохов», переброшенному через узкий канал, в здание старинной тюрьмы для уголовных преступников. Государственных преступников дожи держали в самом дворце, в темных, сырых каменных мешках подземелья, вызывающих содрогание одним только своим видом.

Здесь содержался до своей казни Марино Фальери, единственный дож, осужденный за измену.

Фальери происходил из знатного венецианского рода, отличился на военном и дипломатическом поприще. Командуя под Зарой армией венецианцев, Фальери разбил на голову венгерские войска короля Луиса Великого. Дожем он был избран во время своего отсутствия с миссией к папе в Авиньоне.

Управление Фальери сопровождалось неудачами. Генуэзцы уничтожили венецианский флот, в самой Венеции свирепствовала чума, торговля республики начала падать.

Что именно побудило Фальери пойти на заговор, в точности неизвестно. У дожа нашлись сторонники. Они сговорились перебить главных патрициев и сенаторов и провозгласить Фальери князем Венеции. Заговор был раскрыт. Совет дожей арестовал всех заговорщиков и самого Фальери и жестоко с ними расправился. Посетителям дворца дожей показывают меч, которым Фальери отрубили голову. В галерее портретов дожей одно место завешено черным сукном — там должен был находиться портрет Фальери.

*

Из дворца дожей мы выходим на Пьяцетту с ее двумя гранитными колоннами, одна со львом св. Марка, а другая — с мраморной статуей св. Феодора. Рядом находится станция Сан Марко. Возле нее многочисленные гондолы. Усаживаемся в одну из них и едем осматривать дворцы Большого Канала.

Наш гондольер Джо говорит немного по-английски. Он выкрикивает названия дворцов и сообщает другие интересные подробности. Обращают внимание: Большой Дворец, построенный Сансовино; Галерея Изящных Искусств с коллекцией полотен венецианских мастеров; дворец Рецонико, содержащий музей Венеции 17-го века; дворец Моченико, в котором жил Байрон; дворцы Тьеполо, один в готическом стиле, а другой — Ренессанса; замечательный своим готическо-венецианским стилем дворец Ca d'Oro — в нем помещается галерея Франкетти.

Очень интересен мост Риальто с его лавками. Прекрасно здание старой библиотеки. Заслуживают внимание памятники, среди которых выделяется статуя кондотьера Бартоломео Коллеони, работы Верроккио.

Здание арсенала украшено четырьмя античными львами, привезенными из Пирея. Церковь св. Захария с росписью Беллини, Тинторетто и Тициана — замечательный памятник венецианского зодчества.

*

Днем позже отправляемся на одном из пароходиков в Лидо. Венеция вся из камней. И только на одном из связанных с ней островов разбит красивый парк. Не то остров Лидо — он весь в зелени. Улицы обставлены двумя рядами деревьев. Дома в садах и палисадниках. Очень красив тенистый бульвар Маркони.

Пляж Лидо один из лучших в Европе. Недаром он всегда переполнен знатью. Есть на Лидо хорошие, но очень дорогие отели. Есть неизбежное на европейских пляжах Казино. Есть и дворец Синема, в котором устраиваются ежегодные кинематографические выставки.

Любопытно, что значительная часть земельной собственности принадлежит армянскому ордену мехитаристов, признающему унию с римским папой.

Основатель ордена Мехитар родился в Себасте, в Армении в 1676 году. В 1701 году Мехитар вместе с шестнадцатью последователями основал орден. Униатская пропаганда ордена вызвала сопротивление среди армян. Орден перебрался сперва в Морею, а оттуда в Венецию, где он существует поныне.

Байрон, будучи в Венеции, изучал у мехитарцев армянский язык.

*

Всему бывает конец. Пришел конец и нашему пребыванию в Венеции. Гондола медленно уносит нас к terra ferma — твердой земле, а мы смотрим в сторону удивительной Венеции.

Голландцы вечно воюют с морем, отвоевывают от него кусочек за кусочком, всячески пытаются оттеснить море, отгородив себя от него.

Венецианцы ушли в море, покорили себе его волны и на сваях воздвигли великий город.

Свою власть над морем дожи подчеркивали ежегодной церемонией. Бросая в море брачное кольцо, они торжественно провозглашали: «Мы венчаемся с тобой, о Море, в знак нашего полного и вечного господства над тобой».

Швейцария

1

ГОНДОЛА причаливает к terra ferma. Пока я расплачиваюсь с гондольером, три рослых итальянца подхватывают наши чемоданы и несут к поезду. Довольный, повидимому, полученным «на чай», гондольер кланяется и несколько раз повторяет: «Grazie, signore, buono giorno, signore».

Судьба венецианских гондольеров незавидная. Работа их сезонная. Они сравнительно недурно зарабатывают во время наплыва туристов, но живут в большой нужде остальное время года. Лишь немногим удается найти другую работу в самой Венеции или на «твердой земле».

Такова же судьба голубей Сан Марко. Туристы щедро их подкармливают. Когда туристы исчезают, их кормят, но, повидимому, недостаточно, а раздобыть самим корм на каменистых площадях Венеции не легко. Оттого венецианские голуби такие щуплые и невзрачные.

*

Поезд мчится по скучной своим однообразием равнине Ломбардии с пожелтевшей травой и редкими деревьями. Только над горизонтом виднеются не то тучи, не то темные очертания гор.

В Милане пересадка. Но времени между поездами

мало и наш носильщик советует нам заранее занять места. В летнее время, говорит он, поезда в Лугано всегда переполнены. Поэтому мы даже не выходим из здания вокзала.

Поезд наш медленно двигается меж двумя рядами зданий. Милан весь перед нами. Всюду корпуса фабрик и заводов. Дымятся трубы. Выбравшись за город, поезд набирает ход. Впечатление такое, что он катится вниз. Скоро начинает меняться пейзаж. Показались лесистые холмы, за ними мохнатые шапки их более высоких собратьев. На одном, очень далеком, что-то белеет. Неужели снег?

Но вот и Комо, городок и узкая лента уходящего в даль одноименного озера. Здесь страна озер, гнездящихся у подножья Альп: Комо, Гарда, Лугано, Лаго Маджоре и другие. Часть этого края принадлежит Италии, другая — Швейцарии.

«Кьяссо!» — кричит кондуктор. Поезд останавливается. Появляются швейцарские таможенники. Форма у них другая, но лица те же — типично итальянские. За Кьяссо начинается кантон Тичино или Тессин — итальянская Швейцария.

*

Маленькая Швейцария умудрилась в скромных пределах своих двадцати двух кантонов на практике создать из разнонациональных групп нечто вроде Объединенных Наций. Тичино — итальянский кантон по языку и происхождению населения. В западных кантонах преобладает французский язык и французское влияние. В остальных говорят на немецком диалекте. А в кантоне Грисон потомки римских легионеров (их тысяч сорок) говорят на двух наречиях — романш и ладин — очень близких к латинскому языку. Тичино

даже географически ближе к Италии, так как от остальной Швейцарии он отрезан высоким горным хребтом. Край этот действительно входил в состав Италии и был завоеван швейцарцами в начале шестнадцатого столетия. Но население его настолько довольно своей судьбой, что оно не захотело вернуться в освобожденную от австрийского ига объединенную Италию, хотя сочувствовало борьбе за освобождение и косвенно участвовало в ней.

Маццини и Гарибальди даже не призывали швейцарских итальянцев к такому объединению. Зато Маццини пользовался гостеприимством Швейцарии. Ряд лет он жил в Лугано, главном городе Тичино. Там он печатал свои призывы к борьбе против австрийских властей. Там навещали его друзья и последователи.

Тичино — край долин, озер и зеленых гор. Сен Готардский массив защищает кантон от северных ветров, благодаря чему климат и растительность края напоминают Ривьеру. Небольшой городок Лугано, столица Тичино, живописно расположился на берегу красивого озера Лугано и подымается оттуда террасами на обступившие озеро горы: Бре — на востоке, Сан Сальваторе — на юге и Дженерозо — на юго-востоке. Всё это создает восхитительный пейзаж, особенно красивый по вечерам, когда склоны гор расцвечиваются огнями своих вилл и гостиниц. На вершины Бре и Сан Сальваторе можно подняться в вагонетке, прицепленной к стальному кабелю. Оттуда открывается один из самых красивых видов на горные массивы Швейцарии и на равнину Ломбардии.

*

Из Лугано мы предприняли интересную поездку вокруг Лаго Маджоре с небольшими остановками в Локарно, Аскона, Интра, Полланца, Стреза и на знаменитом острове Изола Белла в группе четырех Борромейских островов.

На Изола Белла находится старинный дворец графов Борромео и сад, спускающийся к озеру десятью своими террасами. В саду самые разнородные породы деревьев. Есть и деревья, привезенные из Соединенных Штатов. Но сад не понравился, чересчур он искусствен и прилизан.

Зато дворец великолепен и в его обширных залах много ценных предметов старины. Есть во дворце комната, в которой спал Наполеон, когда он был гостем графа Борромео. Дворецкий, показывавший ее нам, уверяет, что она сохраняется в том виде, в каком ее оставил великий корсиканец.

Графы Борромео действительно знатного происхождения. Они из рода Медичи и дали ряд выдающихся людей. Один из них, Анджело де Медичи Борромео, более известен под именем папы Пия Четвертого. Другой, Карло Борромео, был кардиналом и причислен к лику святых. На холме под городком Арона воздвигнута огромная его статуя высотой в 70 футов.

Чтобы ехать из Лугано в Женеву, надо возвратиться в Милан, там сесть в поезд, идущий через Симплонский туннель, и затем проехать чуть ли не через всю Швейцарию до самой французской границы.

Очертания гор показались сразу же за Миланом. Не прошло, помнится, и двух часов как наш поезд заметался среди них, ища себе выхода. Вот поезд змеится вокруг холма, обходит его, но только для того, что-

бы очутиться между двумя другими, придвинувшимися к самому полотну. Неожиданно поезд ныряет в туннель, выскакивает из него, чтобы нырнуть в другой, третий. Так добежал он до Симплона, самого длинного (больше двенадцати миль) и глубокого железнодорожного туннеля под Альпами.

Двенадцать миль пробежать не так уж много, но впечатление такое, что полутьма в туннеле длится слишком долго. Соседка-англичанка вздрагивает и говорит: «Странно подумать, что над нами находится вся громада Альп. А что если она вдруг обвалится на нас?»

Отвечаю ей, что это мало вероятно и что проезд под Альпами куда более безопасен, чем былые переправы по их перевалам.

Вспоминаю исторический переход Суворова через Сен Готардский перевал. Одержав в Италии ряд побед над французами и вытеснив их из северной половины страны, Суворов решил идти в Швейцарию на соединение с Корсаковым для совместного похода во Францию.

В переходе через перевал Суворов потерял треть своей армии и весь обоз. Тем временем французы успели разбить Корсакова и его союзников. У Суворова не оказалось больше ни сил, ни возможностей идти во Францию. Он начал отступление в северную Швейцарию, а оттуда возвратился в Россию.

Позже швейцарский журналист в Женеве рассказал мне, что части суворовских войск отбились от главной армии и, застряв в горах, навсегда остались в Швейцарии. Потомки этих суворовцев, по его словам, поныне живут в кантоне Турговия или Тургау, близ Боденского озера.

*

После Симплона Швейцария сразу показалась нам во всей своей красе. Наш путь стерегли высокие, покрытые вечным снегом хребты гор, вершины которых то и дело заволакивались облаками. Каждый раз мелькали перед нами лесистые холмы, задумчивые долины, озера и реки, красочные городки и селения.

От Брига до Мартиньи поезд наш шел на запад долиной Роны, часто по мостикам, перескакивая с правого берега реки на левый и обратно. У Мартиньи он вместе с Роной повернул на северо-запад, у Бекса стал отодвигаться от реки, подошел к Монтрэ, а оттуда вдоль северного берега Женевского озера, через Веве, Лозанну и Нион, добежал до Женевы.

В Женеве наша дальнейшая поездка расстроилась. Мы приехали туда за три дня до совещания глав правительств четырех великих держав. Подготовка к нему шла полным ходом. В городе царило сильное возбуждение. Я решил остаться в Женеве на всё время конференции. Пришлось поэтому сократить нашу дальнейшую поездку по Швейцарии и отказаться от плана посетить Мюнхен, куда меня настойчиво приглашали.

В Мюнхене я предполагал ознакомиться с работой радиостанции «Освобождение» и Мюнхенского Института. Надеялся я также встретиться там с представителями эмигрантских группировок. Всё это пошло на смарку.

О Женевском Совещании я писал из самой Женевы. Писать об этом историческом событии придется еще не раз в будущем, потому что как ни расценивать его, оно — веха, и очень важная веха на международных путях нашей современности. Здесь я хочу только ограничиться несколькими о нем замечаниями.

Как мною уже было указано, моя поездка в Женеву была вызвана главным образом желанием посетить Е. Д. Кускову, познакомиться лично, а не только по переписке, с этим замечательным человеком и талантливым публицистом.

Незадолго до нашей поездки в Европу Е. Д. Кускова потеряла горячо любимого друга жизни. Она тяжело переживала и переживает эту потерю. Но даже эта утрата не помешала ей живо интересоваться мировыми событиями и со свойственной ей темпераментностью откликаться на них.

Женевское Совещание захватило многих. Захватило оно и Е. Д. Кускову. Свои настроения и надежды она высказала в статье «Дух Женевы», напечатанной в номере «Нового Русского Слова» от 29 июля, но прочитанной мною лишь после возвращения в Соединенные Штаты.

*

В женевских решениях Е. Д. Кускова увидела не только «сосуществование», не только «мирное сосуществование», а «союз для обоюдной работы» между двумя враждующими мирами, свободным и диктаторским, союз между Айзенхауэром и Булганиным. Она пишет: «Не внезапно по мановению вдохновения Айзенхауэр протянул руку Булганину. Под этим символическим жестом лежат какие-то предварительные сговоры, о которых человечество узнает, быть может, через десятки лет...»

Бывает иногда, что *люди собственные желания принимают за факты*. Так оно, повидимому, случилось с Е. Д. Кусковой. Никакого союза для обоюдной работы Женева не создала и никаких, смею утверждать, секретных сговоров там не было.

Страх перед возможностью ядерной войны погнал глав четырех правительств в Женеву. Вздох облегчения вырвался у каждого из них, когда они убедились, что никто, по крайней мере в данный отрезок времени, такой войны не желает и не замышляет. Вздох этот и есть «дух Женевы». Хрущев подчеркнул это после Женевы: «Обе стороны теперь убеждены, что ни одна из сторон не желает войны». Это всё.

Никакого союза для обоюдной работы Женева не создала. И даже Е. Д. Кускова не могла привести в своей статье ни одного положительного решения, достигнутого участниками совещания.

В том же номере от 29 июля, в статье «Некоторые итоги», я писал, что ни один из обсуждавшихся в Женеве вопросов не был разрешен и что разрешение острого вопроса об объединении Германии передано на обсуждение совещания министров иностранных дел, которое будет созвано в октябре в той же Женеве.

Высказав сомнение в готовности коммунистов согласиться «на такое объединение Германии, которое даст ей возможность включиться в семью западных государств», я добавил:

«У советского правительства насчет Германии совершенно другие планы, и оно надеется провести их путем непосредственных переговоров с самими немцами. Аденауэр еще до Женевского Совещания получил приглашение пожаловать в Москву».

События оправдали этот прогноз. Женева убедила последышей Сталина, что Запад никакой превентивной войны против них не замышляет. Это избавило их от страха, но не заставило отказаться от своих агрессивных замыслов. Они пошли и пойдут на незначительные уступки, чтобы уменьшить опасность холодной

войны, но не желают и не собираются устранить причины этой войны.

Иными словами, цели их остались те же, изменились лишь тактические приемы — вместо молчаливого, мрачного Сталина, свободный мир видит теперь говорливого и улыбающегося Хрущева, вместо угроз он слышит комплименты. Но тот же Хрущев утверждает, что советская система изменится «когда рак свистнет» и что «жестоко ошибаются те, кто принимает наши улыбки за отказ от линии Маркса-Энгельса-Ленина».

А ведь именно Хрущев дает направление всей советской политике. На Женевском Совещании он не был ни суфлером, ни наблюдателем, как думает Е. Д. Кускова, а главным советским заправилой, и он это всячески подчеркивал, не считаясь с протоколом.

*

Все дни Женевского Совещания я проводил то во Дворце Наций, то в Доме Печати. Знакомиться с самой Женевой можно было только урывками, что, впрочем, было нетрудно, так как город невелик и достопримечательностей в нем не так уж много.

Женева расположена по обеим сторонам Женевского озера при выходе из него Роны. Обе части города связаны несколькими мостами. Женева одновременно один из самых современных городов Европы и один из древнейших.

Современность Женевы в ее нарядных магазинах и превосходных отелях, расположенных вдоль набережной; она в садах и парках, в Доме Печати и во Дворце Наций, в котором находится европейское отделение секретариата Объединенных Наций и происходят многочисленные международные съезды и совещания.

О древней Женеве свидетельствует история; о ней также красноречиво говорит вид старого города.

Известно, что Женева в течение многих тысяч лет была местом поселения человека. Первый город был основан за девятьсот лет до нашей эры. Римляне покорили Женеву и всю страну аллоборгов (кельтское племя, населявшее страну между Роной и Изаром) в 120 году до Р. Х. В 58 году до нашей эры Юлий Цезарь повел свои легионы из Этрурии в Женеву, чтобы перерезать мост через Рону и таким образом прервать сообщение между Севером и Югом. Стратегическое значение Женевы уже тогда было велико. Позже город веками был ключем к воротам в Западную Европу.

Старые кварталы города группируются вокруг собора св. Петра, заложенного в десятом веке на самой верхушке холма. Оттуда спускаются лабиринты узких, извилистых улиц, обставленных средневековыми домами. Кварталы старого города строгим видом своих домов и молчаливостью улиц напоминают о суровой эпохе Кальвина, о которой в новом городе и следа не осталось, кроме разве, основанной Кальвином в шестнадцатом веке Академии, позже переименованной в Университет.

Женевское озеро отличается своими прозрачно голубыми водами. У самого выхода из него Роны на нем расположились два островка, у одного ютятся лебеди, на другом находится памятник Руссо, самому знаменитому уроженцу Женевы. Есть, между прочим, в Женеве музей Рат, по имени русского генерала, также уроженца Женевы.

В ясную погоду далеко за Женевским озером виднеется снежная вершина Монблана. На озере устроен фонтан. Струя из него бьет на большую высоту и за-

тем, опускаясь, в зависимости от ветра то распускается веером, то принимает другие формы.

*

После утомительных женевских дней Интерлакен дал нам всё, что нужно было — отдых, тишину и прекрасный пейзаж. Небольшой курорт этот расположен в живописной котловине среди высоких гор, на левом берегу Аары, между двумя красивыми озерами, Бриенцским и Тунским.

Главная улица Интерлакена на одной (северной) стороне обставлена большими гостиницами и магазинами. Есть на ней и Курзал, в котором в летнее время дают концерты, иногда очень не плохие.

Противоположная сторона улицы в значительной своей части совсем не застроена, что дает возможность любоваться Юнгфрау, одной из самых высоких (13.669 футов) вершин Альп. В ясные дни вершина со своим белоснежным шатром и обступившими ее глетчерами представляет величественное зрелище.

Из Интерлакена можно подняться на Юнгфрау по горной железной дороге. Мы собирались туда и даже запаслись билетами. Но на Юнгфрау началась снежная мятель и подъем был отменен.

*

Из Интерлакена мы совершили несколько поездок по окрестностям. Проехали в Люцерн, но только для того, чтобы пересечь на пароходике Фирвальдштетское озеро и по фюникюлеру подняться в Биргеншток, где на вершине горы находятся несколько прекрасных отелей, автомобильная дорога, парк с дорожками для пешеходов, закрытый бассейн с теплой водой для купания.

В Биргенштоке есть всё для удобства туристов. Но

подчинить себе погоду и там не сумели. На горе бывает дождливо, сыро и туманно. На это очень жаловались нам знакомые туристы из Нью-Иорка. Зато в ясную погоду оттуда открывается прекрасный вид на вершину Пилатус, с одной стороны, и на Фирвальдштетское озеро, с другой.

Посетили мы и Берн, столицу Швейцарского Союза и самый красивый из виденных нами городов Швейцарии. Берн расположен на покатом полуострове, омываемом с трех сторон водами стремительной Аары. Значительная часть города сохранила свои старинные черты: средневековые дома с башенками и аркадами, городская ратуша, старинный готический собор, башни и причудливые фонтаны: Моисея, на площади перед зданием парламента, фонтаны Людоеда и Мушкетера, фонтан Самсона, фонтан Справедливости и другие.

Башни были частью городской стены. На одной из них часы, механизм которых отмечает часы, дни, недели, число месяца, положение солнца и фазы луны.

Ежечасно на башне происходит своеобразное представление, собирающее толпы туристов. Удар часов приводит в движение разные фигурки. Петух кукурекует, сидящий старичек (олицетворяющий время) переворачивает песочные часы и отсчитывает часы движением губ и скипетра, лев поворачивает к нему голову; ниже—игрушечные медведи бегают вокруг горизонтального диска, шут звонит в колокол, а наверху в особой башенке рыцарь в золотой броне отбивает молотом часы.

Посетили мы, конечно, медведей, содержащихся в трех цементированных ямах. Медведь — эмблема Берна, отсюда и название города. И медведи содержатся в ямах с середины шестнадцатого века.

Голландия

НАДО торопиться в Голландию. На мой запрос в двух роттердамских отелях один ответил, что всё занято; другой обещал задержать номер до такого-то дня и часа. Этот день завтра.

Отправляемся на интерлакенский вокзал. Узнав в чем дело, рыжеволосый швейцарец говорит:

«Кратчайший путь в Голландию лежит через Западную Германию. Если вы сядете здесь в поезд завтра утром, то приедете в Роттердам в одиннадцать часов вечера».

«Есть пересадки?»

«Никаких пересадок. Это скорый поезд, и он останавливается лишь на больших станциях: Карлсруэ, Мангейм, Майнц, Кобленц, Бонн, Кельн...»

«Разве поезд идет вдоль Рейна?»

«Бóльшую часть пути».

*

Мы опять в поезде. Проезжаем уже знакомый нам Берн. За ним следует Базель, где поезд стоит почему-то очень долго. В трех милях от Базеля новая остановка. Здесь граница. Входит таможенный чиновник, быстро проверяет паспорта и автоматически желает каждому счастливого пути.

Несколько часов поезд несется по равнине. По обеим сторонам голые поля, с которых уже собран урожай, луга и редкие рощи. Потом поезд круто по-

ворачивает на восток и выходит к Рейну, которого не покидает уже до Кельна.

Так вот он легендарный Рейн, прославленный в стихах и прозе, воспетый Генрихом Гейне, одним из двух самых любимых поэтов моей юности. Другим был Лермонтов. Пушкина я оценил по настоящему только позже.

Рейн и его гористые берега действительно живописны, но красоту их, на мой взгляд, преувеличивают. Над холмами развалины средневековых замков. Неудивительно, что суровый вид их действовал на воображение маленького Гейне. Впечатлительному мальчику чудилось, что «старые рыцари вставали из развалин замков и били друг друга в железную броню, и Лорелея снова стояла на вершине горы и пела свою губительную песню».

Сказочная Лорелея, разочаровавшись в своем неверном возлюбленном, покончила с собой, бросившись с горы в Рейн. Она превратилась в сирену и голосом своим увлекала рыбаков на их погибель.

Лорелее Гейне посвятил одно из лучших своих стихотворений, начинающееся словами «Ich weiss nicht was soll es bedeuten...» Стихотворение это, переложенное на музыку, поныне распевает вся Германия. Даже Гитлер не посмел запретить его, он только приказал не упоминать, что автор его — еврей Гейне.

*

На вокзалах больших рейнских городов было людно и шумно. Кого-то встречали, кого-то провожали. В поезд входили люди коренастые, широкоплечие, с крепкими затылками, с холодными, как сталь, голубыми глазами. Было тяжело смотреть на этих людей.

В голове роились вопросы: Неужели они участвовали в гитлеровских злодеяниях? Неужели они по приказу фюрера сами тащили еврейских матерей и детей в газовые камеры или закрывали глаза, когда это делали другие? Как это случилось, что народ философов и музыкантов превратился в нацию бессердечных мучителей и убийц?

Солнце уже клонилось к западу, когда наш поезд подошел к Кельну. Знаменитый Кельнский собор показался еще издали. Он совершенно не пострадал от военных налетов союзной авиации, хотя все кварталы вокруг него превращены в груды развалин. Поезд медленно проходил по этим разрушенным кварталам.

Западная Германия усиленно сейчас отстраивается. Почему всё еще пустуют разбитые кварталы Кельна? Говорят, что немцы намеренно их не восстанавливают: пусть, мол, видят, как они пострадали. Так ли это, не могу сказать.

За Кельном поезд повернул на северо-запад. По Голландии он шел вечером. Часто останавливался на ярко освещенных станциях и в Роттердам пришел с опозданием на час с лишним.

*

Голландия или Нидерланды — немного меньше Швейцарии. Но население ее составляет одиннадцать миллионов душ, а в Швейцарии нет и пяти миллионов. Думают, что название страны происходит от onland — бесплодная земля. За эту «бесплодную землю» голландцы вечно воюют с морем, отгораживаются от него плотинами и не без гордости говорят: «Бог сотворил мир, но Голландию создали мы сами».

Не сдается, однако, и море. Каждый раз оно свирепо набрасывается на отвоеванные у нее голландцами

земли, сносит плотины, разрушает каналы, уничтожает селения. В январе 1953 года Голландию постигла страшная катастрофа — то было одно из величайших наступлений моря. Но голландцы уже оправились и со свойственным им упорством продолжают осушку отвоеванных у моря земель.

Маленький голландский народ славится не только своей неустанной борьбой с морем. Он сумел занять и триста лет держать богатейшие колонии, развить крупное судостроение (Петр Великий не случайно превратился в Саардамского плотника) и широкую международную торговлю. Он, наконец, сумел сделать крупный вклад в науку и искусство, выдвинуть большое число замечательных людей.

Карл Великий был голландец. Голландцами были и Эразм Роттердамский, и Рембрандт, этот колосс мирового искусства, и Спиноза и многие другие.

В жилах многих выдающихся американцев течет голландская кровь. В маленькой голландской деревушке Оуд Воссемеер хранится родовой герб предков двух американских президентов Теодора и Фрэнклина Рузвельтов.

Могло также случиться, что нам, живущим в Соединенных Штатах, пришлось бы говорить на голландском языке, вместо английского. Гудзон (Ходсон) открыл английский мореплаватель Хенри Ходсон, находившийся на голландской службе. Нойе Амстердам на Мэнхэттэне, позже переименованный в Нью Иорк, был основан голландцами. Бруклин сперва назывался Брекелен, как одноименный городок в Голландии. Стэтэн Айлэнд, Хобокен, Флошинг, и Харлем — голландские названия. Были голландские колонии в верхних уездах Нью-Иорка, а также в Нью-Джерси, Делавэре, Мишигэне и в других штатах.

В государственных архивах в Гааге хранится следующее письмо П. Шагена, представителя Голландской Вестиндской Компании в Америке, помеченное 5 ноября 1626 года: «Наши люди купили остров Мэнхэттэн у индейцев за 60 гульденов; его размеры 11.000 моргенов».

*

Роттердам — второй по населению город Голландии и один из важнейших портов Западной Европы. Город сам по себе мало интересен, а о том, как он пострадал от гитлеровского налета и как отстраивается, я уже писал. Зато два дня, проведенные в музее Бойманс, доставили огромное наслаждение.

Случилось так, что этим летом в музее Бойманс была устроена выставка голландского искусства, и на ней были собраны лучшие произведения голландских мастеров. Были представлены и Рембрандт (среди его полотен изумительная картина «Ночной дозор», принадлежащая королевскому музею в Амстердаме) и его талантливый ученик Фабрициус, и Брюгель старший, и Ван Эйк, и Рубенс, и Гальс, и Вермеер, и Ван Дэйк, и ранние полотна Ван Гога, и многие, очень многие замечательные живописцы, о которых мы знали раньше (и то не всегда) только по наслышке.

*

От Роттердама до Амстердама около полутора часов езды. По пути лежат Гаарлем, Лейден, Гаага и Дельфт. Между этими городами и вокруг них поля и луга, приятные домики, стада тучных коров и овец, каналы, ряды тополей, ветряные мельницы.

Гаага — административный центр страны, в ней находятся правительство и парламент. Но столицей

считается Амстердам, самый большой по численности населения (856.000) и крупнейший голландский порт.

В путеводителях Амстердам часто называют Северной Венецией. Это совершенно напрасно. В Амстердаме, как и Венеции, много каналов и мостов. Не мало зданий возведено на зыбкой почве и подпирается сваями: для строительства одного только королевского дворца было забито свыше 13.000 свай. Но на этом сходство между Амстердамом и Венецией кончается.

Впрочем, даже это сходство только поверхностное — каналы в Амстердаме совсем не напоминают венецианских. Наконец, в Венеции каналы — улицы; в Амстердаме, кроме каналов, есть многочисленные улицы, и движение по ним, как в других городах: трамваи, автомобили и грузовики, мотоциклетки и бесчисленное число велосипедов.

*

Амстердам — не Венеция. Он город сам по себе, своеобразный, интересный, богатый многочисленными историческими и архитектурными памятниками. Но Амстердам не весь в прошлом, подобно Венеции. Он продолжает быть важным центром мировой торговли и первоклассным портом.

Старый город окружен большим дугообразным каналом Сингелграхт. Параллельно ему идут два других канала и множество малых. Каналы эти дугами своими упираются в широкий и глубокий Северный канал, принимающий океанские пароходы.

Поездка по каналам занимательна и удобна. Она совершается на длинных, целиком застекленных, быстроходных моторных судах. Каналы с обеих сторон обрамлены старинными зданиями шестнадцатого и семнадцатого столетия, старинными церквами, музеями.

Есть в Амстердаме Новая церковь. Новой она назы-

вается в отличие от Старой. Новая построена в начале пятнадцатого столетия, а Старая — на сто с лишним лет раньше. Есть и Португальская синагога, которой уже триста лет.

Когда мы проезжали по одному из каналов, нам показали дом, в котором тридцать лет жил Рембрандт и в котором он создал лучшие свои полотна. Мы долго потом бродили по улицам Амстердама в поисках этого дома и были рады, когда с помощью прохожих нашли его.

Рембрандт, как известно, жил в еврейском гетто и часто писал евреев. Гетто больше нет, но квартал остался еврейским, и недалеко от дома Рембрандта родился и провел свою юность Спиноза.

Очень интересно было нам побродить по главной торговой улице Каалверстраат и по соседним переулкам. Каалверстраат — всегда полна народу. Ходят по ней не только по узеньким тротуарам, но и по мостовой. Редкие автомобили или грузовики продвигаются по ней черепашьим шагом.

Достаточно свернуть с Каалверстраат в любой переулок, чтобы сразу очутиться в средневековьи — маленькие церковки, покосившиеся, подпирающие друг друга домики, небольшие, утрамбованные булыжником, площадки.

*

Целый день мы бродили по Амстердаму. Многое увидели и многого не досмотрели. На обратном пути к вокзалу мы неожиданно вышли на улицу «царя Питера» — голландцы очень чтут Петра Великого. Нам не удалось посетить Саардам, где царь работал. Но нам рассказывали, что домик, в котором он жил, превращен в музей «царя Питера» и что в центре города ему сооружен памятник.

ПО АМЕРИКЕ

Путевые заметки

THE MOHAWK TRAIL

НАЧАЛОСЬ это так.

Жили мы семь лет в Мэнхэттэн Бич. Год назад выехали оттуда. И вдруг звонят нам по телефону тамошние соседи, Алиса и Бен Рэйфил:

— Поедемте с нами в автомобильное путешествие.

— Куда?

— Нам всё равно, куда вы скажете. Хотите поедемте в Квебек, хотите в другие места.

В свое время я не мало походил пешком по американской земле, не мало проехал по железной дороге. Но более или менее продолжительного путешествия в автомобиле ни я, ни жена моя ни разу не совершали.

Предложение Рэйфилей показалось заманчивым, и мы его приняли. Назначили день отъезда и выработали приблизительный маршрут: заглянуть в Адирондакские горы, «побродить» по штатам Новой Англии, а оттуда, спустившись к океану, посетить знаменитый мыс Cape Cod. Большие города, душные и в летнюю пору малоинтересные, мы условились избегать.

*

Сказано — сделано. В жаркий субботний полдень Бен и я оставляем позади Нью Иорк. Наш путь лежит через Коннетикут и Массачусетс в городок Вейр, в четырех милях от которого находится детский лагерь. Там уже ждут нас наши семьи.

Отдохнув денек, мы из Вейра, через университетский городок Эмхерст, проезжаем к Гринфилду, за которым начинается самая живописная и, пожалуй, самая дикая дорога Массачусетса — Mohawk Trail.

Древняя индейская горная тропа ныне превращена в отличный автомобильный путь, который почти незаметно подымает нас всё выше на горный кряж. Неожиданно перед нами раскрывается неописуемая по своей красоте картина. Под нашими ногами лежит глубокая, почти сплошь лесистая долина, которую в диком беспорядке обступили со всех сторон холмы и горы. Мы останавливаемся, выходим из машины и молча любуемся панорамой.

Едем дальше. Через несколько миль поворот и крутой спуск, который удачно назван Hairpin Turn. Спуск и впрямь имеет форму головной шпильки.

У поворота приютился ресторанчик, с гостеприимной террасы которого открывается один из чудеснейших видов. Внизу в долине на зеленом фоне белыми пятнами разбросаны дома Норт Эдэмса. А вокруг городка и далеко от него амфитеатром расположились покрытые вереском горы.

В первый момент вы ошеломлены. Потом глаз привыкает и вы начинаете различать: вот здес Зеленые горы Вермонта, а там Белые — Нью Хэмпшира, дальше, на противоположной стороне вырисовываются темные очертания Адирондаков. День выдался, когда солнце играло с тучами в прятки. И это только увеличило красоту пейзажа, который то и дело менял свой многокрасочный облик...

Мысленно спрашиваю себя: Это сон или явь? Неужели такие красоты и в самом деле существуют?..

Потом я узнал, что эту местность называют Американской Швейцарией. Неудачное название. Природа не повторяется в своих творениях. Она создает индивидуальные образы, а не копии. И поэтому рекламному названию Американская Швейцария я предпочитаю более скромное Mohawk Trail. Оно не только лучше, но и роднит с прошлым Америки и напоминает о горной тропинке, по которой веками пробирались индейцы, идя на охоту или войну.

*

Часа через два, отдохнув и закусив, мы отправляемся дальше. Медленно спускаемся к Норт Эдэмсу, быстро проезжаем по его главной улице, еще быстрее покрываем десяток миль, и мы в штате Нью Иорк.

Едем по другому индейскому пути — Taconic Trail. Горы скрываются за горизонтом. Кругом поля, луга, редкие фермы и еще более редкие городки. Огибаем Саратогское озеро и попадаем в Саратогу — американский Карлсбад. В Саратоге в августе происходят скачки и курорт полон народу. За ночлег дерут в три-дорога. Но нас скачки не интересуют, а ночевать хочется там, где больше воздуха и зелени.

Ночь мы проводим в кабинах под Глэнс Фоллс.

Городок этот гордится своей чистотой и своим водопадом, от которого, впрочем, осталось очень мало. Бумажные фабрики, как пьявки облепили водопад и, забирая воду, всё больше сушат его.

Лет 15 назад, когда я впервые посетил Глэнс Фоллс, водопад днем еще шумел. Теперь его шум можно слышать только по ночам, когда фабрики бездействуют. Днем вода отгорожена плотиной и сухое скалистое дно водопада тоскует по вольным древним вре-

менам, когда в его водах еще не отразилось лицо белолицого человека. Вот тогда водопаду было весело! Вот тогда он шумно и радостно бросал миллионы брызг вниз, без устали, без конца...

Под одной из скал водопада есть «пещера Купера», в которой по преданию прятались Ункас и Хокей, герои знаменитого романа Фенимора Купера «Последний из могикан».

От Глэнс Фоллс к знаменитому озеру Джордж рукой подать — всего 10-12 миль. Отправляемся туда.

АДИРОНДАКСКИЕ ГОРЫ

Адирондакский район занимает площадь в пять миллионов акров. Почти половина этого пространства выделена штатом для общего пользования «на вечные времена».

В Адирондакском Заповедном Лесу, самом большом в стране парке после Иелостоунского, любой человек может разбить свою палатку или поставить «дом на колесах», может охотиться или удить рыбу, купаться или просто греться на солнышке и дышать ароматом сосновых лесов, растущих по склонам гор. Палатку можно даже получить казенную, заплатив за пользование ею в течение всего лета один доллар.

Всё это, равно как и то, что Адирондаки изобилуют высокими горными вершинами и многочисленными озерами, привлекает ежегодно десятки тысяч туристов, устремляющихся сюда буквально со всех концов страны, кто в автомобилях, кто в поездах, а кто по способу hitch-hike, т. е. пешеходом, пока не попадется добрый автомобилист и не подвезет по пути.

Таким способом и я бродил когда-то по Адирондакам. И с тех пор осталось у меня к нему «влечение

— род недуга». Знаю я эту местность недурно, но каждый раз открываю в ней новые красоты и каждый раз радостно становится на душе, когда я приближаюсь к «воротам» Адирондаков — деревушке Lake George, расположенной на берегу озера того же названия.

*

С юга открываются внезапно горы. Мы еще едем по знаменитой в американской истории саратогской долине. Здесь в революционные годы разыгралась известная битва, явившаяся поворотным пунктом в войне за независимость. Здесь английский главнокомандующий Бургойн сдался со своим войском генералу Гэйтсу. Дорога слегка подымается и вдруг перед нами узкий просвет. Это озеро Джорджа, змеей расположившееся среди обступивших его со всех сторон зеленых горных вершин, склоны которых спускаются к самому берегу.

Отсюда горы, разветвляясь, уходят на запад, к озерам Топпер, Скрун, Плэсид и Сэрэнэк, и на север — в Канаду...

Деревушка Лэйк Джордж летом очень шумная и неприглядная. Она кормится за счет туристов и дачников и торгует всем, чем только можно привлечь понаехавшую публику. Каждый дом — постоялый двор. В каждом здании — ресторан или лавка. Горы защищают деревушку от ветров и на «главной» улице всегда жарко и душно.

Не то на озере и на его многочисленных, покрытых густой растительностью, островах. Там тихо и прохладно...

В исключительно ясные дни можно, стоя на южном берегу озера, видеть северный берег, расстояние в

30 миль. Но это случается редко, так как над озером обычно висит легкая пелена, образующаяся от испарений воды под горячими лучами солнца.

*

По озеру плывут пароходики, совершающие рейсы два раза в день. Изредка виднеются гребные лодки, кое-где белеет парус, довольно часто пробегают моторные лодки.

Мы нанимаем одну из них. Отчаливаем от пристани и мчимся по гладкой поверхности озера. Мимо нас мелькают виллы, расположившиеся на Болтон Роуд, на западном берегу озера или на частных островах. Когда-то Болтон Роуд слыла дорогой миллионеров. Теперь здесь живут художники, писатели и журналисты, артисты Метрополитен Оперы, общественные и политические деятели. Вот вилла губернатора Лимэна, вот другая — знаменитой певицы Луизы Хомер, вот большой фешенебельный отель...

Денежная аристократия ушла с озера, потому что штат устроил рядом с их виллами открытый для всех парк и потому, что на принадлежащих штату островах (из 155 островов озера только 17 остались еще в частных руках) разбивают свои лагери бой-скауты и группы школьников.

Из Lake George отправляемся на север. Огибаем озеро вдоль Болтон Роуд. Через короткое время мы у северного конца озера. Берег высокий и крутой. Здесь нет ни жилищ, ни дачников. Сюда редко заглядывает лодка. Здесь почти всегда пустынно и тихо. И только горные вершины и леса причудливо отражаются в зеркальной поверхности озера. Минут 15 мы любуемся видами и мысленно прощаемся с озером...

Летом озеро Джордж не так привлекательно. Слишком много народу толпится вокруг него. Слишком часто лодки бороздят его поверхность. Слишком однотонна темнозеленая рама его берегов.

Другое дело осенью, в конце сентября или в октябре. Дачники почти все разъехались. Над озером воцаряется тишина. А горы, покрытые до верху лесом, сверкают осенней позолотой...

На нашем пути лежит Форт Тайкондерога. Вокруг этой крепостцы когда-то происходили кровавые битвы между французами, англичанами, американцами и индейцами. Об этом напоминают многочисленные памятники с дощечками, извещающими, когда и сколько на этом месте убито народу и сколько ранено. Грустно становится, когда подумаешь, как много крови пролито на этой мирной теперь земле, заросшей стройным лесом.

В годы войны за независимость, форт Тайкондерога находился в руках англичан. Но бравые «вермонтские парни» однажды ночью переплыли узкое в этом месте озеро Шэмплэйн и, застигнув гарнизон врасплох, вынудили его к сдаче. Момент этот запечатлен в многочисленных картинах американских художников, в стихах и романах поэтов и писателей. А предводитель «вермонтских парней» Итэн Эллен вошел в историю, как один из героев американской революции.

Теперь Тайкондерога — исторический музей. Форт восстановлен в своем первоначальном виде и в его залах предоставлено почетное место Эллену, Вашингтону и другим героям революции.

*

Наша следующая остановка — в Ausable Chasm. Солнце уже склоняется к западу и пора подумать о

ночлеге, а до Осэйбл Кэзм еще миль семьдесят. Но гладкая дорога и свежий ветерок манят нас дальше. Мы решаем ехать, пока не наскучит. Почти незаметно проезжаем городки Порт Хенри, Вестпорт, Эссекс и Кизвилл.

Вот и Ausable Chasm.

AUSABLE CHASM — LAKE CHAMPLAIN

На Ausable Chasm я набрел лет 15 назад совершенно случайно. Иду по дороге и вижу надпись: Turn right to Ausable Chasm — one of the world's wonders. 5 miles. Когда человеку всё равно куда идти, почему не посмотреть на «мировое чудо»? Я пошел. Чудо оказалось настоящим...

Много миллионов лет назад, когда река Осэйбл понесла свои воды с Адирондакских гор в озеро Чэмплэйн, она натолкнулась на своем пути на мощный пласт песчаника и стала прорывать себе в нем русло. Капля по капле камень долбит. Вот река и выдолбила себе проход. На протяжении почти двух миль она протекает по очень глубокому, очень узкому и извилистому каньону. На поверхности ущелье густо заросло лесом и его почти не видать. Чтобы осмотреть каньон надо спуститься вниз по высеченной в скале лестнице.

Вдоль отвесных стен каньона высечены дорожки, площадки и лестницы. Местами с одной стороны ущелья на другую и на разных высотах переброшены мостики. Всё это позволяет вам, то с одного места, то с другого, любоваться великолепным зрелищем. Внизу река, тут тихая, а там грохочущая через водопады и пороги, по бокам — самой причудливой формы выступы и пещеры: голова слона, скала-кафедра, лестница библейского Якова, кухня дьявола и т. д.

Приблизительно на полпути каньона дорожки обрываются. В специальных «комнатах для отдыха» ждут лодочники; они везут вас через пороги к выходу из ущелья. Там река подымается из бездны и мирно течет дальше среди ровных берегов.

Из Ausable Chasm мы направляемся к Lake Champlain — одному из самых больших озер в стране. Оно растянулось на 118 миль в длину и является естественной границей между Нью Иорком и Вермонтом.

Когда-то через озеро переплавлялись на простых паромах. Теперь к услугам путешественников два моста и несколько первоклассных электрических паромов. На одном из них мы переезжаем на вермонтский берег.

Ширина озера в этом месте (между Порт Кэнтом и Бэрлингтоном) 10 миль. Паром покрывает это расстояние в час времени. Мы рады отдохнуть после утомительного хождения по дорожкам и лестницам Ausable Chasm, рады свежему ветру. Он подымает на озере большие волны и часто обдает пассажиров сверкающими в лучах солнца брызгами воды.

Первым белым человеком, увидевшим озеро Шэмплэйн, был француз де Шамплэн. Это случилось в 1609 году. С двумя другими соотечественниками и 60 индейцами племени Алгонкин Шамплэн отправился исследовать озеро. В пути он натолкнулся на индейцев воинственного и могущественного в те времена племени Ирокез. Шмплэн, не долго думая, выстрелил из аркебуза и убил трех индейцев. Этот выстрел сделал племя Ирокезов вечными врагами французов и неизменными союзниками англичан. Существует даже мнение, что выстрел Шамплэна явился причиной потери французами своих владений на континенте Северной Америки.

ЗЕЛЕНЫЕ ГОРЫ ВЕРМОНТА

Но вот и Вермонтский берег. Мы в Бэрлингтоне, самом большом городе Вермонта. В нем тысяч тридцать жителей!..

Наша машина несется по гладкой автомобильной дороге, белой лентой вьющейся по узкой долине мелководной реки Винуски. Река то подходит близко к дороге, то отходит и скрывается, чтобы неожиданно появиться на другой стороне.

По обеим сторонам дороги небольшие поля, луга, редкие фермерские жилища. Изредка встречаются работающие в поле в одиночку или вдвоем фермеры, пасется скот, медленно двигается огромный воз с сеном. И тут же, местами, до них почти рукой подать, расположившиеся по бокам долины, круглоголовые холмы и горы.

Кругом тишина и спокойствие, нарушаемые только шумом нашего мотора да изредка пробегающими машинами. Спокойны горы. Тихи долины, молчаливы люди. Таков Вермонт!

Горы Вермонта не так величественны, как Адирондаки, и не так живописны, как Белые горы Нью Хэмпшира. Но они *самые зеленые* из всех. И самые приветливые...

Отличительная черта Вермонта — отсутствие больших городов. Я уже упомянул, что Бэрлингтон, имеет 30 тысяч населения. Монпильер, который лежит на нашем пути, имеет тысяч 10-12. Другие еще меньше.

Монпильер — столица штата. Название свое он получил в честь своего французского тезки, знамени-

того города Монпелье. Пишутся оба названия одинаково, произносятся по разному.

Монпильер — чистенький городок с сильными следами французского влияния в архитектуре. Можно подумать, что некоторые дома камень за камнем перенесены из Франции.

Очень гордится столица Вермонта своим капитолием. Это небольшое здание на холме, с греческими колоннами у входа, увенчано позолоченным куполом, над которым возвышается статуя Цереры, древне-римской богини хлебных злаков.

В семи милях от Монпильера находится Барр — мировой гранитный центр. Минуя этот городок, мы наталкиваемся на первое и единственное препятствие на нашем пути. Дорога на длинном протяжении разворочена, так как идет прокладка новой. Нам советуют ехать другим «более удовлетворительным путем». Сворачиваем и, сразу попадаем на дорогу, которая почти вся усыпана мелкими камешками. Машину и всех нас невероятно трясет. Руль то и дело вырывает из рук. Приходится ехать очень медленно. Восемнадцать миль до Брэдфорда покрываем в час с четвертью. Оттуда по отличной дороге едем к поселку Фэйрли. Переезжаем мост через реку Коннетикут, и мы в Нью Хэмпшире.

Здесь поворачиваем на север и до самого вечера едем вдоль реки, которая служит естественной границей между двумя штатами. Один берег реки Вермонтский, другой — Нью Хэмпширский. На одной стороне Зеленые горы, на другой — Белые.

К вечеру подъезжаем к горному городку с библейским названием Бетлехем (Вифлеем). Здесь наш очередной ночлег.

На главной улице Бетлехема людно и шумно. Много магазинов и больших отелей. Круглый год население городка 1.500-2.000 человек. В августе оно увеличивается до 12-15 тысяч. Это потому, что сюда съезжаются отовсюду страдающие сенной лихорадкой.

Местные жители объясняют целебность бетлехемского воздуха тем, что городок находится на большой высоте, защищен со всех сторон горами. Это делает его климат мягким и ровным.

Воздух Бетлехема действительно полон сладкого аромата. Дышать им легко и приятно.

Но нам здесь делать нечего. Отсюда мы спустимся на юг по одной из самых живописных дорог Нью Хэмпшира — Franconia Notch. Утром отправляемся в путь — едем сперва густым лесом, за которым ничего не видно. Вдруг лес кончается и перед нами два смежных горных хребта — Франкония и Пемигевассет — которые на расстоянии в 45 миль расступились лишь настолько, чтобы можно было проложить узкий путь. Едем в полутьме, так как горы заслоняют солнце и мы можем видеть вверху лишь полоску синего неба.

Но вот в горе высечена стоянка для автомобилей. Стоят машины. Останавливаемся. Какое прекрасное зрелище! Три горных вершины образовали почти правильный треугольник. Наверху треугольника небо, а внизу крошечное озеро Эхо. Горы смотрят в озеро, видят там свое отражение и любуются собой.

Едем дальше. Опять стоянка. Отсюда отчетливо можно видеть каменное лицо горного человека, о котором писал еще Хоторн. Странная проделка природы. На самой вершине горы ветры и дожди так отшлифовали скалу, что придали ей человеческий профиль. Вы ясно видите лоб, нос, рот, подбородок...

Удивительных мест на Franconia Notch бесчисленное множество. И трудно даже сказать, какое из них самое поразительное или самое красивое.

Но вот хребты вдруг расступились и стали удаляться один от другого. Мы уже едем по равнине, усеянной тут и там небольшими холмами. Белые горы кончились.

Почему белые? Думаю потому, что в лесах покрывающих эти горы очень много белой березы. Она-то и дает горам серовато-белый оттенок.

Береза, к слову сказать, составляет украшение Нью Хэмпширского пейзажа и не мало способствует необычайной живописности штата, который на небольшом своем пространстве (200 миль в длину и 100 в ширину) может похвастать рядом величественных горных хребтов, большим числом озер и даже кусочком (18 миль) океанского берега.

К берегу океана мы даже не приблизились. Из озер мы видели только одно. А в горах Нью Хэмпшира мы пробыли всего сутки. Но то, что мы видели надолго запечатлелось в нашей памяти и зародило сильное желание вернуться в эти края и ближе познакомиться с их красотами.

Август-сентябрь 1937.

ПО ГОРАМ НЬЮ ХЭМПШИРА

КАКАЯ перемена: в образе жизни, в самочувствии, в окружающей нас обстановке.

Утром мы еще оседлые жители многомиллионного и многошумного Нью Иорка. Днем мы проносимся, избегая городов, по Коннетикуту. Ночуем в глухом углу северного Массачусетса. А на следующий день любуемся неподвижными, зеркально гладкими водами озера Виннипесоки, озера с индейским названием, воспетого поэтами прошлого века. Барды недаром прославили озеро Виннипесоки. Даже теперь, когда его со всех сторон облепили детские лагери и дома для туристов, оно сохранило значительную долю своей красоты.

Опять ночевка. Опять переезд. И мы среди Белых гор Нью Хэмпшира; белыми горы кажутся только издали; вблизи они темно-зеленые, так как до самого верха покрыты густым лесом. И только местами горы обнажают свои серо-белые бока, свидетельствующие об изобилии слюды в их жилах.

Автомобиль не только пожирает пространство: он разделяет миры.

Один мир — это огромный, оставленный позади город, люди, живущие в домах-клетках, люди, вечно спешащие, торопящиеся, как будто они боятся опоздать на поезд.

Другой — неподвижные, молчаливые горы, белые облака, которые сами, как горы, тихие озера, ласкающие свои берега и воздух сладкий и душистый, вдыхать который так легко и приятно.

Где Нью Иорк? Где та жизнь, которая еще 48 часов назад казалась единственно возможной?

Чем дальше в горы уходит машина, тем менее реальным кажется великий город на берегу Гудзона и всё то, чем он живет.

Машина то идет в гору, то как будто неудержимо катится вниз на выросшую перед нами почти отвесную, зеленую громадину. Вдруг поворот... громадина остается в стороне, а впереди новый подъем и зеленые шапки наступающих гор. Шум воды. Подымаем головы. Вода падает по склону горы, стекает по скалистому руслу, которое пробила себе много веков назад. Автомобили останавливаются. Щелкают фотографические аппараты, слышатся вопросы:

«Откуда эта вода?»

«Из озера на вершине горы...»

А в голове мелькает мысль: вот это настоящее. Пройдут годы. Забудутся дела нашего времени. Сотрутся имена Гитлера и Сталина. А эти горы останутся. Ибо они вечны, как небо, как солнце, как звезды, которые кажутся здесь такими яркими и большими...

И в присутствии вечности временное перестает привлекать к себе. Перестают интересовать так называемые мировые события. Не тянет к газетам. Молчит радио в машине. А мы рассчитывали с его помощью поддерживать связь с миром и узнавать, что творится на белом свете.

Зачем слушать радио, когда так сладко прислушиваться к шопотам леса? Зачем возвращаться в другой мир, когда этот так сказочно прекрасен, так чудесен?

*

Три дня мчались на север, переезжая из одного штата в другой. На границе каждого штата столбик. И это всё. Как просто! И как хорошо!

Могло ведь быть иначе. Могло быть так: каждый штат — самостоятельное государство. Сорок восемь штатов — сорок восемь государств. На границе каждого штата не столбик, а настоящая застава, с жандармами, с допросами и опросами: зачем и куда?

Хорошо, что Америка умудрилась раскинуться между двумя океанами и остаться единой и неделимой.

Был период в истории страны, когда ей угрожал распад. Гражданская война раз навсегда решила этот вопрос: штаты добровольно вошли в Союз. Но выделиться из него они больше не могут, союз остается нерушимым и вечным...

*

Белые горы влекут к себе и не отпускают. Мы умышленно выбираем самый длинный, подковой охватывающий горы, путь — Crawford Notch. Это не только самая длинная дорога, но пожалуй, самая живописная. Этим сказано очень много, потому что все горные дороги Нью Хэмпшира отличаются своими природными красотами и каждая из них — и Franconia Notch и Crawford Notch и Pinkham Notch и Dixville Notch — найдут своих ярых приверженцев.

Dixville Notch — коротенькая дорога, всего в несколько миль длины. Автомобиль пробегает ее очень быстро. Проложена она по узкому ущелью. За ущельем небольшая долина. Крохотное озеро. Огромный, очень красивый отель «Бальзамы». Отель знаменит во всей Новой Англии и далеко за ее пределами. Знаменит своим чудесным видом на Белые горы, открывающимся с его широкой веранды, своими удобствами и, увы, своими высокими, как горы, ценами...

Огибаем озеро и спешим дальше на север. Горы отступают назад. Впереди широкая равнина. Мы в восьми милях от Канады. Ночуем в миле от городка Колбрук. Завтра переедем границу.

В КАНАДЕ

Утром стали торопиться: как никак надо переезжать границу всамделишнюю, с настоящей заставой. Может быть, будет задержка, продолжительный допрос, едем ведь в чужую страну, да еще в военное для этой страны время.

В Нью Иорке говорили, что в Канаду впускают теперь с большим разбором, что за туристами идет неустанная слежка: не шпионы-ли приехали, что на границе тщательно осматривают багаж и что при выезде отнимают американскую валюту.

Для проверки я написал в Оттаву. Оттуда ответили: слухи вздорные, выдумки пропагандистов из пятой колонны. Квебек, как и вся остальная Канада, рад туристам и никаких препятствий им не ставит. «*Война — наша забота, а не наших гостей*»...

И всё-таки когда подъезжаем к границе, в голове мелькают мысли: Оттава одно, а жандарм-пограничник — совсем другое. Мало-ли, что ему на ум взбредет, чтобы испортить наше путешествие. Наши жены несколько волнуются, а мы подшучиваем над их страхами.

Машина несется по извилистой дороге, огибая холмы, последние отроги Белых гор. Поворот, другой, третий... Последний американский поселок... Мы у границы. Перед нами две невзрачного вида постройки, первая налево от нас — американская таможня, а правая немного поодаль — канадская.

Американским таможенникам не до нас: они ждут гостей из Канады. Подъезжаем к канадскому домику.

«Жандарм», молодой, с голубыми глазами и рыжими усиками чиновник, спрашивает надолго ли едем в Канаду, записывает номер «лайсенса» и просит открыть чемоданы.

Подумал: вот и начнет рыться. Чиновник только дотронулся до каждого чемодана и спросил не везем ли мы вещей, за ввоз которых полагается пошлина.

Еще вопрос: о наших профессиях.

Узнав, что я редактирую русскую газету, чиновник переспросил:

— Русская газета? Не коммунистическая, надеюсь?

— Нет, не коммунистическая.

Чиновник махнул рукой и пожелал нам a good time в Канаде.

Но мы его не отпускаем и осведомляемся о дорогах. Он любезно приглашает нас в таможню, берет карту Квебека и черным карандашом отмечает на ней всё, что нас интересует. К таможне подкатывает другой американский автомобиль. Им занялся второй «жандарм», брюнет, повидимому, французского происхождения, вернее, чистокровный туземец Квебека.

Трогаемся. А в это время к таможне подъезжает целая вереница американских автомобилей. Туризм в Канаду, видимо, не прекращается, несмотря на войну и, несмотря на всякие злостные выдумки.

*

Так вот это Квебек! Огромная канадская провинция, населенная тремя миллионами французов, потом-

ками охотников и рыболовов, переселившихся сюда, в Новую Францию, в 17 и первой половине 18 столетия.

В те времена Канада была французской. Она такой, вероятно, и осталась бы, если бы не поражение Франции на море во время семилетней войны. При заключении мира Канада была уступлена Англии. Никто во Франции тогда об этом не жалел, потому что, как Вольтер выразился — «из-за нескольких квадратных миль снега не стоит вести войну».

С того времени о французских поселенцах в Канаде почти забыли. Но сами они не забыли ни своей национальности, ни языка, ни религии.

Было их во время уступки Канады англичанам 60.000, теперь три миллиона. Говорят они на старинном французском языке, не совсем понятном даже французам.

Едем по исторической долине Южного Квебека. По этой долине, граничащей с штатами Нью Иорк, Вермонт, Нью Хэмпшир и Мэйн, происходили все вторжения англичан в их войнах с французами. А во время войны за независимость здесь прошел Бенедикт Арнолд, талантливый генерал и герой революции, ставший потом предателем. Сюда затем бежали американские колонисты — сторонники английской короны. Потомки этих «тори» до сих пор живут в Квебеке, вперемежку с французами.

Отлетели назад Белые горы. Резко изменился пейзаж. Кругом поля, неказистые фермерские постройки, часто бретонской архитектуры, несколько запущенные, с облупившейся местами штукатуркой. А дорога скверная, прескверная.

*

Многие пути ведут из Соединенных Штатов в Канаду. Одни из них парадные: например, путь вдоль реки Святого Лаврентия или другой, от Раузес Пойнт к Монтреалю. Поедешь по ним — и никакой перемены к худшему. Но наш путь из Нью Хэмпшира окольный и, увы, из рук вон плохой. Он весь усыпан щебнем и вдобавок, приходится постоянно закрывать окна, чтобы спастись от пыли, подымаемой встречными или обгоняющими нас машинами.

Тряска по камням и пыль портят настроение. Молча проклинаешь и себя, и дорогу, и унылый Квебек, в который взбрело нам на ум забраться.

Спешу оговориться. Квебек очень велик. В нем есть чудесные, богатые своими красотами места. Таковы, например, Лорентинские горы с национальным парком, дикий север и полуостров Гаспе.

Но в Южном Квебеке ничего особенного не увидишь, разве что отдельные фермы, селения и городки просторные, богатые церкви, да многочисленные придорожные кресты.

День воскресный. И мы имеем возможность убедиться в глубокой религиозности населения. То и дело обгоняем двуколки. Фермеры и их жены, одетые во всё черное, молчаливые и строгие, едут в ближайшую деревню в церковь.

Кругом тишина, прерываемая только шумом промчавшегося автомобиля да мягким звоном колоколов.

К полудню проезжаем деревню. Служба в церкви кончилась. Народ высыпал на улицу. Стоят группами и беседуют.

За деревней четверо парней катаются на велосипедах. День жаркий, а они в черных пиджаках. После

многих лет жизни в Америке это кажется странным. В Квебеке все ходят в пиджаках, даже в самое жаркое время, все, кроме американцев.

*

Едем через Сэйнт Мало в промышленный городок Ист Энгус. Оттуда в Дэдсвилл, Марблтон, Видон Сентр, Сэйнт Джерар, Гартби, Дизрэли. Последние три деревушки находятся недалеко от курортного озера Айлмер. Из Дизрэли, через Колрэйн и Блэк Лэйк, прибываем в Thetford Mines.

Этот небольшой городок с населением в 10.000 человек обладает величайшими в мире асбестовыми рудниками. Больше половины мирового производства асбеста идет отсюда.

В Thetford Mines душно и пыльно. Асбест проникает в легкие, щиплет в горле, хочется кашлять. Подальше отсюда.

Приближаемся к столице края, городу Квебек.

КВЕБЕК — ГОРОД НА СКАЛЕ

Во время наших летних скитаний мы тщательно избегаем шум и духоту больших городов. Часто делаем ради этого значительные объезды.

Но приезду в Квебек мы несказанно рады: кончилась наша тряска и глотание пыли. А, кроме того, Квебек, как никак, город особенный.

Квебек — название индейское. На скале, на которой построен город, когда-то находилось индейское селение Стадакона. А реку Св. Лаврентия в этом месте индейцы называли Кебек, то-есть Узкая. Здесь река шириной всего в три четверти мили, а индейцы знали,

что севернее река всё раздвигает свои берега, пока у самого устья ширина ее сто миль: настоящее море...

Картье посетил Стадакону в 1535 году. Индейцы встретили его дружелюбно, и он провел у них всю зиму. Но, отправляясь во Францию, знаменитый мореплаватель увез с собой вождя Доннакону и многих других индейцев. Поэтому, когда он вернулся через шесть лет, чтобы основать здесь поселение, индейцы объявили ему войну. Вслед за Картье прибыл Роберваль. Но и ему пришлось покинуть из-за индейцев основанное им поселение.

Только семьдесят с лишним лет спустя Шамплэну удалось, наконец, построить здесь укрепленное селение. Это было в 1608 году. С этого года Квебек и ведет свое начало.

Квебек второй по древности город в Северной Америке. Второй в провинции по населению. Он — древняя столица Новой Франции и нынешняя столица Французской Канады. Он единственный здесь город, обнесенный стеной.

За обладание Квебеком боролись англичане, французы и американцы. А боролись они потому, что город, лежащий на высокой скале (350 футов), при слиянии двух рек (Св. Лаврентия и Св. Чарльза) представляет собой природную крепость большого значения. Квебек даже называют — американским Гибралтаром.

*

Немножко истории. В 1629 году англичане взяли город приступом, но вернули его французам по мирному договору. Борьба за город, однако, не прекращалась целых 125 лет.

В 1759 году англичане опять осадили Квебек и овладели им после кровавой бойни, в которой оба командующие — английский и французский — были смертельно ранены. Через четыре года вся Канада была уступлена англичанам.

Во время войны за независимость американские генералы Арнолд и Монтгомери, пошли на штурм Квебека ночью, когда свирепствовала снежная метель. Они надеялись застигнуть англичан врасплох. Но ошиблись. Атака их была отбита с большим уроном для американцев. Монтгомери был убит, Арнолд ранен. Многие солдаты убиты или взяты в плен.

Остатки американских войск поспешно отступили. И, хотя борьба за независимость окончилась полной победой американских колонистов, Канада была для них потеряна.

*

Но вернемся к Квебеку. Город построен в два яруса: верхний — английский, с богатыми особняками, большими магазинами и отелями; и нижний — французский с узкими улочками и переулками, с домиками древней французской архитектуры, с нормандскими крышами и большими печными трубами.

Столетиями потомки англичан и французов живут в Квебеке рядышком, но не вместе. Отгородились языком, культурой, религией, а больше всего предубеждениями.

Хозяйка, у которой мы остановились, ни слова не говорит по-английски, хотя у нее постоянно живут американские туристы. Объясняется она с ними знака-

ми или с помощью расторопного мальчишки с ирландской фамилией Энрайт.

Живя в нижнем городе, мальчик нахватался французских слов, подучился в школе и теперь, в летнее время, подрабатывает, служа переводчиком у нашей хозяйки и посыльным у туристов. Он же сидит на улице и следит не проедут ли американцы, ищущие пристанища. Там Энрайт поймал и нас.

Квебек — промышленный и торговый центр. В нем есть фабрики: обувные, меховые, бумажные и другие. Но главная промышленность Квебека — туризм.

Квебек бредит туристами во сне и на яву. Он старается привлечь их к себе разными приманками. На улице туристов останавливают, предлагая им поездки, то на остров Орлеана, на реке св. Лаврентия, то к водопаду Монтморенси, то для осмотра собора святой Анны Бопрейской, в 21 мили от Квебека.

Предание рассказывает, что триста слишком лет назад бретонские матросы в небольшой рыбачьей шхуне попали в жестокую бурю на реке св. Лаврентия. Им грозила гибель, и они помолились святой Анне, покровительнице Бретани, дав обет построить часовню на том месте, где им удастся благополучно пристать к берегу. Матросы высадились у долины, которую нарекли Beau Pre — красивая долина. Там и построили часовню, которая скоро стала святыней рыбаков. А потом, когда пошли слухи о чудесных в ней исцелениях, сюда со всех концов Северной Америки повалили паломники и туристы.

С годами часовня была заменена церковью, церковь собором. В 1929 году старая церковь и монастырь сгорели. На их месте возводятся новые, более внушительных размеров.

НА ПУТИ В МЭЙН

Мы не думали отправляясь в путь, сделать Квебек конечным пунктом нашей поездки в Канаду. Из Квебека мы намеревались отправиться на северо-восток и, обогнув полуостров Гаспе, через Нью Бронзвик вернуться в Соединенные Штаты, в неведомый еще нам штат Мэйн.

Хотелось побывать в почти совсем еще диком крае Канады, где рыболовы и охотники, потомки французских поселенцев, живут, как жили их предки 300 лет назад.

Хотелось полюбоваться горами и утесами полуострова; посмотреть, как домохозяйки пекут хлеб на улице (это мы, впрочем, видели под самым Квебеком); полакомиться чудесной гаспейской семгой, которую, мы, раз отведав в одном квебекском ресторане, до сих пор забыть не можем. Хотелось одновременно доехать до устья реки Св. Лаврентия.

Эта великая канадская река отличается разнообразной и местами величественной красотой. Она берет свои истоки в Миннесоте. Протекает по ложу четырех (из пяти) Великих озер. Оставив озеро Онтарио (обычно считают, что здесь и начинается река Св. Лаврентия), ее воды натыкаются на знаменитую Тысячу островов (в действительности их более двух тысяч) и, торопясь, бегут дальше по порогам для встречи с Оттавой. В объятиях этих двух рек лежит большой остров, а на нем город Монтреаль.

Дальше на север спешит река Св. Лаврентия, мимо городов и поселков. Мимо островов, пытающихся преградить ей путь. Жадно вбирает она на своем пути воды многочисленных рек и озер для того, чтобы

мощным сто-мильным потоком влиться без остатка в залив Св. Лаврентия.

И это хотелось увидеть с полуострова Гаспе...

Хотелось, но не удалось: напугала дорога из Нью-Хэмпшира в Квебек. Стали наводить справки. Оказалось — дорога на Гаспе не лучше той, на которой мы так измучились. Она проведена всего несколько лет назад и вся усыпана щебнем.

К тому же дорога эта далеко не безопасна. Она вся проложена вдоль высокого крутого берега, с которого сорваться машине совсем не трудно. Узнали также, что гаражи на Гаспе большая редкость и, если что случится с машиной, будет плохо.

*

Решили не ехать. Побыть день-другой в Квебеке и обратно в Штаты. Но каким путем?

На карте я выбрал путь в Мэйн. Но, когда Бен спросил гаражиста, тот посоветовал:

— Поезжайте на Монтреаль, так как путь на Мэйн очень плохой.

На мои возражения, что карта показывает, что путь хорош, гаражист ответил:

— Что мне карта, когда я сам всего две недели назад проехал по этому пути.

Я говорю Бену:

— А всё-таки рискнем и поверим карте, а не гаражисту.

— Окэй, — ответил тот.

Погода все дни стояла прекрасная. А в день отъезда — перемена: небо заволокло тучами; начал сеять

дождик, сперва нерешительно, потом сильнее и, наконец, полило, как из ведра.

Под дождем въезжаем на паром, который должен перевезти нас на другой берег, в Ливис, откуда лежит наш путь в Мэйн.

По середине реки невольно оглядываемся, чтобы последний раз посмотреть на Квебек и сквозь затуманившиеся стекла парома мы видим величественную панораму города на скале. Впереди и выше всех многобашенный отель «Фронтенак», рядом крепость с пушками на валу.

*

Едем. Опять городки и деревни с именами святых. Опять кресты вдоль дороги. Дождь прекратился. Из-за туч выглянул кусочек синего неба и поспешно спрятался. Выглянул опять и задержался. Вот совсем прояснилось: но не над нами — дальше; там за холмом, над которым протянута узкая лента. Карта не обманула: дорога хороша и мы весело катимся по ней.

К канадской таможне мы подъехали совсем незаметно. Выбежал таможенник, попросил вернуть, выданное нам при въезде, особое автомобильное разрешение, спросил сколько денег мы истратили в Канаде, черкнул цифру на бумажке и побежал обратно в таможню.

Отъезжаем. Но где же американская таможня? Миль через двадцать видим пограничный столб с надписью. Останавливаемся и читаем, что в таком-то году американский и канадский представители постановили, что здесь проходит граница между Канадой и Соединенными Штатами.

Через дорогу против столба дом: половина на канадской земле, половина на американской. В дни при-

нудительной трезвости владельцы могли, не нарушая закона, держать в канадской половине спиртные напитки, там же напиваться и совершенно на законном основании перейти на американскую сторону, чтобы протрезвиться.

На границе Мэйна въезжаем в густой лес. По обеим сторонам дороги ель, сосна, сумах, дуб, белая и желтая береза. Кругом ни жилья, ни полянки, ничего кроме леса. И так на целую сотню миль.

Только в одном месте лес несколько отодвигается от дороги, чтобы дать место небольшому городку Джэкмен. Городок находится в 25 милях от границы. Тут и американская таможня, о который мы уже было забыли.

Таможенник просит показать наши документы. Спрашивает сколько времени мы пробыли в Канаде, что мы там купили и даже, не взглянув на наши чемоданы, говорит:

— Go ahead!

Машина бежит. Из леса несет прохладой и запахом сосны. Вдруг опять раздвинулась дорога. Перед нами зеркальная поверхность озера, одного из двух тысяч, которыми изобилует Мэйн. Над озером отель. Рядом кабины. А за озером в прорезе леса виднеется вершина горы.

Кончился лес. Перед нами обширная равнина. Далекие домишки. Ослепительно сверкает солнце. А вдали подернутые прозрачной дымовой завесой Голубые горы.

Останавливаем машину и любуемся.

Нет, этот край нас не разочарует...

МЭЙН — СТРАНА ОТДЫХА И РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Каждый штат, кроме своего названия, имеет еще характеризующую его кличку. Так Нью Иорк — первый по населению и богатству — называется имперским штатом, Нью Хэмпшир — гранитным. Монтана — штатом сокровищ...

У Мэйна таких кличек несколько: «штат сосновых лесов» — одна из них, «страна озер» — другая. Обе клички верны, так как три четверти пространства штата заняты лесами, одна десятая — озерами и реками. А пространство Мэйна немалое — 34.000 квадратных миль. Это почти столько же, сколько занимают остальные пять штатов Новой Америки вместе.

В последние годы за Мэйном стала укрепляться другая кличка: Мэйн — «страна каникул». Эта кличка принята теперь официально, и каждый мэйнский автомобиль имеет под своим номером следующие слова: Main — vacationland.

Так оно и есть. От ранней весны до поздней осени Мэйн предоставляет человеку самые разнообразные возможности для отдыха и развлечений на лоне природы. Для охотника — раздолье в больших мэйнских лесах. К услугам рыболова и купальщика свыше 2.000 озер, многочисленные ручьи и реки, и море, которое причудливыми узорами изрезало береговую полосу Мэйна, образовав многочисленные заливы и бухты. О степени изрезанности мэйнского берега можно судить по следующему: береговая линия штата занимает 2.500 миль, но если провести прямую линию между обоими концами берега, то это даст всего 225 миль.

В Мэйне можно бродить по многочисленным тропинкам, взбираться на горы или, забравшись в укромный уголок, наслаждаться тишиной, любоваться сол-

нечными закатами и вбирать в свои легкие воздух, не столь сладкий, как в Нью Хэмпшире, и не столь острый, как в Адирондакских горах, но чистый и свежий.

Можно также, как мы делали, скитаться по штату в автомобиле; пересекать его по разным направлениям; купаться то в море, то в озере или пруде; останавливаться здесь на час или два, а там на несколько дней...

*

Наш первый ночлег в Мэйне — в бревенчатой кабине на лесистом холме. Оттуда вид на спрятавшийся среди холмов пруд. Перед закатом солнца купаемся. Потом, закусив в придорожном ресторанчике, сидим на веранде кабины и всматриваемся в причудливые в сумерках очертания леса. Темно. Разводим костер и завариваем чай, которым мы запаслись выходя из ресторанчика. За чаем и за беседой проводим вечерние часы. Тишина. Из-за холма показывается луна. Выше и выше взбирается она, но, увидев пруд, задерживается над ним, чтобы полюбоваться собой.

Едем мимо красивого озера Ваймен. Едем вдоль реки Кеннебек. Едем через Бингэм, через Солон, Норт Энсон и Мэдисон к старинному, с индейским названием, городку Скохигэн, что значит «место для наблюдения». Здесь индейцы ежегодно наблюдали, как семга взбиралась по небольшому водопаду вверх по реке, чтобы метать икру.

У Скохигэна сворачиваем на восток, в сторону сравнительно большого промышленного г. Бэнгора. Через полтора часа машина пробегает по тенистым улицам города, пересекает реку Пенобскот и торопится на юго-восток, к морю, там, где лежит Бар Харбор, летний курорт миллиардеров...

Странное явление: приближаясь к морю, мы ожидаем увидеть ровную местность. Вместо этого перед нами выше и выше подымаются горы. Думаешь: за этой горой откроется море. Оказывается, что за горой, другая гора. А моря всё еще не видать.

Вот уже въезжаем в Бар Харбор. Но вместо того, чтобы проехать к центру городка, мы наугад сворачиваем по дороге, которая ведет в гору. Подымаемся всё выше и недоумеваем: куда едем? И вдруг перед нами такая восхитительная, картина, что мы не можем удержаться от криков восторга.

Останавливаем машину и любуемся открывшейся перед нами панорамой. Дорога идет вдоль утеса круто обрывающегося в море. Над нами темная зелень леса бесстрашно взобравшегося на самую вершину горы. Внизу причудливой формы золотые и темнокрасные скалы, на которые лазурное море бросает волну за волной. Дальше острова, вылезающие из-под воды своими голыми, скалистыми, тоже в красках, боками. Еще дальше еле заметная узкая полоска белого песка. Догадываемся: пляж. А над всем этим громадное голубое небо и яркое солнце...

*

После мы узнали, что это и есть знаменитый остров Маунт Дезерт, на котором Бар Харбор занимает лишь крошечное место.

Когда-то на этом островке укрепились французы. Потом пришли англичане. После войны за независимость остров стал американским.

Лет 50 назад о прекрасном острове узнали поэты и художники. Вслед за ними сюда явились богачи, стали строить виллы, более похожие на дворцы. Постепенно

заняв весь остров, они, вероятно, отгородились бы на нем от всего остального мира.

К счастью, лет двадцать назад, значительная часть острова вместе с полосой на материке были превращены в национальный парк, что открыло доступ на него решительно для всех, даже для тех, кто приходит сюда пешком для того, чтобы, разбив в лесу палатку, прожить здесь недельку, две, месяц, а то и всё лето.

Дворцы — виллы миллиардеров остались. Но они спрятались от людских взоров в глубине леса и видеть их можно только с моря.

Сам Бар Харбор — чистенький, очень приветливый городок. Мы задержались в нем на несколько дней.

Совершили чудесную прогулку на яхте вокруг островов. Опять проехали на вершину Маунт Дезерт. Купались в 50-градусной воде на пляже, созданном не природой, а руками человека: он высечен в скалах и усыпан белым песком. Но песок не держится, каждую зиму его уносит в океан. И каждую весну приходится сыпать новый песок. Наблюдали за яхтами, возвращавшимися с рыбной ловли с огромными морскими чудовищами...

После Бар Харбора мы опять стали кружить по Мэйну. Заглянули по пути в Бутбэй Харбор, где собираются яхтсмэны со всего мэйнского побережья. Промелькнул Бронзвик с его старым колледжем Bowdoin, и не менее старыми тенистыми вязами. Под ними некогда прогуливались Хоторн и Лонгфелло. Под ними Хэрриэт Бичер Стоу, бывшая замужем за профессором колледжа, написала свою знаменитую «Хижину дяди Тома».

Сентябрь 1940.

ТЫСЯЧА ОСТРОВОВ

„Ну, КАК вам ездилось? Как отдыхали?”
Отвечаю:
«Хорошо! Очень хорошо!»

Но в тоне нотка неуверенности: в самом ли деле хорошо?

Отдых я понимаю так: уйти от своего дела и от людей, с которыми постоянно работаешь; уйти от громад города, от его пыльных и шумных улиц; уйти в горы, в леса, к морю, к озерам, дышать чистым непропитанным газолином воздухом; уйти и совершенно забыть то, чем живешь круглый год, забыть и людей, и вещи; а главное, перестать думать о том, что было (и после отдыха опять будет) главным в твоей жизни, в твоей деятельности...

Вот это отдых! Настоящий отдых! И за такой отдых многое можно отдать.

Мы почти не заглядывали в газеты. Редко открывали радио в машине. Но мысли о войне нас не оставляли. Вести о грозных событиях, о кровавых битвах на русских землях носились в воздухе и доходили до нашего слуха и сознания.

То заголовок газетного листа на прилавке конфектного магазина напоминал о них, то случайно подслушанный разговор о войне в придорожном ресторанчике; то радио из открытого окна дома, громко передававшее последние сообщения с фронта. Всё это тревожило, портило настроение и заставляло невольно думать о том, о чем думать не хотелось. Всё это меша-

ло по-настоящему насладиться отдыхом и целиком отдаться наслаждению красотами природы.

Едем к Тысяче Островов, на реке Святого Лаврентия. Расстояние от Нью Иорка — 320 миль. Но мы едем, не торопясь, кружим, делаем частые остановки. Первая и продолжительная — в Вудстоке — деревушке художников. Это живописное место в отрогах Катскильских гор облюбовал когда-то художник Вудсток. От него и название деревушки, куда летом съезжаются живописцы и скульпторы, и все те, кого тянет к миру художественной богемы.

В Вудстоке есть картинная галерея, летний театр и хорошая библиотека. Там устраиваются выставки, доклады и собеседования на самые разнообразные темы.

*

Катскильские горы — самые близкие от Нью Иорка, всего 3-4 часа езды. Они очень красочны и приветливы, а окаймляющие их дороги делают петли и узоры. Некоторые вершины до сих пор дики, почти непроходимы. Там редко ступает нога человека; другие, а таких большинство, испещрены дорожками с табличками, показывающими путь до самого верха. Много лет назад я поднялся на одну из Катскильских вершин — Bell Air, но едва успел полюбоваться чудесным видом: надо было бежать от внезапно надвинувшейся грозы. Вернулся я в гостиницу весь промокший.

Главный недостаток Катскильских гор — скудость озер и изобилие дач и летних курортов.

Держим путь на северо-запад. Горы отступают в сторону и становятся туманными пятнами на горизонте.

Пересекаем долину реки Скохэри. Перед нами открывается безлесная равнина, уходящая на запад, к озеру Онтарио и к реке Святого Лаврентия...

Переезжаем по мосту через реку Мохок и миль тридцать едем вдоль ее левого берега. За Литл Фолс оставляем реку. Далеко направо от нас вырисовываются отроги Адирондаков. Налево — лежат большие города Ютика и Ром.

На ночь останавливаемся в кабинах, совершенно новых с прекрасным душем, с удобной постелью и всякой другой мебелью.

Интересное начинается лишь на следующий день. Приближаемся к озеру Онтарио, самому нижнему из Великих озер.

За поворотом дороги выглянуло озеро и спряталось. Потом выглянуло опять и опять, чтобы миль через двадцать, у мыса Винсента, наконец, показать себя во всей своей безбрежной красоте.

У мыса Винсента из озера выходит река Святого Лаврентия. Тут же, по самой середине реки, расположился большой остров Волка и несколько маленьких. Отсюда и дальше вниз по реке на протяжении миль 40 и разбросались в живописном беспорядке свыше 2.000 островов.

Много лет назад, на заре американской истории какой-то француз, впервые увидавший эти места, решил пересчитать острова и не досчитав, повидимому, до конца, сказал: «Тысяча островов». Так название и осталось.

Осмотреть острова лучше всего, если объехать их на моторной лодке или катере. Таких к услугам туристов большое число в Клэйтоне и Александрии Бэй, двух городках на американской стороне реки, живу-

щих за счет туристов и дачников-островитян. Из них Клэйтон проще, демократичнее. Александрия Бэй кичится своим богатым прошлым, от которого у нее остались большие отели с видом на реку и острова. Вид в самом деле прекрасный. Мы любовались им, когда впервые посетили эти места.

Тогда острова действительно были колонией миллионеров и даже миллиардеров. На них кипела жизнь. Моторные лодки днем и ночью бороздили воды реки между островами и берегом. А по вечерам огни в окнах роскошных вилл, причудливо отражались в темной синеве полноводной реки.

Теперь многие виллы перешли в руки богачей «второго» и даже «третьего» сорта, а другие стоят с заколоченными окнами и ждут покупателя, о чем недвусмысленно говорят вывески: For sale.

Что случилось? Красота реки и ее островов осталась прежняя. Прохлада этих мест не изменилась. Но мода на них в среде денежной аристократии, повидимому, прошла.

Больше половины островов, особенно на канадской стороне, необитаемы и сохранили свою первобытную красоту. Другие превращены в национальные доступные для всех парки. Тут всякий может разбить палатку, греться на солнышке, любоваться окружающей природой, купаться в реке, удить рыбу или кататься на лодке.

*

Когда миллионеры воздвигали свои виллы и дворцы, они строили не только для своего удобства, но и для того, чтобы как-нибудь перещеголять своего соседа, если не размерами здания, то причудливостью архитектуры.

Провзошел всех некий Болдт, не то нефтяник, не то ресторатор. Он задумал построить настоящий средневековый замок — с башнями, с террасами, с огромными колоннами, со статуями в саду... Рассказывают, что Болдт потратил три миллиона на возведение замка, но умерла его любимая жена и замок остался недостроенный и пустой.

Нашлись, однако предприимчивые люди. Они сняли замок и за плату показывают его подъезжающим на катерах и лодках туристам. Дело оказалось очень прибыльным, так как публика валом валит, чтобы посмотреть на голые стены замка и послушать рассказы гидов о миллионере-самодуре, который, как гласит легенда, не то до тла разорился, не то покончил самоубийством, не то окончил жизнь в сумасшедшем доме.

Большой интерес у туристов вызывает The 1000 Islands Bridge. Мост состоит из пяти перелетов, переброшенных с американского берега на острова и с островов на канадский берег. Общая длина его восемь миль. Мост построен так, что вполне сливается с окружающим пейзажем... Он очень красив, если смотреть на него с реки, а с него самого открывается чудесный вид на реку, на острова и на оба берега...

АДИРОНДАКИ

Жители Нью Иорка обычно въезжают в Адирондакские горы с юга, через Саратогу и Лэйк Джордж. Этим путем я когда-то два лета подряд проходил в этот чудесный край пешком. Этим же путем мы потом несколько раз проезжали на автомоболе. Теперь мы впервые собираемся перерезать Адирондаки с запада на восток.

Едем по малонаселенной, но плодородной и богатой минералами местности. Фермер здесь крепкий, за-

нимается больше производством молочных продуктов. Крупные города далеки, да и малые не близки. Самым населенным пунктом на нашем пути из Александрия Бэй — деревня Гувернер с населением в 5.000 человек.

Деревня расположена на железной дороге. Она — торговый и промышленный центр всего района. Имеет несколько фабрик и заводов. В 15 милях от нее начинается замечательный Адирондакский Парк.

День ясный; ни единого облачка; гор еще не видать: до них миль пятьдесят; да и как их увидишь, когда кругом сплошной лес. Это знаменитые North Woods — Северные леса.

Нас четверо в машине, но никто не говорит; ни восклицаний, ни замечаний; мы поддаемся очарованию молчаливого леса, тишину которого нарушает только однообразный шум мотора.

Дорога начинает заметно повышаться. Учащаются повороты и зигзаги. Вдруг лес расступился, убежал от дороги, перед нами длинный спуск; а поперек него темнозеленая громада; за ней другая; а там, куда ни посмотришь, еще и еще.

Горы танцуют; горы играют с нами в прятки; а дорога, как пьяница шатается из стороны в сторону. Поворот, спуск, и подъем; еще поворот; и каждый раз новая картина.

На нашем пути множество речек и озер. Малых озер и прудов бесконечное количество, а из больших интересны — Крэнбери; Тэппер с его многочисленными лесистыми островками и горой Маунт Моррис, возвышающейся на его южном берегу; Саранакские озера: Верхнее, Нижнее и Среднее и, наконец, красавец Плэ-

сид с его крохотным соседом — Мирор. А над озерами Плэсид и Мирор расположился знаменитый курорт Лэйк Плэсид.

Здесь летом и зимой собираются спортсмены для всевозможных состязаний на открытом воздухе или в великолепной арене. Здесь к их услугам большие отели, рестораны, магазины...

Курорт расположен на высоте в 2.000 футов над уровнем моря. А вокруг него горы — самые высокие в Адирондаках.

По горной дороге Wilmington Notch (ущелье) едем из Лэйк Плэсид к озеру Шэмплэйн. Дорогу мы выбрали случайно, потому что на карте она — ближайший путь к озеру. А оказалось, что мы попали в волшебный уголок. Ничего более красивого мы в Адирондаках не видели.

Дорога проложена вдоль горного хребта и на большой высоте. С одной стороны, над ней возвышается сплошная стена густо заросшая лесом (голых гор в Адирондаках нет) вершин, с другой, глубокий обрыв, который расширяется в живописную долину реки Осэйбл. А за долиной новая цепь гор — Сторожевой хребет (Centinel). Какое волшебство!

*

Адирондакский Штатный Парк очень велик. В него легко могут вместиться знаменитые национальные парки: Иосемити, Иелостоунский, Глэйшир и Грэнд Кэньон. Он занимает площадь в 7.200 квадратных миль — четыре миллиона акров!

Адирондаки — это сотни горных вершин, свыше 2.000 озер, множество рек и речек, огромные, тянущи-

еся на десятки миль леса и бесконечное количество дорог. Сколько раз надо побывать здесь, чтобы всё это увидеть и освоить!

Адирондак — индейское название. Когда-то край населяли индейцы племени Алгонквин. Потом пришли воинственные ирокезы и покорили себе страну. Алгонквины, загнанные завоевателями в леса, занимались охотой. В суровую зимнюю пору (морозы здесь часто доходят до 40 градусов ниже нуля по Фаренгейту) они нередко голодали и, чтобы утолить голод, питались древесной корой. Ирокезы, презиравшие алгонквинов, как гласит предание, и дали им кличку: «Адирондаки», то есть грызуны деревьев. Отсюда и название края.

За горной деревушкой Вилмингтон дорога спускается вниз. Мы проезжаем деревушки Джэй, Осэйбл Форкс, Кизвилл и Осэйбл Кэзм.

Третий раз мы переправляемся через Шэмплэйн и каждый раз переправа доставляет нам огромное наслаждение.

Пассажиры собираются на верхней и нижней палубах и любуются красотой озера и его берегов, за которыми вдаль уходят Адирондакские горы на нью-иоркской стороне, Зеленые горы Вермонта — на другой.

Озеро всегда прекрасно; и в спокойную солнечную погоду, и в бурные дни, когда его зеленые воды темнеют, волнуются и бегут подгоняемые ветром, вслед за убегающими над ними тучами.

Но особенно прекрасно озеро, если наблюдать его с вермонтского берега перед самым закатом солнца.

Какая палитра красок! Какое сочетание всевозможных оттенков! Какое незабываемое зрелище!

ПО ГОРАМ И ДОЛАМ НОВОЙ АНГЛИИ

Вермонт славится своими зелеными горами, своим гранитом, своим твердым, как его гранит, индивидуализмом, почти столь же крепким республиканизмом.

Свое название Вермонт получил от «отца Новой Франции», знаменитого исследователя Шамплэна, именем которого и названо 118-мильное озеро, отделяющее Вермонт от Нью Иорка. Название укрепилось, хотя короткое время штат был известен под именем «Новый Коннетикут».

Вермонтский гранит составляет одну из важных промышленностей штата. Высокого качества, он идет на постройку общественных зданий.

Вермонтцы чуть ли не первые подняли знамя восстания против английской короны. По крайней мере, захват вермонтцами форта Тайкондерога, на озере Шэмплэйн, был первым военным выступлением американских колонистов.

Вермонт первый же объявил себя независимым. Но, когда дело дошло до вступления вместе с другими колониями в общий северо-американский союз, вермонтцы заупрямились: они не для того воевали за свою независимость, чтобы потом подчиниться какой-то федеральной власти. Понадобились годы переговоров и уговоров, чтобы Вермонт, наконец, согласился вступить в Союз и прибавить свою звезду — четырнадцатую — к звездно-полосатому американскому флагу.

Событие это произошло 4 марта 1791 года. Однако, и поныне вермонтцы ведут постоянную борьбу с федеральной властью и ревниво отстаивают штатные права.

Вермонтцы гордятся также тем, что они были и остались республиканцами. Начиная с 1856 г., Вермонт неизменно голосует за эту партию. И даже в 1936 г., ког-

да Рузвельтовская волна буквально захлестнула всю страну, Вермонт вместе с Мэйном остались в республиканской колонке.

Во время второй мировой войны вермонтцы остались крепкими республиканцами, но горячо поддерживали внешнюю политику президента Рузвельта.

Нам об этом рассказывал, очень сдержанно и немногословно, вермонтский фермер, у которого мы остановились на ночлег.

Фермер этот — типичный вермонтец, спокойный, вдумчивый, несловоохотливый, но энергичный и находчивый.

Его земля лежит у самой дороги. Он это использовал, открыв маленькую лавченку и построив за своим домом две кабины. Они не обладали удобствами других кабин, но нам очень понравилось расположение над скалой, в стороне от дороги и с чудесным видом на окрестности.

Ночь выдалась лунная и холодная, было приятно сидеть на скале, любоваться необъятным небом и притихшей землей.

Недалеко от нашей остановки в десяти милях от главной дороги находится деревушка Москва, за которой начинается Смоглерс Нотч — дорога контрабандистов. Когда-то контрабандисты пользовались этим путем для провоза товаров в Канаду и обратно. Теперь эта дорога славится лишь тем, что с нее открывается живописный вид на десятки миль. Видны долины и горы, среди них самая высокая вершина Вермонта — гора Мэнсфилд.

Дальше наш путь лежал через хорошо знакомые места. Проезжаем маленькую, но красивую столицу штата — Монпелье, как ее назвали первые французские поселенцы. Монпильер, как ее называют американцы. Проносимся через ряд деревушек, в том числе Дэнвилл, которую я никогда не забуду: много лет назад во время моих странствований по этим местам пешком я чуть не замерз здесь в одну сентябрьскую ночь.

Опускаемся в долину, а в ней живописно расположился на холмах городок Сэйнт Джонсбэри.

*

За Сэйнт Джонсбэри показались вдали смутные очертания Белых гор — самых высоких на восточном побережьи.

Перед Лэнкестером небольшой мост, переброшенный через реку Коннетикут. Река — граница между Вермонтом и Нью Хэмпширом. Поворачиваем на север, потом на запад, потом опять на север. Совершенно незаметно переезжаем границу Мэйна.

По обеим сторонам дороги озера: Умбэгог, Азискус, Ричардсон, Муслукмэгонтик и Рэйнджли. Есть и другие, более мелкие. Все они известны под общим названием — Рэйнджли Лэйкс.

Озера Рэйнджли стали привлекать туристов сравнительно недавно. Этим и объясняется, что к ним ведут всего две дороги (одна плохая) и что ближайшая железно-дорожная станция находится милях в пятидесяти отсюда. Впрочем, за последнее время на озере Рэйнджли устроена база для пассажирских гидропланов. Особенной красотой эти места не отличаются. Но для рыболова и охотника здесь раздолье.

Из Рэйнджли мы выезжаем по удобной и очень красивой дороге. Едва выехали, и сразу погрузились в

леса. На нашем пути редкие поселки: десяток, другой домов, и опять леса. Потом дорога подымается выше. Леса отступают и открывают широкий провал. По обеим сторонам тянутся горные массивы, окаймленные зеленым бархатом сосен. Леса забираются до самой вершины гор и скрываются на противоположной стороне. Только редкие горы не покорились целиком лесу и блестят на солнце своими скалистыми лысинами.

Совершенно незаметно оставляем позади Голубые горы. А когда заметили, пожалели; захотелось вернуться и еще раз проехать этот путь, еще раз полюбоваться его красотами, еще раз подышать крепким и остро пахнущим воздухом северного Мэйна.

Но машина катит вперед. Мы опять в Нью Хэмпшире. Мы в том самом месте, где на небольшом расстоянии сгрудились Белые горы: один хребет за другим, одна гора за другой, и над всеми подымает свою главу знаменитая гора Вашингтона, над которой даже в июле разыгрываются иногда снежные бури. Гора привлекает множество туристов. Они подымаются на ее вершину, кто пешком, кто на машине, а кто в поезде по зубчатой железной дороге.

В субботний вечер подъезжаем к озеру Виннипесоки. И тут у нас впервые затруднение — нельзя достать кабину. Кругом их сотни, но все заняты. Случайно нам удалось снять две комнаты в туристском доме, и мы не пожалели о нашей неудаче. Дом оказался на тихой улице, весь в тени, комнаты большие и чистые, а молодые хозяева — на редкость приветливые.

Озеро Виннипесоки! Рано утром оно еще подернуто легкой дымкой тумана. Но и сквозь дымку видны очертания его берегов, насколько из-за деревьев их можно видеть; видны его островки; видны уходящие

вдаль горы. Озеро не даром считается одним из красивейших; на него любо смотреть.

Проезжаем вдоль его восточного берега на юг, к Конкорду, чтобы там перескочить на дорогу 202, по ней перекочевать в Массачусетс и по ней же блуждать по этому штату до Вестфилда, где мы оставляем ее, чтобы проехать в Ленокс и Стокбридж, а между ними лежит Тэнглвуд, славящийся летними симфоническими концертами.

*

От Вестфилда до Стокбриджа миль пятьдесят. Но какие это чудесные мили! Дорога проходит по одному из живописнейших уголков Массачусетса, через нарядные, в блеск разодетые холмы. Тут, что ни поворот, — картина, которой любуешься, не налюбуешься.

Очень понравились нам городки Стокбридж и Ленокс. Но, что восхитило и привело в умиление — это Тэнглвуд — старинное имение с вековыми, вытянувшимися вверх деревьями, с газонами, с обрывом и видом на озеро...

Здесь в летнее время дает свои концерты Бостонский симфонический оркестр. Здесь также школа, в которой готовят американских композиторов и музыкантов. Здесь закладывается фундамент будущей музыкальной Америки.

К сожалению, в этот день концерта не было. Но мы осмотрели навес, под которым помещается оркестр и три тысячи слушателей (остальные тысячи располагаются на скамьях, разбросанных по парку или просто на траве), осмотрели другие постройки.

Тэнглвуд произвел на нас глубокое впечатление. И было отрадно думать, что всё это создано по иници-

ативе и под руководством русского дирижера С. А. Кусевицкого. Америка приютила его и дала ему возможность продолжать свою культурно-музыкальную деятельность, и он использовал эту возможность ради самой Америки.

PLYMOUTH — CAPE COD

Горы давно оставлены позади. Незаметно пересекаем границу Нью Хэмпшира с Массачусетсом. Проезжаем через улицы фабричного города Лоренса. Ночь надвигается быстро. Пора и на отдых. Но останавливаться в душном Лоренсе не хочется, тем более, что до Бостона всего миль двадцать пять.

Вот и Бостон! Улицами-бульварами, вместе с сотнями других автомобилей, наша машина, как на гребне волны, несется в город. Шум кругом невообразимый. Гудят автомобильные рожки, стучит трамвай, скрежещут колеса воздушных поездов. А когда зеленый свет сменяется красным и наша машина вместе с другими останавливается, нас обдает нестерпимая жара. Нет, подальше отсюда!

Но выбраться из огромного и незнакомого города не так легко, особенно вечером, когда нельзя даже развернуть в машине карту и рассмотреть ее. Остановки и расспросы прохожих отнимают много времени и не всегда помогают. Кое-как выбираемся, наконец, из города. Ночевать мы остаемся в Квинси, одном из многочисленных предместий Бостона.

Квинси славится тем, что в нем родились, жили и умерли два президента — Джон Эдэмс и Джон Квинси Эдэмс. Для нас, однако, Квинси будет памятен по другой причине: мы провели в нем самую беспокойную ночь за все время нашего пути.

Хозяйка, добродушная ирландка, отвела нам «самые тихие» комнаты. Но разве это ее вина, что с одной стороны ее домика, всю ночь пробегают трамваи, грузовики и автомобили, а с другой — в Бостон и оттуда — с грохотом несутся поезда?..

*

Рано утром, раньше, чем все другие места, мы покидаем Квинси. Наш путь лежит на Cape Cod (Мыс трески).

Останавливаемся на час в городке Плимут. Он известен всем американским школьникам. В нем по преданию высадились первые американские переселенцы, т. н. пилигримы, прибывшие на знаменитом судне «Мэйфлауэр». Место высадки увековечено. Под особым навесом лежит небольшая, гладко отшлифованная «плимутская скала», на которой высечен год прибытия именитых ныне пассажиров — 1620-ый.

Историческая правда не совсем сходится с преданием. Пилигримы с «Мэйфлауэра» впервые вступили на американскую землю не в Плимуте, а в Провинстауне, на самом кончике Cape Cod. Они пробыли там больше месяца и только, не найдя подходящего места для поселения, переплыли залив и высадились в Плимуте.

Но легенды часто сильнее исторических фактов. И «плимутская скала» это подтверждает. К ней ежегодно, как на богомолье, съезжаются со всех концов страны тысячи «паломников». Всем хочется посмотреть на место, где было положено начало Соединенным Штатам Северной Америки.

Cape Cod больше не мыс, а длинный остров, так как от материка он отрезан теперь каналом. Через канал переброшены два великолепных широких

моста, ведущих к двум главным дорогам мыса. У Орлинса, где мыс суживается и сгибается косой, обе дороги сливаются в одну, которая идет до самого Провинстауна.

Стоит только переехать на мыс через любой из мостов, чтобы сразу заметить перемену: дюны из белого песка, местами обнаженные, местами покрытые жесткой травой, луга, топи, чахлые хвойные лесочки... Изредка попадаются небольшие городки или селения с типичными для мыса коттэджами. Все они деревянные и часто серого цвета. Более старые городки утопают в зелени и производят чарующее впечатление.

*

Наиболее прославленный Провинстаун нас, признаться, разочаровал. Художников в нем, правда, много, даже слишком много. Есть выставки и театр. Но главная улица узка и коттэджи так ее облепили, что приходится удивляться, как могут художники здесь жить и работать. Хорош в Провинстауне только океанский пляж.

Очень понравился нам летний курорт Chatham, в котором мы переночевали на обратном пути. Домики и церковки Чэтэма в живописном беспорядке разбросаны по холмам. Все они, даже большой отель на пляже, выдержаны в типичном для мыса архитектурном стиле, но их размеры и форма отличаются большим разнообразием. Общее впечатление — городок из какого-то сказочного царства...

Сентябрь. 1941.

СЕКТАНТЫ ЭЙМИШ

Свой очередной летний отдых я решил использовать так: побывать у сектантов Эймиш и посетить историческое поле битвы в Геттисбэрге. Эймиши живут в Лэнкестерском уезде, в Пеннсилвэйнии. Оттуда до Геттисбэрга миль шестьдесят.

Мой путь в эти места лежал через Нью Джерзи. Штат этот играл заметную роль в американской истории, свидетелями чего являются многочисленные памятники. Первые европейские поселенцы — голландцы и шведы — появились в Нью Джерзи в начале 16 века. В память о шведах остался город Свидсборо, о голландцах — Хобокен и ряд других городов.

В войне за независимость здесь произошли исторические битвы — Трентонская, Монмутская и Пристонская. Здесь Вашингтон совершил свои знаменитые переправы через реку Делавэр: первую, когда уходил от преследовавших его британских войск и вторую когда он неожиданно вернулся на Нью Джерзийскую сторону, бросился на англичан и под Трентоном нанес им сильное поражение. Эта переправа Вашингтона увековечена в многочисленных картинах художников.

Наконец, в Нью Джерзи Вашингтон написал свое знаменитое прощальное послание к войскам после заключения мира. Здесь же, в г. Миддлбрук, в июне 1777 года, впервые был поднят официально американский флаг.

Несколько лет назад всю страну облетело известие, что эймиши собираются покинуть Пеннсилвэйнию. Семь семейств этой секты действительно переселились в Мэрилэнд. Но все остальные эймиши, а их вместе с

детьми до 5.000 душ, остались на земле, облюбованной их предками еще в начале 17 века.

Эймиши — меннонитские староверы. В 1698 году меннонит Якоб Амен пришел к убеждению, что его единоверцы не соблюдают в достаточной строгости учение Менно Симона. Последователи Амена, отколовшиеся от меннонитской церкви, стали называться эймишами.

В Америке эймиши появились в 1709 году. Опытные земледельцы, они оценили плодородную почву лэнкестерского уезда и в 1717 году прочно осели в нем, основав ряд поселений вдоль красивой реки Конестога. Здесь они живут и поныне, как живали (и это почти буквально!) их деды и прадеды.

Первое, что поражает посетителя, это хорошо обработанные поля, прекрасные сады, большие амбары и двухэтажные из красного кирпича дома; второе — странный вид людей на полях.

Эймиши во всем придерживаются старины — в своей одежде, в своем образе жизни, в религиозных обрядах.

Их черные брюки с пуговицами по бокам, поддерживаемые черными подтяжками, черный камзол, застегивающийся на крючках, поверх черной или синей рубашки и круглая, опять-таки черная, широкополая шляпа производят впечатление маскарада. Но двести пятьдесят лет назад так одевались простые люди в немецких кантонах Швейцарии и в Рейнской области, откуда предки эймишей прибыли в Америку.

В воскресные и праздничные дни эймиши надевают белые рубахи и черные узкие галстухи. Они никогда не носят поясов, светтеров, цветных галстухов или других украшений. Часы разрешаются только никелевые или серебряные.

Одежду эймишанки составляет длинное черного или синего цвета платье с длинными рукавами. Оно в складках и застегивается на крючках. Черные нитяные чулки и высокие на низких каблуках ботинки с шнурками дополняют костюм. Взрослая женщина, ставшая полноправным членом общины, носит на голове белый чепец. Отправляясь в город, она надевает черную шляпку, несколько напоминающую по форме русский кокошник.

Одежда детей ничем не отличается от одежды их родителей.

Живут эймиши, как одеваются, — просто. Их дома содержатся в большой чистоте. Но в них нет ни картин, ни музыкальных инструментов, ни телефонов, ни звонков, ни электричества. Вся мебель деревянная и без обивки. Шкафы — большая редкость. Кухня просторна и в ней семья проводит большую часть времени. В одном углу кухни стоит большая железная печь, отапливаемая дровами, по середине — круглый стол, скамья и стулья. Зимой кухня — единственная в доме теплая комната. Освещение в домах — керосиновое.

Эймиши пристрастны к синему цвету. В этот цвет часто выкрашена изгородь, ставни, двери и почти обязательно калитка. По синей калитке можно безошибочно узнать дом эймиша.

Эймиши глубоко религиозны. Их духовенство выбирается по жребию и не получает вознаграждения. Службы отправляются большею частью в молитвенных домах. Молящиеся сидят на длинных скамьях. Богослужение производится на немецком языке, хотя родным языком эймишей теперь является английский с примесью немецких слов.

Рождество и Пасху эймиши празднуют два дня. Свадьбы совершаются в ноябре и декабре, после уборки урожая.

Эймиши охотно помогают друг другу. Они не признают страхования жизни или от огня. Сгорит дом эймиша, и его единоверцы помогают ему построить новый. Эймиши никогда не обращаются за помощью к уездным, штатным или федеральным властям. Не обращались они и в годы депрессии.

Эймиши часто посещают окрестные города, особенно Лэнкестер с его ежегодной ярмаркой. Но и там они держатся обособленно и не заглядывают ни в кино, ни в танцульки.

Как убежденные противники войны, эймиши освобождены от воинской повинности. Они не участвовали ни в одной из войн Соединенных Штатов.

Так живут эти несколько тысяч людей своей обособленной жизнью и, не побывав у них, трудно поверить, что такая жизнь возможна в современной Америке и всего в 150 милях от Таймз Сквера.

ГЕТТИСБЭРГ

В середине 19 века произошло событие, оказавшее огромное влияние на исторические судьбы Соединенных Штатов. Это — война за освобождение негров или, как правильно ее называют американские историки, гражданская война между Севером и Югом.

Война надвигалась в течение ряда лет, хотя большинство американцев даже перед началом военных действий не верило в ее возможность. Зато, когда она нагрянула, то дала взрыв огромной силы, стоивший молодой стране потоков крови: от восьмисот тысяч до миллиона бойцов пали на полях брани или

умерли от ран и болезней, до восьми миллиардов было истрачено на междоусобицу, не считая пенсий, выплачиваемых еще и поныне.

Основная причина войны кроется в разном историческом развитии Севера и Юга. В 1790 году обе половины страны были почти равны и по размерам, и по своему экономическому положению, и по населенности.

Через 70 лет картина резко изменилась. Южные рабовладельческие штаты застыли в своем экономическом развитии и значительно отстали от севера по населенности. К 1860 году южные штаты имели двенадцать миллионов жителей, но из них четыре миллиона были рабами. Северные штаты насчитывали 19 миллионов свободных и предприимчивых граждан.

В 1790 году представительство южных штатов в Конгрессе было равно представительству северных и в федеральном правительстве южане занимали даже господствующее положение. Но так как штаты представлены в Палате Представителей пропорционально населению, то северные штаты с течением времени получили в ней большинство.

Южане пытались разными искусственными мерами сохранить за собой равную с севером политическую власть. Они, например, добились представительства для большинства своих рабов. Негры, конечно, не голосовали и даже не считались гражданами, но «черные округа» были представлены в Конгрессе кучкой рабовладельцев. Они также требовали, чтобы вместе с каждым свободным от рабства штатом в Союз принимался и один рабовладельческий штат. Но западные территории заселялись преимущественно северянами — противниками рабства, и те настаивали на принятии их в Союз на правах свободных от рабства штатов.

В 1850 году свободные штаты уже имели в Конгрессе 36 сенаторов и 147 конгрессменов, рабовладельческие — только 30 сенаторов и 90 конгрессменов. С каждым включением в Союз нового западного штата, политическое значение Севера возрастало, а Юга — всё уменьшалось.

Пока это было возможно, южане цепко держались за власть и свои привиллегии. Когда их положение пошатнулось, они решили выйти из Союза. Они добровольно вошли в Союз, они могут по собственному желанию оставить его.

Победа на выборах 1860 года Линкольна, убежденного противника рабства, явилась для южан той каплей, которая переполнила чашу. Линкольн был избран в ноябре, а в декабре Саут Кэролайна заявила о своем выходе из Союза. В январе за ней последовали Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия и Луизиана. Техас отделился в феврале. Позже, уже после начала военных действий, к этим семи штатам присоединились Вирджиния, Норт Кэролайна, Аркэнсо и Теннесси. Четыре рабовладельческих штата — Делавэр, Мэрилэнд, Кентокки и Мизури — остались в Союзе.

Отколовшиеся штаты создали конфедерацию со столицей в Ричмонде, утвердили собственную конституцию и избрали президентом Джефферсона Дэйвиса.

Война между Севером и Югом началась в апреле 1861 года и длилась четыре года. В течение первых двух лет перевес был на стороне южан. Поворот в ходе войны наметился в Геттисбэрге, где произошла самая кровопролитная в этой войне битва.

В июне 1863 года Роберт И. Ли, по мнению некоторых, лучший полководец этой войны, решил перенести борьбу в северные штаты, и во главе, окры-

ленного успехами, 75.000-ного войска перешел реку Потомэк, вторгся в Мэрилэнд, а оттуда в Пеннсилвэйнию с целью овладеть столицей этого штата — Хэррисбэргом. Удача этого маневра Ли поставила бы под угрозу Балтимору, Филадельфию и Вашингтон.

Северяне учли опасность и двинули против Ли собственную армию в 82.000 бойцов под начальством Хукера, которого вскоре сменил генерал Мид. Кровавая встреча обеих армий стала неизбежной, и она произошла в Геттисбэрге.

*

Пасмурное утро. Я стою на холме, за обладание которым 78 лет назад кровь лилась рекой, и оглядываю историческое поле сражения. «И вот нашли большое поле, есть разгуляться где на воле». Да, между Геттисбэргом и Бородино можно найти много общего. Обе битвы были необычайно кровопролитные и окончились в ничью, но оказали большое влияние на дальнейший ход войны. Только здесь бой шел не с чужеземным завоевателем, а между родными братьями, несумевшими или незахотевшими найти мирный путь для разрешения своего спора.

Гражданская война давно окончилась, но Геттисберг не забыт. Знаменитая битва и не менее знаменитая Геттисбэргская речь Линкольна сделали это место национальной святыней, которую ежегодно посещают десятки тысяч туристов.

Большая часть Геттисбэргского поля битвы превращена в Национальный Парк. Сотни памятников и табличек напоминают о наиболее ярких моментах битвы и их участниках. Пять стальных вышек дают возможность осмотреть поле со всех сторон.

Рядом с парком, у самого его входа — музей, в котором собраны вещи, найденные после боя: ружья и

пистолеты, сабли, части одежды и обуви, колеса повозок, куски дерева с пулями, книги с высохшими пятнами крови...

В смежной комнате — модель поля битвы, на которой с помощью красных и синих лампочек показывают весь ход сражения. Лампочки зажигаются и тушатся в соответствии с объяснением, которое записано на грамофонной пластинке.

Против музея — кладбище, где похоронены павшие в бою северяне. На этом кладбище Линкольн произнес свою историческую речь. На месте, где стоял великий президент — памятник. Его речь, поэтическая прелесть которой непереводима, вырезана на медной доске.

Геттисбэрг тщательно хранит память о Линкольне и о самой битве. В двухсотлетней церкви показывают место, где сидел Линкольн в утро перед произнесением речи. Геттисбэрг был в центре сражения. Его сперва занимали северяне, потом им овладели южане. Бой происходил на улицах городка, и многие дома до сих пор сохранили в своих стенах исторические пули.

*

Два дня подряд я осматривал Геттисбэргское поле битвы.

Свыше пятисот памятников и табличек отмечают важнейшие моменты боя и его участников.

В первые два дня битвы южане теснили северян, положение которых становилось критическим. На третий день Ли, сосредоточив на одном небольшом участке 140 орудий против 75 орудий северян, открыл ураганный огонь против позиций противника, которые он решил взять штурмом.

Овладение этими позициями дало бы Ли полную победу. Но южане натолкнулись на такое жестокое сопротивление, что вынуждены были отступить с тяжелыми потерями.

Ли оставил поле битвы, потеряв 30.000 убитыми и ранеными. Северяне потеряли 23.000 человек. Мид пошел по пятам Ли, но действовал нерешительно и дал врагу уйти на юг. Это несомненно продлило войну, но исход ее был решен, и поражение Юга стало только вопросом времени.

Теперь мир царит в красивой, изрезанной холмами и рощами долине, мир и тишина только изредка прерываемая шумом автомобильного рожка или отдаленными криками детей.

Сентябрь, 1943 г.

На Западе

ПРЕРИИ И ПУСТЫНИ

КАКАЯ разительная во всем перемена: в красках, в климате, в растительности, в контурах местности и даже в людях — американцы, но совсем другие, рослые, крепко слаженные, с медлительными движениями и спокойной речью часто пересыпанной непривычными для нашего уха выражениями. Много ковбоев. Их легко узнать по особой походке и по одежде: красные, невысокие сапоги, иногда со шпорами, широкополые серые шляпы и цветной платок вокруг шеи. Узнаем: в Шайене, главном городе Вайоминга, был съезд ковбоев с неизбежным родео, теперь они разъезжаются по своим местам.

Куда не кинешь взор — необъятные просторы; а за ними синие линии гор, уходящие в воздух и сливающиеся с необычайной синевой неба. Горы те с разными названиями, но туземцы объединяют их под одним — Испанские высоты. Название не случайное — испанские конквистадоры и иезуиты были первыми исследователями американского юго-запада. Конквистадоры искали здесь легендарные семь городов Сайболы с их устланными золотом улицами; иезуиты пытались обратить индейцев в католичество. И те, и другие ушли из негостеприимного края, прозвав его arid sona — безводная зона. Отсюда и название Аризона. Но еще сто лет назад здесь была Мексика. Теперь она лежит по ту сторону Испанских высот.

Нет, каков переход: от насквозь пропитанного летней духотой Нью Иорка к сухой и приятной жаре высокого плоскогорья с его чудесным Каибабским ле-

сом, от мощных небоскребов великого города к фантастическим «храмам», «крепостям» и причудливым фигурам, безмолвным свидетелям творческих изощрений природы.

Так вот каков он — этот край каньонов и пустынь!

*

Три дня и три ночи мы мчались сперва на запад, потом на юг. Выйдя из туннеля под Гудзоном, поезд сразу заторопился и начал глотать мили. Ночью петлил по горам Пеннсилвэйнии. Отдыхал в дымном Питтсбурге. Потом, как бы набравшись сил, бросился на перерез через Охайо и Индиану к Чикаго.

На чикагском вокзале нам сказали:

— У вас четыре часа времени; если не хотите ждать в вагоне, оставьте свои вещи и идите гулять, вагон свой найдете на таком-то вокзале и таком-то пути.

Гулять было трудно: город ветров в наш приезд не оправдал своего названия, — никакого движения воздуха и духота почище, пожалуй, нашей ньюиоркской. Только на прекрасной набережной Мишиганского озера повеяло приятной свежестью. Медленно двигались в безбрежную даль парусные лодки. Их обгоняли, скользя по поверхности озера, шумные моторные яхты. На горизонте дымил пароход.

Западнее Чикаго, у Клинтона, мы пересекли реку Миссисипи. Незаметно пробежали через Айову. Зато целый день носились по прериям Небраски.

Так вот они — эти прославленные прерии! Я столько мечтал о них в дни ранней юности, начитавшись Майн Рида и Фенимора Купера. Даже тогда я знал, что прерии — это степь. Но русская степь и американские прерии или южно-американские пампасы — не одно и

то же. По майнридовским прериям носились стада буйволов: я отчетливо слышал их громоподобный топот. Через прерии тянулись длинной лентой крытые фургоны белых переселенцев и искателей приключений, направлявшихся в пустынные края юго-запада, где гонимые мормоны нашли свою обетованную землю, в Орегон с его плодородными полями, в Калифорнию с ее золотоносными россыпями... По прериям бродили племена краснокожих. Они часто устраивали засады белым. Происходили кровавые стычки, похищения и чудесные спасения.

Мальчик страстно мечтал о прериях. Он видел себя отважным мстителем охотникам за скальпами. Он заключал договоры с дружественными индейцами и курил с ними трубку мира. Мечты толкнули на «бегство» в Америку, бесславно прерванное на станции Черный Остров, недалеко от тогдашней австрийской границы.

В Америку я попал гораздо позже, а прерии впервые увидел в эту поездку.

*

Как всё здесь изменилось! Буйволы почти истреблены, и остатки их находятся в особых заповедниках. Индейцы мирно живут на своих резервациях. В минувшую войну многие из них отважно сражались в рядах американской армии. Крытые фургоны можно увидеть лишь в западных музеях — их давно заменили железные дороги и автомобили.

Изменилось и лицо прерий. По ним прошел плуг и там, где раньше росла лишь жесткая трава, теперь тянутся бесконечные пшеничные и маисовые поля. Вместо буйволов, пасутся стада коров и лошадей. Однообразие пейзажа несколько скрашивают белые фер-

мерские домики с обычно красными амбарами и другими постройками, прячущимися в тени нескольких десятков деревьев.

Прерии не знали иной растительности, кроме травы. Каждое деревцо в них посажено человеком. Трава жесткая и цепкая, удерживала почву на месте, пока не пришел человек со своим плугом. По прериям вечно гуляют ветры. В засушливые годы они подымают взрыхленную плугом почву и уносят ее на далекие расстояния, оставляя земледельцу голое место. Так создаются знаменитые пылевые тучи. Фермер защищается от них деревьями.

После последней великой засухи правительство пришло на помощь фермеру. По прериям были рассажены пареллельные пояса деревьев. Их задача — ослабить силу ветров и помешать уносу почвы. Выполнят ли деревья свое заданье, покажет будущее. Но зеленые пояса приятны для глаза, уставшего от утомительного однообразия.

*

В западной Небраске начинаются отроги Скалистых гор. Отвесно подымаются голые скалы. Меж ними ущелья. Всюду песок, сланцы и камень. Кое-где хилая трава. Это «плохие земли», пустыня. Она переходит в Вайоминг и охватывает обширные пространства в Юта, Аризоне и Неваде. Пустынных, безводных и каменистых земель очень много на американском западе и юго-западе. Но человек ведет неустанную борьбу с пустыней и побеждает ее. Мы видели много тому свидетельств.

Надо, однако, надеяться, что человек не захочет и не посмеет посягнуть на одну из пустынь — The Painted Desert с ее глубокой древности окаменелым лесом и индейскими поселениями. Нам не довелось побы-

вать в Крашенной пустыне. Но мы видели ее издали с большой возвышенности. Пустыня раскинулась перед нами чудесным ковром и сверкала на солнце ярким разнообразием своих красок.

По рассказам туристов, пустыня вблизи еще прекраснее. Ее цвета — красный, белый, коричневый, синий, желтый и пурпуровый — не оптический обман. Они настоящие и созданы песчаниками и глинами, покрывающими ее поверхность.

МОРМОНЫ

Солт Лэйк Сити — столица штата Юта и одновременно главный центр мормонов. Сто лет назад здесь была дикая пустыня. Трудами мормонов пустыня превращена в плодородные поля, а на берегу Соляного озера мормоны создали город, который является финансовым, промышленным и культурным центром всего юго-запада. Секта мормонов или «святых последних дней мира» зародилась, как известно, в тридцатых годах прошлого столетия в верхнем Нью Иорке. Основатель секты и ее первый пророк Джозеф Смит вырыл из земли в указанном ангелом месте «священные золотые скрижали» с письменами, автором которых был древний пророк Мормон. Смит перевел письмена на английский язык. Так получилась «книга Мормона», ставшая библией последователей Смита.

Из Нью Иорка секта переселилась в Охайо, затем в Мизури и, наконец, в Иллиной. Повсюду ее приверженцы наталкивались на неприязнь населения, и даже преследования. Последние приняли острую форму, когда Смит «по велению Бога» ввел среди своих приверженцев многоженство и сам взял себе несколько жен. В последовавших кровавых беспорядках — Смит был убит. События привели к расколу среди мормонов.

Часть из них отказалась признать руководство Бригэма Ионга, преемника Смита, отвергла многоженство и образовала независимую мормонскую общину с главным центром в Индипенденс, Мизури. Главами общины неизменно избираются потомки Джозефа Смита.

Большинство мормонов, однако, осталось верно Бригэму Ионгу, человеку с сильной волей и большими организаторскими способностями.

Ионг объявил многоженство основным законом и сам имел девятнадцать жен. Чтобы раз навсегда избавить мормонов от преследований, он решил переселить их в неведомые пустынные земли запада. Переселение началось в зимнюю стужу и сопровождалось невероятными лишениями. Мормоны двигались отдельными караванами. Они везли с собой провизии на год, семена и земледельческие орудия; шли по бескрайним прериям и пустыням. По опасным и неисследованным тропам мормоны перевалили через Скалистые горы и очутились в долине нынешнего Солт Лэйк Сити.

В Юта и сейчас еще есть пространства в десятки тысяч квадратных миль без человеческого жилья и даже без самых примитивных дорог. Легко себе представить, каким был этот край, когда сюда пришли мормоны.

*

Американский юго-запад в то время официально принадлежал Мексике, но фактически был «ничьим». Поэтому мормоны могли здесь беспрепятственно селиться, основать свой город и другие поселения. В начале у мормонов происходили столкновения с воинственным индейским племенем Юта. Но Бригэм Ионг заявил: «лучше кормить индейцев, чем сражаться с ними». Эта мудрая политика оправдала себя: красноко-

жие вскоре привыкли к своим белым соседям и стали дружить с ними.

По мирному договору 1848 года Мексика уступила Соединенным Штатам все земли к северу от Рио Гранде. Ионг этим воспользовался. Он образовал временное правительство штата Дезерет и стал добиваться принятия нового штата в Союз.

Федеральное правительство не замедлило объявить край территорией под названием Юта и назначило Ионга губернатором. Территория оказалась самой образцовой в истории Соединенных Штатов. Тем не менее, все домогательства Ионга добиться штатных прав разбивались об одно препятствие — многоженство. Юта стал штатом лишь в 1895 году, когда мормонская церковь официально отменила многоженство. Ни для кого, однако, не секрет, что многоженство среди мормонов существует и поныне, хотя широкого распространения оно не имеет.

В Юта мормоны составляют три четверти населения. Их очень много в Айдахо (почти половина населения), в Неваде и Вайоминге (пятая часть). Не мало также мормонов в Аризоне и Нью Мексико. Но больше всего их в Солт Лэйк Сити.

Мормоны очень гордятся своей столицей и неизменно подчеркивают, что она построена по плану самого Бригэма Ионга. Город расположен на реке Иордань и почти со всех сторон окружен высокими горами. Улицы его широкие, скучно-прямые — на один лад. Дома смесь всех архитектур — крепкой стройки, но неуютного вида. Над городом эффектно возвышается Капитолий, возведенный на холме, почти у подножья гор.

В Солт Лэйк Сити есть все, что полагается иметь преуспевающему городу и даже больше — несколько

железнодорожных станций, аэропорт, университет, колледж, прекрасный драматический театр, парки. Много отелей, банков, страховых обществ и магазинов. Один или два отеля могут сравниться с лучшими в Нью Иорке. Универсальный магазин Маркова явился бы украшением и на Пятом авеню.

*

Настоящими достопримечательностями Солт Лэйк Сити считаются храм мормонов и Соляное озеро в нескольких милях от города.

Храм и его пристройки занимают огромный квартал, обведенный высокой гранитной стеной большой толщины. Из такого же серого гранита построены храм и все остальные здания. Стены храма толщиной в шесть футов. На самом высоком шпице (их шесть) возвышается медная статуя мормонского ангела Морони.

В центре храмовой площади находится низкое здание вида раковины — это скиния, вмещающая десять тысяч человек. В ней ежедневно даются свободные для всех концерты на огромном органе. Другие здания: зал для собраний на 2.500 человек, музей и при нем бюро для справок.

Все это очень внушительно, но безвкусно; нет в этих зданиях ни красоты, ни устремленности в высь, ничего такого, что восхищает иногда в маленьких церковках Новой Англии, ничего, что способствует молитвенному настроению.

Доступ в самый храм открыт только для мормонов. Остальные здания свободны для всех, и вам даже дают гида для их осмотра. С гидами или без них туристы бродят по тенистым усаженным деревьями и цветами аллеям, останавливаются перед статуями пророка Джо-

зефа Смита и его ближайших апостолов, слушают органную музыку в скинии, славящейся своей акустикой, или рассматривают достопримечательности музея.

На храмовой площади, у самой стены, мы увидели под навесом первое жилище, построенное мормонами в штате Юта ровно сто лет назад. Это крохотный бревенчатый домик в одну комнату с узкой дверью, небольшим окошком и незатейливым камином. В таких кабинах годами жили первые поселенцы, в них они укрывались от ветров, снежных заносов и морозов, очень сильных в Юта; в них им приходилось иногда отбиваться от краснокожих.

Позже в другом месте, мы осмотрели другую кабину, постороенную в пустыне, когда кругом на сотни миль не было другого жилья белого человека. В этой кабине последовательно жило шесть семейств и в ней родились две дюжины детей. Так жили когда-то американские пионеры.

Соляное озеро замечательно лишь своей величиной и своей насыщенностью солью (20 процентов), благодаря чему в нем нельзя утонуть. Оно также свидетельствует о том, что некогда весь этот край был дном моря.

ЛЕСА И ГОРЫ

Многие названия улиц и кварталов Нью Иорка давно потеряли свой первоначальный смысл. Обставленная ювелирными магазинами и высокими зданиями, Мэйден Лэйн ничем не напоминает тропы, по которой когда-то прогуливались нью иоркские девушки. Запахи грязной, уставленной ларьками Орчард стрит, на Ист Сайде, ничего общего не имеют с ароматом садов. И даже самое сильное воображение не превратит Гренич Виллэдж в деревню.

На юго-западе не так, Здесь все молодо. Здесь названия вполне еще себя оправдывают. Так, Сидер Сити, мормонский городок в Юта, не напрасно назван городом кедров. Их здесь очень много. Городок вообще утопает в зелени. Его улицы-аллеи одним концом упираются в желтовато-белые холмы, другим — они смотрят в пустыню. Каждая пядь земли города-сада отвоевана у пустыни.

Сидер Сити на редкость благоустроенный городок: мормоны очень заботятся о своих городах и поселках. Сидер Сити обслуживает большой район в несколько сот миль в окружности и в его окрестностях издавна добывается железная руда. Не малую статью дохода городка составляют туристы. Сидер Сити служит вратами в каньоны Юта и Аризоны. Здесь кончается железнодорожная ветка Юнион Пасифик. Отсюда туристы едут дальше в автобусах или автомобилях. Сюда они возвращаются после поездки.

Но Юнион Пасифик туристов не покидает и на всем остальном пути. Автобусы — собственность железной дороги. Ей же принадлежит лучший отель в Сидер Сити, все лоджи (отели), рестораны и кабины в каньонах, равно как многие попутные газолиновые станции, гаражи и мастерские. Таким образом, даже туристы в собственных машинах платят дань Юнион Пасифику и его многочисленным филиалам.

Хорошо, что федеральные власти своевременно объявили каньоны и прилегающие к ним леса и горы национальными парками и памятниками. Иначе и они очутились бы в стальных лапах железнодорожного гиганта.

Справедливо, однако, признать, что Юнион Пасифик много сделал для развития края и для привлечения сюда как туристов, так и постоянных поселенцев. Отно-

шение к туристам самое внимательное. За сравнительно умеренную плату турист получает удобные кабины, обильную и свежую пищу: мясные блюда два или три раза в день, развлечения, а главное, в любое время полную свободу и покой.

*

Путь к каньонам идет вперемежку через леса, пустыни и горы. В пустыне дорога прямая и вся впереди вас. Автобус мчится по ней навстречу ветру, врывающемуся в окна с такой силой, что перехватывает дух: буквально дышать нечем. Приходится закрывать окна.

Пустыни не все одинаковы. В этой всюду камень и красный песок. Даже дорога местами покрыта налетом красной пыли. Изредка на гладкой поверхности выскакивают горбинками желтые и красные бугры. Над нами лазуревое небо без единого облачка. Вдали подымаются горы; верхи срезаны дымкой тумана.

Пустыня кончилась. Автобус идет в гору; гнут спины желтые горбины. Огибаем их. Скоро начинается лес. Здесь это часто — горы убегают вверх, или скатываются вниз в ущелье, а вслед за ними, тоже вверх и вниз идут леса. Они воюют с камнями и одолевают их. Деревья часто появляются в самых неожиданных местах. Вот совершенно голый, желтый утес, а сбоку, на отвесной стороне — одинокое дерево, искривленный ствол которого свидетель жестокой борьбы дерева за жизнь. Позже, в каньоне Брайса, мне довелось увидеть сосну, пустившую корни в узком проходе между двумя высокими стенами розового цвета.

Вначале лес разочаровывает, некрасивые низкорослые ели и при том очень редкие. Но скоро картина меняется. Лес заметно растет и обступает нас со всех

сторон. Дорога огибает дугу вокруг зеленой вершины. Гигантские сосны уходят в непроглядную гущу, а меж ними и всегда группами, серые стволы тонких трепещущих при малейшем дуновении ветерка — осин; они прекрасны в своем осеннем наряде, ярко желтом и кроваво-красном.

На повороте машина вдруг резко останавливается и шофер показывает рукой: лани. Застигнутые врасплох автобусом животные быстро перебегают дорогу; потому останавливаются и, повернув головы, внимательно нас осматривают. Шум заводимого мотора пугает ланей, грациозными прыжками они спасаются в зеленую чащу.

Таким показался нам впервые чудесный Каибабский лес.

«Каибабитс» — название индейское: «Улегшаяся гора». Так краснокожие пайюты метко назвали обширное плоскогорье высотой в восемь, десять, а то и больше тысяч футов над уровнем моря. Плоскогорие почти сплошь покрыто лесом.

Теодор Рузвельт, страстный охотник, посетил эти места и был восхищен их дикой красотой. В его президенстство лес был объявлен национальной собственностью. Но до сих пор Каибабский лес широкой публике почти неизвестен и не мало в нем мест, где не ступала еще нога белого человека. Объясняется это отдаленностью края от железных дорог и автострад, пересекающих страну от океана до океана. Каибабский лес прилегает к северной стороне Великого Каньона. Он идет по краям побочных каньонов и местами спускается по крутым обрывам до самого дна.

*

Уходят леса, в которых живут лев и кайот, лань и серая белка с пушистым белым хвостом; вот долина,

а на ней стадо буйволов. Животных привезли из прерий в Каибабский лес и отпустили на волю. Суровый горный климат оказался для них мало привлекательным, и они ушли в долину, где мирно пасутся уже несколько лет.

За долиной опять встают горы. Едем, нет, тащимся медленно вверх; дорога лентой охватывает горбатую вершину, машина упрямо ползет все выше и выше; останавливаемся, чтобы дать проехать встречному грузовику с лесом; смотрю — мы на самом краю обрыва; нет, ночью тут не проедешь...

Не сумел или не захотел человек перевалить через вершину — он ее продырявил. Въезжаем в длинный туннель; в нем прорублены четыре широких просвета; через них открывается вид на красно-белые утесы Сионского каньона. Автобус останавливается, и мы любуемся волшебной панорамой.

За туннелем начинается спуск. Дорога делает зигзаги и петли. Но автобус уверенно катится вниз. Неожиданно влетаем в полукруглое ущелье — мы на дне Сионского каньона — Zion Canyon.

КАНЬОНЫ

Не стану описывать все виденные нами каньоны, знаменитые ущелья Юта и Аризоны. Сионский каньон восхитителен, его долина создает впечатление уюта и мира. Брайс удивляет своей скульптурой и красочностью. Величественен и суров провал Сидер Брэйкс. Хорош Красный Каньон, служащий преддверьем к Брайсу. Но право не стоило бы ехать в такую даль их осматривать, не будь по соседству первозданного, нигде в мире не повторимого чуда, называемого Грэнд Кэньон.

*

Кто-то сказал «мудрость течет из раскрытых страниц». Великая бездна мудрой книги подобна: разверз-

лась земля и раскрыла свои древние утаенные пласты; мощь гранитов чудовищно выперта из бездны; стоят исполины самой фантастической формы: храмы, башни, террасы, крепости, многоэтажные дома... Мне самому почудился вдали огромный самовар. Я указал на него жене. Сидевшая неподалеку американка, услышала это, взглянула и ахнула:

— Да, настоящий самовар!

Американка из Калифорнии и живет по соседству с русскими; у них она пила чай из самовара.

Веки веков солнце, дожди и ветры шлифовали гранитные громады каньона. Но главным создателем великой бездны, главным строителем всех этих цветных гигантов была река Колорадо, «самая опасная в мире», она и ее многочисленные притоки.

Как это случилось? Как могла река прорыть такую пропасть, вернее, целый лабиринт глубоких ущелий, занимающих площадь окружностью в 618 миль?

Объяснение этому находим у геологов. Много миллионов лет назад здесь была низменность и по ней протекал ручей. Медленно, еле заметно подземные силы начали подымать поверхность. Ручей в ответ углублял свое русло. Чем выше выпирало плоскогорье, тем глубже в него зарывался ручей, успевший превратиться в мятежную реку. Мягкие пласты река размывала и уносила с собой в Калифорнийский залив. Твердые она неустанно шлифовала, придавая им самые причудливые формы. Когда вулканические обвалы запирали русло реки, она обходила их, продолжая свой бешеный бег к океану. Так река Колорадо и ее притоки испещрили огромное пространство и создали великую бездну.

Теперь Колорадо протекает через Каньон на глубине одной мили и видеть ее с поверхности можно толь-

ко в одном месте — у Имперского пункта. Там река представляется глазу узенькой, серебряной ленточкой с застывшей поверхностью. Трудно даже поверить, что это и есть река Колорадо, каждые сутки уносящая в своих водах миллионы тонн размытых ею пластов.

*

По расписанию туристы проводят у Великого Каньона два дня. Этого слишком мало. Мы оставались там десять дней. Мы видели Каньон в полдень, утром и вечером, на рассвете и после заката солнца; видели в ясную погоду, когда воздух был прозрачен и открывал бесконечные дали; нам посчастливилось увидеть Каньон в грозу ночью, когда молния поджигала небо и бросала снопы света в бездну; наконец перед самым отъездом мы наблюдали ураган — предвестник надвигавшихся холодов; гнули свои верхушки столетние хвои, попрятались звери, птицы и люди, но бездна молчала — ей все нипочем.

Много услышали мы рассказов о Великом Каньоне вплоть до шутки, что вырыл его скупой шотландец в поисках потерянной монеты.

Мы знали, что в одном из каньонов живет индейское племя хавасупаи. Веками племя было отрезано от всего мира и имело редкие сношения с нагорным племенем хопи.

В 1776 году в каньон спустился иезуитский миссионер Гарцес. Он пытался обратить хавасупаев в христианство, рассказал им о грехах и преступлениях, об аде и рае. Хавасупаи слушали его с недоумением. Они всегда вели мирный образ жизни и понятия не имели об ужасах, описанных иезуитом. Индейцы решили: белый человек не в своем уме.

Теперь Хавасупаи имеют в каньоне школу, церковь и даже почтовое отделение. Но они остались теми же мирными и простыми детьми каньона. Мы узнали о многом другом; об отважных людях, неоднократно пытавшихся пробраться через каньон по реке Колорадо; многие погибли; единицы побеждали реку и пополняли наши знания о бездне.

И все-таки, мы уехали с чувством неудовлетворенности: Великий Каньон не раскрыл перед нами всех своих тайн. Впрочем, такое же чувство у людей, проведших у каньона многие годы.

*

Люди по разному видят великую бездну, по разному ее чувствуют. Мне рассказали про одного промышленника; он приехал посмотреть каньон, но сразу укрылся со своим секретарем в кабину и занялся деловой перепиской; на рассвете он уехал, так и не взглянув на каньон; хорошо, что уехал — его незрячие глаза все равно ничего бы не увидели.

Я сам наблюдал такие сцены: выпорхнут две молодые подружки на террасу, бросят мимолетный взгляд на каньон, произнесут затасканное совершенно неприменимое к великой бездне слово «прытти» и убегут, чтобы потом часами писать открытки с видами каньона.

Видел я также людей, для которых Великий каньон — курорт, место для развлечений, остановка на их увеселительном пути, одно из мест, которое нельзя не посетить, потому что так полагается.

Зато я наблюдал и других людей, они долго простаивали над бездной, наблюдая постоянную смену света и теней; приходили к каньону ровно в полдень, когда исчезали тени иослепительно сверкали вершины

всей яркостью своих красок; вставали в три часа утра, чтобы поймать игру первых лучей солнца над бездной.

Я видел людей, которые невольно поддавались влиянию великого молчания, исходившего из бездны; в ее присутствии они молчали или обменивались тихими замечаниями.

Я встретил сурового на вид господина, который, не стыдясь, признался мне, что увидев впервые Каньон, он заплакал.

Чем больше всего поражает Великий каньон? Своими размерами? Своей необычайной постоянно меняющейся красотой? Причудливыми формами своих гранитных громад, как будто высеченных рукой гениального резца?

Всем этим и еще чем то, чего нельзя передать ни словом, ни пером, ни кистью художника. Каньон потрясает своим божественным величием, но не пугает, он влечет к себе своей мистикой, своим великим молчанием. Вы стоите у берега времени, читаете древнейшую летопись земли, прислушиваетесь к первозданным ритмам; перед вами вечность...

Таков Великий Каньон.

Октябрь, 1946.

CAPE CODE

Вот и Кэйп Код! Нью Иорк сразу отодвинулся назад. Он где-то там, но чувство такое, будто его никогда и не было. А от Нью Иорка до Кэйп Кода всего 230 миль расстояния!

Кэйп Код — песчаная коса длиной в семьдесят миль, в форме изогнутой руки, выброшенная в океан берегом Массачузетса — дает почти всё, что нужно для отдыха: море с его многочисленными пляжами, сосновые лесочки, излюбленные художниками дюны, упоительно сладкий воздух, ослепительное солнце... Не хватает только прелестных, покрытых лесом гор — их то я очень люблю.

Где уж тут думать о Нью Иорке! И как сравнить нью иоркские громады и беспрерывный нью иоркский гул с домиками Кэйп Кода, с шумом ветра, запутавшегося в миллионах игл сосновых лесов, с щебетом птиц!

Домики здесь в один, два этажа, редко больше; они почти сплошь своеобразной кэйп кодской архитектуры, деревянные, бледнозеленые, белые, иногда с темносиними или красными полосками и такого же цвета ставнями. Попадаются изредка ветряные мельницы и старинные, по американским понятиям, дома в 250-300, а то и больше лет.

Кэйп Код был первой американской землей, на которой высадились переселенцы с Мэйфлауэра. Потом они отправились дальше и сошли на берег там, где сейчас городок Плимут. Но Кэйп Код заселился очень быстро и многие его туземцы носят фамилии первых английских поселенцев.

Когда-то Кэйп Код славился своими китоловами и мореплавателями на своих кораблях «клиперах», бороздивших моря-океаны, ходивших в Китай и Индию.

Был у туземцев и другой источник дохода. В бурные ночи они завлекали фальшивыми сигналами блуждавшие корабли на скалы и, когда те терпели крушение, грабили их.

Теперь всё это в прошлом. Главный источник доходов населения — туризм. Туземцы обленились и потеряли дух предприимчивости, но остались страстными рыболовами и бросают свои дела при первом слухе, что пошла рыба. В такие дни добиться туземца-маляра, водопроводчика, или электротехника почти невозможно. Мне рассказывали про местного владельца магазина рыболовных принадлежностей — в самую горячую пору он закрывает магазин и оставляет на дверях надпись: Gone fishing — уехал на рыбную ловлю.

Рассказчик добавил: «Спасают положение только такие люди, как мы, прибывшие с материка. Мы работаем и мы делаем всё, чтобы сохранить за Кэйп Кодом славу прекрасного курорта».

Славу эту Кэйп Код вполне заслужил.

*

С веранды открывается вид на море. Сегодня оно — гладкое, точно озеро, сверкающее бирюзой; над ним синева неба, а вдали, над горизонтом, как-будто неподвижные белые облака. Над океаном белеют паруса многочисленных лодок. Они далеки и тоже кажутся неподвижными. Но, повидимому, между ними идут гонки. И, если долго смотреть, то можно заметить, что одни паруса заметно ушли вперед и превратились в белые точки.

Выходишь на улицу. Всюду цветы, кусты, деревья: дуб, шелковица, липа, редкая, очень редкая береза, ель, сосна. Я чуть не добавил: «да мох седой». Но, нет, седого мха не видел. Зато сосны действительно много, она низкорослая и на вид корявая, но воздух пропитан ее сладким запахом и вдыхаешь его полной грудью. Говорю, смеясь, жене: «Вбери его побольше, может в Нью Иорк привезешь немного».

*

Сразу переменился наш образ жизни. Забыт железный скрежет города. Вместо него ночью и днем шум прибоя. Забыта газета и всё, что с ней связано: в редакции перед моим отъездом всегда шутят: «скажите, куда посылать вам газету», а я отвечаю «спасибо, никуда не посылайте».

Впрочем, не совсем забыта газета, как не забыто и многое другое, грозное и тревожное. Но всё оно отодвинулось назад в область подсознания. И не у меня одного оно так. В беседах на веранде или за столом ресторана говорят больше о мелочах повседневной жизни и очень редко, и то мельком, затрагивают вопросы политики и международного положения.

Устал я от дум и разговоров. Одолела лень. Хочется слушать и видеть то, чего не услышишь и не увидишь в Нью Иорке; что услышу или увижу, о том и подумаю.

Неожиданно, неизвестно почему, вспоминаются строки:

Минувшее проходит предо мною.
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуяся, как море-океан.
Теперь оно безмолвно и спокойно.

Набегают волны, одна за другой — без конца и начала; и мелькает мысль: вот это вечное и неизменное; так было, так будет.

Налетает порыв ветра и шум его в ветвях сосен точно бег ручейка по камушкам. Он сливается с хором птичьих голосов, с скрипом калитки, с отдаленным детским смехом.

Вот на лужайку опустился красногрудый реполов. Вытянулся и слушает. Потом, нагнув головку, бежит, останавливается и вновь слушает; прыгнул под куст и выбежал оттуда с добычей в клюве. Червь извивается. Птица ударяет клювом по земле, раз, другой, потом расправляет крылья и улетает — будет детенышам еда.

Опять тишина. И какое в этой тишине разнообразие звуков! Какое очарование!

Жена вдруг замечает: «Без автомобилей здесь было бы еще лучше».

Манит к себе тропинка соснового лесочка. Не успели мы вступить на нее, как спугнули зайца. Зверек бросился в кусты, а мы, затаив дыхание, стоим и ждем. Заяц не выдержал близости человека, выпрыгнул и побежал. Только пушистый, загнутый вверх, серый хвост его несколько раз мелькнул сквозь деревья.

Идем по дороге. По ней только что проехал автомобиль. Вдруг останавливаемся как вкопанные: через дорогу, с одной лужайки на другую идут гуськом перепелка и ее трое птенцов; мать замыкает шествие.

На соседней лужайке двое малышей. Они бросились к птицам. Шествие мгновенно расстроилось. Птенцы скрылись под кустом, а мать, оглядываясь назад, побежала в обратную от куста сторону с явным намерением привлечь к себе внимание преследователей. Но малышам погоня надоела — они вернулись на свою

лужайку и возобновили игру. Перепелка бросилась под куст, вынырнула оттуда вместе с птенцами. Они бегут дальше, опять гуськом, но на этот раз мать впереди.

*

Июль и август — сезонные на Кэйп Коде месяцы. Но я предпочитаю быть там в сентябре, когда после Лэйбор Дэй прекращается поток туристов. Теперь пансионы и отели переполнены. Много канадцев: это самое близкое для них теплое купанье. Гостям не сидится на месте. Они уходят на пляж или разъезжают в своих автомобилях. Пансион многие часы пустует. В такое время хочется только сидеть, смотреть и слушать. Даже купаться сходить лень, хотя я очень люблю плавать.

Вечерами сидим на веранде. У каждого в руках книга или журнал, редко газета. Но читается с трудом. Не клеится и разговор. Зато неумолчен хор сверчков.

Выходишь на лужайку. Над тобою черное небо и в нем яркие звезды; думаешь: такого неба в Нью Иорке никогда не увидишь. Вдруг рванулся с океана порывистый ветер. Смотришь туда; надвигаются облака; звезды исчезают одна за другой. Блеснула молния. Где-то вблизи раздается медленный раскат грома. Ударили по крыше первые капли.

Всю ночь шумела гроза. А утром встали — и ни облачка. Сверкают под лучами солнца дождевые капли на листьях деревьев. Через открытые окна в комнаты проникает прянный воздух. Над океаном кружится стая чаек.

К вечеру новая перемена. С моря надвинулся густой туман; он стелется кругом, пробирается в комнаты, нависает пеленой над вдруг посеревшими деревьями. Так же неожиданно пелена разрывается и показывает темную синеву звездного неба.

Каждый день, каждый миг ощущаешь близость природы и сознаешь себя частью этой природы. И в этом большой внутренний мир. Может быть, правы те, кто утверждает, что все бедствия цивилизованного человека — результат его разрыва с природой, такого разрыва, что природа стала ему чужда и непонятна.

Август, 1952 г.

ПОРТРЕТЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Кулидж

Смерть Кэлвина Кулиджа опять возбудила, никогда в сущности не умиравший интерес к личности тридцатого президента Соединенных Штатов.

Ни об одном из современных нам президентов не было столко разноречивых и резко противоположных мнений, как о Кулидже.

Одни считали его человеком умным и способным, другие — посредственным и ограниченным.

Одним казалось, что он не дальновидный политический деятель. Другие, более близко сталкивавшиеся с ним, поражались его проницательности и умению распознавать людей.

Одни назвали его «великим молчальником». Другие дали ему кличку «счастливый Кэл», желая подчеркнуть этим, что он попал на самый высокий пост в стране лишь случайно и только потому, что ему всегда везло.

На это, однако, Кулидж мог бы ответить словами Суворова:

— Сегодня счастье, завтра счастье, дайте хоть немного ума.

И в самом деле, одной только случайностью и одним лишь везеньем карьеру Кулиджа объяснить никак нельзя.

*

Молодой провинциальный адвокат, он начал свою политическую деятельность гласным городской управы в маленьком массачусетском городке. Многие молодые адвокаты на этом свою политическую карьеру и кончают. Но не Кулидж. Шаг за шагом, со ступеньки на ступеньку, он медленно, но верно подымался по общественной лестнице. В течение всей своей карьеры он провалился на выборах лишь раз, и то случайно.

То же повторилось, когда Кулидж был президентом. Его хотели выставить кандидатом на новый срок. Но в августе 1927 года он произнес свою знаменитую фразу:

— **I do not choose to run for President in 1928** — я не намерен быть кандидатом в президенты в 1928 году.

Эту фразу толковали тогда вкривь и вкось. Говорили, что Кулидж хотел сказать, что сам он не намерен быть кандидатом, но если партия его позовет, он согласится. Оказалось, что Кулидж сказал, что думал. Он строго-настрого запретил своим друзьям выдвигать его кандидатуру и при этом со свойственной ему сжатостью речи заметил:

— Шесть лет в Белом Доме вполне достаточно для любого человека.

*

Кэлвин Кулидж не был типичным американцем.

Он даже не был типичным янки.

Но он был до мозга костей своих вермонтцем.

Несколько лет назад я бродил ранней осенью по Вермонту. Подымался на его зеленые горы, опускался

в его тихие долины, любовался его кристально чистыми озерами и задумчивыми лесами, заходил в его редкие городки и селения. И что больше всего поражало меня в Вермонте — это необыкновенная тишина и спокойствие. И природа и люди там одинаково спокойны, одинаково молчаливы. За все дни я встретил только одного словоохотливого человека. И тот оказался французом.

Вот тогда лишь я понял Кулиджа, понял его молчание и убедился, что оно — не маска политикана, как казалось многим, а природная черта вермонтца.

Скупость Кулиджа на слова была предметом очень многих анекдотов.

На одном большом обеде, сидевшая рядом с ним известная общественная деятельница, всячески пыталась вызвать его на разговор. Наконец, отчаявшись, она заметила ему:

— Я держала пари, что заставлю вас говорить.

— Вы проиграли, — ответил Кулидж.

*

Кулидж не был оратором, но его речи простым людям нравились. Он сам как-то объяснил почему:

— Я никогда не аппелировал иначе, как к здравому рассудку народа.

Сухой Кулидж умел и пошутить, правда, на свой, особый манер.

Так, когда Республиканский конвент в 1924 году, избрав его кандидатом в президенты, послал к нему лидеров партии за советом насчет кандидата в вице-президенты, он решительно отказался указать, кого он предпочитает на этот пост. А когда ему заметили:

— Вы должны указать нам кандидата в вице-пре-

зиденты, потому что Конвент не знает кого избрать, он с едва уловимой улыбкой процедил сквозь зубы:

— Конвент знал кого избрать в 1920 году, и он не ошибся...

В 1920 году Конвент избрал кандидатом в вице-президенты Кулиджа.

В другой раз Кулидж заметил из окна Белого Дома, проехавшего на лошади сенатора Бора (сенатор был большой любитель верховой езды) и сказал:

— Вот едет Бора. Удивительно то, что он едет в том же направлении, что и его лошадь.

Остроумный намек на страсть сенатора Бора всегда идти против течения.

*

Кулидж был большим патриотом и родину свою любил нежно и искренно.

Но кем бы он ни был: умным или недалеким, большим человеком или самым заурядным, его будут помнить, как президента при котором Соединенные Штаты достигли небывалой до того времени высокой степени богатства и могущества.

Январь 1933 г.

Вилл Роджерс

Из ковбоев в мировые знаменитости — вот путь, который проделал погибший в воздушной катастрофе на Аляске Вилл Роджерс.

Карьера Вилла Роджерса исключительна и неповторима, как исключителен и неповторим он сам.

Хотя в его жилах текла индейская кровь (он родился на индейской резервации племени Чероки), Роджерс был типичным американцем. Какими то неисповедимыми путями он впитал в себя лучшие черты своего народа.

Демократ до мозга костей, человек свободолюбивый, Роджерс был продуктом свободного демократического строя Америки. Только в стране, где существует подлинная свобода слова, мог развиться талант Роджерса. При всяких иных условиях, при столь модных ныне диктатурах талант Роджерса никогда не мог бы проявиться во всей своей яркой красоте. Он зачах бы или был бы задушен.

*

Вилл Роджерс был любим всеми, кто знал его лично или по выступлениям по радио, в кино, на подмостках театра, на банкетах, благотворительных вечерах и по газетным комментариям на злобу дня.

Его любили за обаятельность, за отзывчивость и щедрость, за то, что он был редким товарищем и другом. Но больше всего за улыбку, за то, что он умел так хорошо смеяться, так беззлобно шутить.

Роджерс говорил языком простого народа, думал его думами и чувствовал его чувствами.

Он жадно воспринимал жизнь, замечал все ее темные стороны и смеялся над тем, что смеха было достойно. Но он был вполне искренен, когда выразил желание, чтобы на его могильном памятнике была высечена следующая эпитафия: «Я смеялся над великими мира сего, но я никогда не встретил человека, который был бы мне противен».

Роджерс любил людей и люди платили ему тем же.

Роджерс знался с президентами, сенаторами, конгрессменами.

Не мешает подчеркнуть, что не он их, а они его искали. Только поэтому Роджерс мог, например, позволить себе явиться к вице-президенту Гарнеру на официальный обед в честь президента Рузвельта в своем поношенном костюме, синей рубахе и со жвачкой во рту.

— Я ни для кого не наряжаюсь, — заметил он.

*

Большая слава Роджерса началась, когда он стал высказываться на политические темы в газетах, по радио и на эстраде. Его всегда остроумные и меткие комментарии заставляли часто удивляться тому, как много он знал.

Роджерс в нескольких строчках часто высказывал то, что другому не сказать на нескольких столбцах.

В октябре 1932 года, в пору тяжелого экономического кризиса, Роджерс шутил:

— Я летел из Флориды и хотел остановиться в Вашингтоне, но журналисты сказали мне, что там ни души нет.

— А разве Хувер не там?

— Нет он поехал спасать Индиану.

— Тогда мой старый индейский друг Чарльз Кертис там? (вице-президент Кертис, как и Роджерс, был наполовину индеец).

— Нет, он поехал спасать Кэнзэс.

— Ну, тогда я увижусь с кем-нибудь из парней в кабинете министров.

— Никого из министров нет в Вашингтоне с начала весны.

— Кто же управляет страной?

— Никто...

— Вот почему дела поправляются.

*

Роджерс высмеивал бессмысленные вопросы, которые часто подымались во время предвыборной кампании.

О споре вокруг «просперити», игравшем такую большую роль во время кампании 1928 года, Роджерс сказал:

«Я никак не могу понять, как может оратор убедить человека, что он зажиточен, когда тот всё потерял, и что он беден, когда дела у него очень хорошие. Если избиратель не знает, что делается в его кармане и нуждается, чтобы совершенно чужой человек сказал ему об этом, то как может он выбирать правительство?»

*

Роджерс откликался не только на американские события. Ничто не ускользало от его внимательного взора.

Заметив однажды, что никто очевидно не знает из-за чего дерутся Китай и Япония, он добавил: «В этом отношении это почти как цивилизованная европейская война».

Роджерс дважды был в России.

После первого раза он выпустил очень смешную по форме, но грустную по содержанию книжку под характерным заглавием: «В России нет купальных костюмов».

А смысл был, что там ничего нет, что страна голая...

После второго путешествия в Россию Роджерс рассказывал о своих впечатлениях по радио, и слушала его буквально вся Америка.

Вот, что он сказал в своей первой речи о России (цитирую по памяти):

«В России нет коммунистов, нет недовольных, которые выходили бы на улицу и, став на ящик из-под мыла, выражали бы свое недовольство правительством. Они не могут этого сделать, во-первых, потому, что там нет мыла и нет ящиков из-под мыла; во-вторых, если человек только заикнется против правительства, он тотчас же отправится в дальний путь, который не прекратится, пока он не достигнет Полярного Круга. А то его и вовсе ликвидируют. Мы говорим «посадить на электрическое кресло» или «повесить». Но мы капиталистическая страна, а в России нет капитализма, поэтому там говорят «ликвидировать»...

Август, 1935 г.

Тарас Балабанов

УМЕР Тарас Балабанов. Смерть пришла за ним в театр (в Тонаванде), как раз в тот момент, когда заканчивалось очередное выступление его труппы. Балабанов поднялся, чтобы по обыкновению пойти за кулисы, но смерть шепнула:

— Сиди.

Тарас Балабанов был упрям и своеволен. Но на этот раз и он послушался. Он сел и больше уже не вставал.

*

Тарас Балабанов был личностью незаурядной. Простой русский человек, едва грамотный, он сделал карьеру театрального «менэджера», которой могли позавидовать и завидовали многие рвавшиеся к театральной деятельности и считавшие, что они имеют на таковую больше прав.

Балабанов к театру пришел случайно. В ранней юности он научился мастерить гармоники. Свое мастерство он перенес в Америку, где проработав несколько лет и скопив немного денег, открыл фабрику гармоник. Игру на этом инструменте он любил искренно и всё мечтал: вот подрастут дети, научу и их играть.

Дети учиться не хотели. Но «папаша» требовал, а ленивых строго наказывал. Кое-как они научились петь русские песни, играть на «пианогармонии» и танцовать.

Когда подросли трое старших детей, Балабанов

решил создать из них водевильную труппу «Trio Balabanoff».

Потом, когда подросли остальные дети, папаша расширил состав труппы и переменил ее название.

Каждый «акт», который исполнялся труппой, приготовлялся самим Балабановым. Большое внимание он обращал на внешность своей труппы.

«Пиано-гармонии» собственного балабановского производства блистали всеми цветами радуги. Костюмы делались «под национально-русские» из ярких материй и всевозможных комбинаций цветов. Таковы же были декорации.

Всё это было пестро и безвкусно, но на водевильную публику оно всегда производило впечатление. Она начинала аплодировать при самом поднятии занавеса. Под аплодисменты и проходил весь «акт».

Если иной более культурный владелец театра, чувствовал, что в балабановском акте нет ничего «настоящего», он утешался тем, что публике это нравится.

Можно, однако, с уверенностью сказать, что теперь, когда не стало Балабанова, не станет и его труппы. Им она была создана и только благодаря ему она так долго держалась на подмостках водевильного театра.

*

Я не знаю, откуда родом был Тарас Балабанов. Но по своим деловым способностям он был настоящим ярославцем. Природную русскую сметливость он соединил с неутомимой энергией и упорством американского пионера. И эти два качества давали ему постоянный успех там, где, как в театре, ничто не постоянно.

Было и другое ценное качество у Балабанова. Это вера в себя, в свое дело, в свою труппу. Он был искренно убежден, что его труппа — самая лучшая в Америке, даже в целом свете и что ее «акты», которые всегда «стряпались» им самим, были самым интересным аттракционом.

Глубокая вера всегда производит впечатление и театральные предприниматели, с которыми Балабанов вел переговоры, невольно поддавались ей и сами начинали верить в балабановский «товар».

Балабанов, однако, никогда не полагался на самого себя. Он очень чутко прислушивался к мнению публики и репортеров (как называл он рецензентов, делая ударение на первое о). Оттого он сидел постоянно в театре. Если аплодисменты его «акту» оказывались не столь громкими, он бегал за кулисы и указывал актерам, где надо «поддать жару».

В оффисах антрепренеров Балабанов был неподражаем. Он умел убеждать, хотя и говорил на тарабарском английском языке. Умел добиваться выгодных и обеспечивавших его контрактов, хотя читал он по-английски еще хуже, чем говорил и только в редких случаях прибегал к услугам адвоката.

*

Балабанов очень ценил рекламу и умел пользоваться ею. Он часто приходил в редакцию и просил написать о выступлении его труппы в каком либо провинциальном городишке.

— Там русских нет, — говорил он, но я хочу показать «менэджеру» театра, что и русская газета пишет о моем «акте».

— А разве ваш «менэджер» читает по-русски?

— Нет, он американец. Вы можете даже выругать меня, а ему всё равно покажу. Он то не подумает, что я показываю, как меня ругают.

Ругать Тараса Балабанова было не за что. В акте его не было искусства. А кто его ищет на водевильной сцене? Но самого его наблюдать и слушать было большое удовольствие.

Будь у него настоящая подготовка и образование, он сделал бы, вероятно, выдающуюся карьеру. У него для этого был ум, были сметливость, энергия, находчивость и огромная трудоспособность.

Июль, 1936 г.

Александр Беркман

САМОУБИЙСТВО Александра Беркмана в Ницце напомнило об этом давно забытом, но некогда гремевшем на всю Америку человеке.

Александр Беркман родился в богатой семье в России. Там он провел свои молодые годы. Там он стал революционером и анархистом.

Но самый яркий период жизни Беркмана прошел в Америке, куда он прибыл семнадцатилетним юношей. Здесь он жил и боролся, любил и ненавидел. Здесь он испытал 16 лет тюремного заключения, из которых 14 были за покушение на жизнь известного финансиста Фрика. Здесь он и Эмма Гольдман (их имена всегда упоминались вместе) заслужили славу опаснейших революционеров и крайних радикалов. Их имена часто пестрели на первых страницах газет, и их нередко обвиняли в преступлениях, которые они физически и идеологически не могли совершить.

Митинги, диспуты и лекции, устраивавшиеся Александром Беркманом и Эммой Гольдман были сравнительно тихими и мирными. Они не прибегали к саморекламе, подобно коммунистам не подымали искусственной шумихи вокруг каждого своего выступления.

Эмма Гольдман была оратором, находчивым, умелым и остроумным. Спорить с ней было трудно, пока она сохраняла спокойствие. Но она слабела, когда начинала раздражаться. Опытные противники часто пользовались этим и умышленно приводили ее в такое состояние.

Беркман рядом с Эммой Гольдман тускнел. Он не был ни блестящим оратором, ни даже хорошим пред-

седателем собрания, каковую роль он часто исполнял. Но, когда он говорил, глаза его за стеклами очков загорались огнем большой веры и глубокой искренности.

Кто никогда не беседовал с Беркманом с глазу на глаз, тот не знает и не мог знать, всю обаятельность его личности и честность убеждений, которую он доказал впоследствии, когда, потерял свою вторую родину — Америку и не обрел первой — России, только потому, что не захотел покрыть своим именем жестокости большевицкой диктатуры. Скитальческую жизнь в Западной Европе со всеми ее эмигрантскими горестями и печалями, он предпочел комиссарскому посту в Советской России.

*

Для одних Александр Беркман и Эмма Гольдман были учителями и вдохновителями, для других — интересными людьми, искренними, но заблуждающимися идеалистами, для третьих, — а такими было огромное большинство американцев — опасными чужестранцами, которых нужно было отправить «туда, откуда они приехали». Желание этого большинства в конце концов сбылось.

Шел знаменательный 1917 год. Россия переживала первую радость революции. Соединенные Штаты вступили в великую войну. Был проведен закон об обязательной воинской повинности. Были приняты в срочном порядке исключительные законы, давшие президенту Вильсону чуть ли не диктаторскую власть. Страна, которая сперва была против войны, постепенно перестраивалась на военный лад. На улицах, в кафе и в вагонах подземки часто слышалась фраза:

«We are in it and we have got to see it through».

И в такое время Александр Беркман и Эмма Гольдман, как и вождь социалистов Юджин Дебс, начинают неравную борьбу против войны. Их арестовывают, судят и присуждают к 20 годам тюрьмы, после которой Беркман и Гольдман, как иностранцы, подлежали высылке на их родину.

Высылка состоялась, однако, не через 20 лет, а через два года.

*

Беркман с радостью ехал в Россию. Как анархист, он был противником всех правительств. Но он верил, что революционная советская власть искренно стремится к тому, чтобы дать народу подлинную свободу.

Беркмана и Гольдман встретили в России с музыкой и с распростертыми объятиями. Сам Ленин приласкал их. Троцкий удостоил своего внимания. Были в их честь банкеты. Были торжественные речи...

Но сквозь всё это, наши анархисты скоро рассмотрели свирепое лицо военного коммунизма и жестокую руку кровавой диктатуры. Никаких свобод в Советской России не было, революционеров, настаивавших на таких «буржуазных предрассудках», беспощадно расстреливали.

Надо ли удивляться тому, что Беркман и Гольдман выдержали в России не больше года?

Они покинули ее разочарованные и надломленные. Они рвались в Америку, но сюда доступ им был закрыт. Пришлось искать приют во Франции.

Через год вышла книга Беркмана «Большевицкий миф».

Он в ней писал:

«Террор и деспотизм раздавили жизнь, рожденную в феврале. Лозунги революции отвергнуты, ее идеалы затоплены в крови народной... Диктатура давит массы под своей пятой. Революция умерла; ее дух вопиет в пустыне... Большевицкий миф должен быть разрушен».

*

Беркман рассказал правду о России или то, что ему казалось правдой. Но правда о России в радикальных кругах была тогда не ко двору. Там верили (а многие и поныне продолжают верить), что спасение человечества грядет из России, что диктатура, море крови, нарушение всех человеческих свобод и жестокие расправы — всё это на благо будущих поколений.

От Беркмана отвернулись. Его стали клеймить предателем. Про него инсинуировали, что он ушел от большевиков, потому, что хотел, но не сумел играть в России видную роль.

Беркман тяжело переживал эти обвинения. Ему, привыкшему всегда быть на людях, трудно давалось одиночество. А ряды друзей всё редели... С годами прибавилась физическая немощь и нужда (он добывал средства к существованию переводами). Жизнь кончилась... Выстрел только несколько ускорил естественный процесс...

Июль, 1936 г.

Джон Д. Рокфеллер

Со смертью Джона Д. Рокфеллера ушел в могилу последний из могикан, самый выдающийся представитель исключительной и неповторимой эпохи.

Рокфеллер был продуктом своей эпохи, таким же, как все его современники и сподвижники. Но как человек огромных способностей, он больше других впитал в себя все положительные и отрицательные черты своего времени, ярче отразил их в своей незаурядной личности.

Многое, что делал в свое время Рокфеллер, очень многое подлежит жестокому осуждению. Но понять Рокфеллера и его поступки, а понять, как сказал Достоевский, значит простить, можно только в рамках его эпохи.

*

Когда Рокфеллер родился, Соединенные Штаты имели за собой всего полвека самостоятельного существования. Покорение огромного материка лишь начиналось. Использование его неисчислимых естественных богатств находилось еще в самом зачаточном состоянии.

Это была страна неограниченных возможностей для людей с изворотливым умом, с сильной волей и большим воображением, для людей ни перед чем не останавливавшихся в достижении своей цели.

Когда Рокфеллеру было четыре года, Морс (Морзе) передал по изобретенному им аппарату первую

телеграмму. Кое-где уже шли поезда, маленькие, полные копоти и очень медленные.

Нефть, на которой Рокфеллер построил свое огромное состояние, была открыта, когда ему уже было 20 лет.

Рокфеллер вырос в глубоко религиозной, трудолюбивой семье. Большинство первых американских поселенцев состояло из таких людей. Все они искренно верили, что человек должен в поте лица зарабатывать хлеб свой. Если человек богател, то на это была воля Божья. Если он шел к богатству не всегда прямыми путями, то милостыней и молитвой можно было купить прощение.

Страна не знала ни классовых ни других препятствий, которые стояли бы на пути энергичного молодого человека. Почти никаких других выходов его желанию выдвинуться и отличиться, кроме делового, она не давала.

Всё это и способствовало тому, что в небольшой сравнительно период времени в Соединенных Штатах выдвинулись люди, положившие начало ряду промышленных династий. Так появились промышленные короли: Хиллы и Хэрримэны, Вэндербилты и Гулды, Фиски и Фрики, Харкнессы, Морганы и Рокфеллеры.

*

Рокфеллера, как и остальных промышленных магнатов, часто обвиняли в жестокости, в безудержном эгоизме, в беспощадном истреблении своих конкурентов, в самой ужасной эксплоатации своих рабочих. Все эти обвинения (и многие другие) верны. Но не следует забывать, что эти отрицательные качества были характерны для всей эпохи, их выдвинувшей, что они были присущи буквально всему населению страны.

Фермеры, уходившие на Дальний Запад, не менее безжалостно истребляли исконных американцев — индейцев, чтобы воспользоваться их полями и пастбищами.

Сильный прижимал слабого и беззащитного. Таков был неписанный закон времени, а с писанными законами сильные не считались.

Рокфеллер был не лучше и не хуже большинства своих современников. Он был только много способнее их.

Он рано понял, что естественный ход развития промышленности должен вести от разрозненности, от хаотического ведения дел к организованным гигантам. И он смело пошел по пути создания такого гиганта — знаменитого треста Стандарт Ойл — в самой молодой и самой хаотической промышленности — нефтяной. Его природное чувство бережливости не переносило расточительных методов производства и распределения, существовавших в нефтяной промышленности. А его организаторский талант подсказал ему пути и средства для того, чтобы ввести порядок, где существовал хаос.

Эти пути не всегда были прямые, а средства не всегда чистые. Но Рокфеллер в свое оправдание мог бы сказать:

«Так поступали все».

*

Своих самых сильных и способных конкурентов Рокфеллер привлекал в свое дело в качестве компаньонов и акционеров, более упрямых или слабых он разорял.

Рокфеллер не только обладал организаторским талантом. У него был большой полет фантазии, умение многое предвидеть и уменье смело рисковать.

Эта последняя способность часто озадачивала и пугала самых близких к нему людей.

Эндрюз, его многолетний компаньон, однажды не выдержал и запротестовал против одной очень рискованной операции. Рокфеллер ему тут же заявил:

«Эндрюз, мы были компаньонами много лет, и я хочу остаться твоим другом. Сколько ты возьмешь за свою долю в деле?»

Эндрюз от неожиданности растерялся и не мог выговорить ни слова. Он взял бумажку, написал на ней цифру в миллион долларов, уверенный, что Рокфеллер никогда не даст ему этой суммы. Рокфеллер, только посмотрел и сказал: «хорошо, я покупаю». И в несколько минут сделка была совершена. На той же неделе Рокфеллер продал долю Эндрюза Вильяму Вэндербилту за 1.250.000 и провел свою рискованную операцию, которая также оказалась удачной. Этот случай далеко не единственный в карьере Рокфеллера.

*

Развитие трестов было явлением естественным и в экономическом смысле вполне закономерным. Но рост трестов представлял собой угрозу для демократического государства, а злоупотребления тех, кто стоял во главе трестов, вызвали против них сильное народное движение, во главе которого стали такие люди, как Теодор Рузвельт.

В 1911 году решением Верховного Суда Рокфеллеровский трест «Стандарт Ойл» был вынужден превратиться в три десятка с лишним самостоятельных пред-

приятий. Но тут опять-таки сказался организаторский талант Рокфеллера: дело было поставлено так крепко, что доходы отдельных предприятий ничуть не уменьшились. Рокфеллер умел строить прочно и надолго.

Вскоре после этого знаменитого решения Верховного Суда Рокфеллер навсегда ушел от дел.

Почему? Понял ли он, что наступили новые времена, которые требуют новых людей и иной морали? Как будто так. Он явно начал стремиться к тому, чтобы страна увидела его в ином, лучшем свете. И в значительной степени это ему удалось.

Четверть века назад многие университеты отклоняли дары Рокфеллера. В последние годы каждое его пожертвование охотно принималось, а к нему самому начали относиться добродушно и даже с симпатией.

Многое ему простили при жизни. О многом забыли или старались забыть...

Май, 1937 г.

И. И. Сикорский

Бывают странные сны, а на яву страннее.
Грибоедов

ЭТО случилось в Киеве 38 лет назад. Мальчику было 11 лет. Он был слаб здоровьем и впечатлителен. Ему приснился чудесный сон:

«Я шел вдоль узкого, роскошно убранного прохода. По обеим сторонам были двери из орехового дерева, одинаковые с дверями кабин на пароходах. Пол был покрыт красивым ковром. Шарообразная электрическая лампа бросала с потолка приятный синеватый свет. Под ногами я чувствовал легкое дрожание и не удивился, что оно было отлично от ощущения на пароходе или в поезде, потому что я знал, что нахожусь в воздухе, на большом летающем корабле. Как раз в то мгновение, когда я достиг конца коридора и открыл дверь, чтобы войти в уютную комнату, я проснулся»...

*

Сон мальчика оказался вещим. Он целиком осуществился, хотя не так легко и не так скоро, как в сказке сказывается.

Тридцать лет и один год канули в вечность. В один прекрасный день над Нью Иорком парила огромная стальная птица:

«Солнце уже было за горизонтом и, когда корабль стал спускаться ниже, стало темно... Я направлялся в курительную комнату, стюард зажег свет и я остановился с чувством удивления. В двадцати шагах впереди я увидел отделку из орехового дерева и элегант-

ный вход в кабину. Синеватый электрический свет был ярок и приятен... Я мгновенно вспомнил, что уже видел всё это давным давно»...

О том как осуществился сон, как мечта мальчика претворилась в действительность, рассказывает сам сновидец — ныне знаменитый строитель воздушных кораблей — Игорь Иванович Сикорский — в своей только что изданной английской автобиографии.

*

Первый самолет Сикорского едва оторвался от земли и сел. Много смеялись тогда над молодым изобретателем. Не мало острот про него пошли гулять по России. Но Сикорский не унывал и не сдавался.

Второй его самолет продержался в воздухе всего восемь минут. Но пятый, построенный в 1911 году, поднялся уже на высоту в 1.000 футов.

Однако, ничего исключительного в этом не было. Еще тремя годами раньше — 12 сентября 1908 года — американец Орвилл Райт пролетел 45 миль в 1 час $14^1/_3$ минуты. Через 9 дней его брат Вилбур Райт поставил новый рекорд, пролетев 56 миль в 1 час 31 м. $25^1/_5$ секунды.

В следующем году Блерио совершил свой исторический перелет через Ламанш из Калэ в Дувр. Это было в июле, а в ноябре Фарман покрыл 134 мили в 4 ч. 17 м. 53 сек.

В 1910 году Полхэн поднялся в Лос Анджелосе на небывалую для того времени высоту в 4.149 футов. В том же году Полхэн получил от газеты «Дэйли Мэйл» 50.000 долларов за перелет из Лондона в Манчестер с одной только остановкой.

Молодой Сикорский знал про все эти успехи западно-европейской и американской авиации, но они ни-

чуть не обескуражили его. Наоборот, они, вероятно, только укрепляли его веру в себя и в возможность осуществить свою мечту.

*

В 1912 году Сикорскому пришла в голову идея многомоторного воздушного корабля. 13 мая 1913 года в белую петербургскую ночь его корабль совершил первый полет.

На втором корабле — знаменитом Илье Муромце — Сикорский и три его спутника совершили перелет с приключениями из Петербурга в Киев: они потушили пожар на корабле, заблудились и чуть не потерпели крушение. А когда они благополучно достигли цели, то им сообщили, что в Сараеве убиты эрцгерцог Фердинанд Австрийский и его жена...

Скоро началась война и Сикорский стал строить корабли для армии.

Революция прервала строительство Сикорского в России. Он уехал во Францию, а оттуда в Америку, где открылась американская глава его жизни и деятельности, глава сперва самая трудная, а потом самая плодотворная. С группой друзей-«акционеров», вложивших в дело... 800 долларов, Сикорский приступил к сооружению в 1923 году своего первого корабля в Америке. Это было почти фантастическое предприятие. Неудачи следовали одна за другой. В 1926 году произошла самая трагическая из них — погибли при подъеме для полета через Атлантический океан радиооператор Клавье и механик Ислямов. Они сгорели вместе о кораблем С—35.

Но и эта трагедия не сломила Сикорского. Он упорно продолжал идти к цели, к выполнению своей заветной мечты, своего творческого замысла. В чем

черпал он свои силы? Вероятно, в вере, что 99 процентов открытий достаются тяжелым трудом и знанием и только один процент, трудно объяснимой, загадочной интуицией.

*

Теперь воздушные корабли Сикорского пересекают высокие горные цепи и широкие океаны. Но Сикорский предвидит еще большие успехи воздухоплавания. Он предсказывает появление кораблей-гигантов, которые с умопомрачительной быстротой будут переносить нас с материка на материк.

И теперь, когда Сикорский предсказывает, мы слушаем и верим:

Так будет.

Ноябрь, 1938 г.

Борис Григорьев

ГРИГОРЬЕВ умирал долго и мучительно. Болезнь была запущена, потому что «мы, — как он писал мне из Южной Америки ровно 30 месяцев назад, — врачам не верим»...

А когда, не веря, позвал врачей, оказалось поздно: злокачественная опухоль буквально съела изнутри человека, как червь съедает прекрасное, полное вкусного сока яблоко.

Я знал это. Знал от Елизаветы Георгиевны, которая, скрыв от мужа страшную правду, старалась облегчить последние месяцы его страдальческой жизни.

Я знал, что Борис Димитриевич обречен, что дни его сочтены, что операция делается ему для того, чтобы хоть на время уменьшить его страдания. Знал, что, по расчетам врачей, конец должен был наступить еще месяц назад. Знал об его агонии, о том, что его мучительную боль успокаивают всё бóльшими дозами морфия...

И всё же, когда роковая весть пришла, душа отказалась верить: неужели Бориса Димитриевича больше нет? Этого не может быть!.. Это не могло случиться!..

Увы! Это случилось!.. Ушел из жизни человек с мятущейся душой, художник с ярким, самобытным талантом, всю жизнь искавший какую-то ему одному ведомую Правду, правду в жизни, правду в искусстве...

Ушел творец «Расеи» — страшных ликов, на которых нельзя было смотреть без глубокого волнения, автор гениальных «Братьев Карамазовых» в красках, создатель замечательных бретонских крестьян и чу-

десных, неповторимых, прекрасных как сказка, южноамериканских гуашей, последнего, увы, этапа его творчества.

Ушел художник Божьей милостью. Ушел друг...

*

Мое знакомство с Борисом Григорьевым произошло лет 15 назад, в первый приезд его в Америку. Художник чувствовал себя одиноко в чужом городе, среди чужих людей, и позвонил мне в редакцию, выразив желание встретиться. Он искренно обрадовался, когда я сказал ему, что знаю о нем по «Жар Птице» и горю желанием увидеть его «Лики России».

Остановился Григорьев в «Ансонии». Там мы встретились и вместе позавтракали.

Впечатление Борис Димитриевич, когда хотел, производил неотразимое. Высокий, стройный блондин, с длинными, упрямо падавшими на лоб волосами, цвета соломы, с большими серыми глазами, пронизывавшими человека насквозь, с слегка вздернутым носом-картошкой, сразу выдававшим великоросса в этом типичном по внешности и манерам парижанине.

С завтрака в «Ансонии» началась моя дружба с Григорьевым. Началась она не сразу: я схожусь с людьми не легко и не скоро, а Григорьеву с его мнительностью также требовалось не мало времени, чтобы поверить в искренность чьей-либо дружбы.

И всё-таки, с каждым новым приездом Бориса Димитриевича наши встречи становились непринужденнее и радостней, а с каждым отъездом — грустнее.

Потом завязалась переписка.

В письмах и беседах постепенно раскрывалась передо мной неугомонная душа этого замечательного человека и далеко еще не оцененного художника.

*

В ранней молодости Григорьев, повидимому, пережил тяжелое горе. Он затаил в себе какую-то обиду, которую его впечатлительная натура не могла ни за быть, ни простить.

С этой обидой он — беспокойный и дерзкий — вошел в жизнь и в искусство. Он хотел верить и преклоняться, а ему приходилось бунтовать и возмущаться. Бунтарем он остался до конца.

Условности его раздражали, несправедливость возмущала. Человек изменчивых настроений он часто действовал не только во вред себе, но наперекор своему лучшему «я», превращал искренно любивших и ценивших его людей во врагов, а потом терзал себя сожалениями.

В революцию и в русский народ Григорьев уверовал с искренностью ребенка. А она обернулась к нему своим страшным лицом. Он не выдержал и бежал в Европу, но убегая, унес с собой рисунки «ликов России», написанных с необыкновенной выразительностью и такой жестокостью, как будто художник мстил своему народу и революции за поруганную веру.

Слушая Бориса Димитриевича, можно было подумать, что он и впрямь возненавидел Россию и весь русский народ.

— Никогда и ни при каких условиях в Россию не вернусь, — говорил он.

— Почему?

— На кой чорт мне нужна эта проклятая страна, с ее тьмой лохматой и чудью белоглазой...

— Вы, Борис Димитриевич, говорите это потому, что тоскуете по родине.

— Никак не тоскую, — храбрился он. — Я рад, что живу во Франции. Вот страна! Вот народ! Какая культура! Какая красота!

— Тогда принимайте французское гражданство, — умышленно советовал я.

— Ну, вот вы и сказали. Какой из меня француз? Разве человеку с таким носом поверят, что он француз?

— Тогда принимайте американское гражданство.

— Благодарю покорно. Разве я мог бы ужиться в Америке? Ведь тут ужасные линии, безвкусица. Я здесь не могу работать. Нет, художник может творить только во Франции, где каждый дом, каждый переулок — произведение искусства.

Тем не менее Григорьев постоянно обращал свои взоры к России. Русские темы его глубоко захватывали. Заграницей он создал своих «Братьев Карамазовых», «Царя Федора Ивановича», «Боярина Луку Клешнева», «Студента Подгорного» и многих других.

И меня ничуть поэтому не удивило, когда Григорьев однажды пришел ко мне в редакцию какой-то притихший.

— Знаете, Шухаев вернулся в Россию, — сказал он, вздохнув, и неожиданно добавил: — хоть разок еще побывать там...

— Это мечта каждого из нас, Борис Димитриевич, — ответил ему я.

Мы сидели молча. Разговор не клеился. Григорьев скоро ушел, грустный и вдруг осунувшийся. Тоска по родине, которую он так тщательно скрывал, вдруг вырвалась наружу.

*

Было, однако, время, когда Григорьев чуть не стал «американцем».

В Европе началась военная тревога. Григорьев беспокоился за горячо любимого сына: могут взять в солдаты, за свою жену... Он собирался тогда в Южную Америку, и мы решили, что он должен вернуться сюда по постоянной квоте, а потом выписать семью. Я обещал выхлопотать ему квотную визу, но он не переставал волноваться и беспокоиться.

Подплывая к Вальпарайзо, он мне писал с парохода:

> «После завтра приезжаю, дорогой Марк Ефимович, наконец — 37 дней плыл терпеливо. Где стояли, я не дремал, а делал и сделал 47 замечательных вещей. Серия эта назовется тропиками и думаю, что в моих тропиках больше истины, чем в настоящих, как больше истины в моих «ликах России», чем в русских людях, как правдивее мой Горький того, кто сейчас уже умер... Марк Ефимович, простите, я не о том хотел с Вами говорить. Меня беспокоит то, что я не верю почтам в портах и боюсь, что мои письма не дошли до Вас. Я же о Вас часто думаю и было бы несправедливо если-бы Вы ничего об этом не узнали»...

Б. Д. опять возвращается к своему творчеству. Пишет, что у него «выросли крылышки» и тут же добавляет: «Но тоска по жене и сыну, больше по жене моей, до того сильна, что просто охота завыть волком. И ничего не знаю о них. 37 дней ничего не знать и плыть вдоль гор, похожих на львиную спину»...

Квотную визу Григорьев получил и радовался, что приедет в Америку почти как «американец». Опять со-

общал о своих тропиках: «я ими доволен, а это кажется плохо».

Но за день перед тем, как сесть на пароход, чтобы ехать в Америку, его планы перевернулись вверх дном. Я получил от него телеграмму, в которой он сообщал:

> «Всё изменилось. Я писал Вам вчера, что приезжаю в Нью Иорк, но получил сегодня от жены ужасное письмо с просьбой немедленно вернуться домой, в Бориселлу. Еду туда... Надеюсь не потерять квоты, есть еще 1½ месяца. Напишу Вам из Франции подробно, а пока желаю Вам всего лучшего. Моя душа мечется, и все мои идеи разбиты письмом женщины, жены и матери»...

Думаю, однако, что тут сыграло роль не только письмо любимой женщины. Художник этому кличу жены обрадовался; в душе он боялся, что и в самом деле «станет американцем»...

Из Франции он мне написал грустное письмо. Жаловался, что Европа его сразу сразила, что он не может работать и это его мучит, потому что он всю жизнь работал, а «теперь нет у меня никакой энергии, и я жду часа моего»...

*

Борис Димитриевич всё-таки еще раз одолел недуг и приехал в Америку, чтобы показать свои «Тропики». Он много на них надеялся. «Кончился, — писал он мне о них из Рио де Жанейро, — мой период критика и историка и начался период поэта и воспевания природы. Отсюда делаю вывод, преждевременный, правда, что я смогу иметь разок успех среди людей»...

Увы, Борис Димитриевич и тут ошибся. Его чудные гуаши, поэмы в красках, не были достаточно оценены ни американскими критиками, ни меценатами.

Это его бесконечно волновало и беспокоило. Нужны были деньги. А его постоянные покупатели, у которых теперь целое григорьевское богатство, не торопились и ждали. Они знали, что, когда Григорьев получит от сына письмо с просьбой о деньгах для взноса в Сорбонну, он отдаст свои сокровища за бесценок.

Так это было всегда. Так оно случилось и в этот, последний его приезд в Америку.

От волнения и от страшной никому тогда неведомой болезни Борис Димитриевич слег. Было тяжело в те дни смотреть на него. Было тяжело слушать его жалобы.

Прошла зима. Борис Димитриевич многое продал за бесценок. Остальное увез с собой. Уезжая, он мне говорил:

— Прощайте, дорогой. Не знаю, увидимся ли мы еще с вами, скоро умру...

Я возражал ему и не верил, что это серьезно.

Увы! Я ошибся. В письме из Франции он опять писал о смерти. Через короткое время пришло еще одно письмо, последнее...

После операции Григорьев никому уже не писал. Роковой конец приближался. Теперь он пришел...

Григорьева больше нет...

Я пишу эти слова и всё еще не могу поверить в то, что пишу, не могу проникнуть в их страшный смысл...

Февраль, 1939 г.

Н. М. Храбров

ЧТО-ТО зачастила к нам смерть. Что-то стала косить она беспощадно.

Только что мне сообщили по телефону о кончине генерала Н. М. Храброва. Он умер в вермонтской деревушке Тетфорд, в которой провел последние двадцать лет своей жизни.

*

Николай Михайлович Храбров родился в Нижнем Новгороде в 1869 году. Он получил военное образование — в Нижегородском Корпусе, в Михайловском Артиллерийском Училище и в Артиллерийской Академии. Произведен в первый офицерский чин в 1889 году, в генеральский — в 1913 году.

По окончании Академии всю службу провел в Главном Артиллерийском Управлении. Во время Русско-Японской войны Николай Михайлович был председателем Артиллерийской Комиссии по приему заказов в Германии. В 1916 году был назначен председателем Артиллерийской Комиссии в Америке, а после Февральской революции председателем всего Заготовительного Комитета.

После большевицкого переворота, когда американское правительство наложило арест на все суммы Российского правительства, Н. М. Храбров предложил Российскому послу принять в свое ведение ликвидацию дальнейшей заготовительной деятельности Комитета, а сам решил отправиться в Сибирь для участия в борьбе с большевиками.

В Омске Н. М. Храбров занимал должность Помощника Начальника Главы Артиллерийского Управления. После падения Омского правительства ему с женой удалось бежать, пробраться в Манчжурию, а оттуда через Японию вернуться в Соединенные Штаты.

Таков краткий биографический очерк жизни Николая Михайловича Храброва.

*

Николая Михайловича я знал больше по его статьям и письмам. Личных с ним встреч у меня были только две.

Хорошо помню первое наше свидание лет пятнадцать назад, когда Н. М. пришел навестить меня в редакцию. До этого он успел уже написать несколько статей для Нового Русского Слова.

Вспоминаю, как он поразил меня тогда скромностью, даже застенчивостью в манерах и твердостью в убеждениях. Потом статьи Н. М. и письма ко мне еще больше раскрыли эти основные черты его характера.

Типичный русский интеллигент, несмотря на свой генеральский чин, Николай Михайлович в юные годы своей жизни подпал под влияние лучших русских умов, проповедывавших уважение к человеческой личности, либерализм, просвещение народа и любовь к «униженным и оскорбленным», и усвоил их идеи, которым остался верен до конца жизни. Ни большевицкий переворот, ни гражданская война, в которой он был участником, ни появление новых тоталитарных теорий, ни общее одичание, которым теперь охвачены целые народы, не могли их изменить.

Н. М. Храбров верил, что правда и справедливость должны восторжествовать, и он всегда отстаивал старые, но вечно новые истины.

«Никогда в поле воин не бывает один», часто твердил он, переделав на свой вкус известную пословицу. И он был верен этой пословице и радовался, когда она подтверждалась.

*

Н. М. Храбров беззаветно и совершенно бескорыстно любил Россию. Эта любовь сказывалась в его статьях и еще больше в его письмах не предназначавшихся для печати.

> «Сколько горьких чувств накопилось за последнее время против России и русских...», жаловался он в одном письме.
>
> «Сильно меня возмутило, писал он в другом, официальное домогание Германии о снятии с нее ответственности за войну[1]. Оправдать ее, значит признать виновной Россию. Возмущенный, я принялся писать на защиту России, тем более, что как раз теперь наступает годовщина памятных событий. К счастью, нашлись у меня некоторые выписки, и память отчетливо сохранила наиболее существенное из всего прочитанного за последние десять лет по этому вопросу».

А в январе 1940 года он писал:

> «В январьской книжке Reader's Digest помещена очень красивая статья жены Линдберга «молитва о мире». В наших местах, вероятно, как и везде, она пользуется большим успехом, и, действительно, написана она очень талантливо. Но в ней, совершенно неожиданно, вставлен короткий, но крайне безобразный выпад против России. Дань ли это духу вре-

---

[1] Речь, конечно, шла о первой мировой войне. — *Автор.*

мени или умышленный прием немецкой пропаганды?».

*

В последние годы Николай Михайлович стал жаловаться на болезнь (грудная жаба) и готовиться к смерти.

В марте прошлого года он собирался дней на десять в Нью Иорк, чтобы «в последний раз попрощаться с ним, повидать Вас и своих старых знакомых».

Поездка вышла неудачной, т. к. на второй уже день Н. М. должен был вернуться в Тетфорд: неожиданно заболела его жена, Манефа Викторовна.

Больше Н. М. из Тетфорда не уезжал.

В конце мая он писал мне:

> «Тяжко невыразимо. Единственным отдыхом является физическая работа (Н. М. очень любил заниматься огородничеством), но много работать не позволяют «грудные лягушки». Ощущение такое, что кончается мой цикл истории и с его окончанием пора и самому уходить...».

*

Теперь он ушел.

В лице Н. М. Храброва русское зарубежье потеряло исключительно прекрасного человека, а Новое Русское Слово глубоко чтимого сотрудника, каждая статья которого обращала внимание и вызывала живые отклики.

Ноябрь, 1940 г.

Винстон Черчиль

СУДЬБА играет не только отдельными лицами, но и целыми народами. История Англии последних лет ярко подтверждает это.

В январе 1933 года Гитлер пришел к власти в Германии. И тогда сразу же обозначилась опасность, которая надвигалась на Англию. Правда, Гитлер искал дружбы с Англией и всячески льстил ей. Но он не скрывал своей ненависти к Франции и России.

С Францией Англия была в тесном союзе. Пустить Гитлера в Россию она не могла, если бы даже хотела: разгром России чрезвычайно усилил-бы Германию и сделал бы ее опасным соперником Англии. Вот почему будучи в Мюнхене, Чемберлэн не сумел столковаться с Гитлером за счет России. Правда, большевики и наци пустили слух, будто Чемберлен предлагал Гитлеру идти на Россию, а тот «благородно» отказался. Но даже Чемберлэн понимал всю невыгодность и опасность для Англии такой политики.

*

Англия стояла перед лицом грозной опасности. И никто лучше не предвидел ее, чем Винстон Черчиль. Он предупреждал об этой опасности и предлагал меры для борьбы с ней. Он требовал тесного сотрудничества с Францией и Соединенными Штатами, расправы с Гитлером, когда тот еще был слаб и плохо вооружен, недопущения вооружения Германии, усиленного вооружения Англии, особенно в воздухе, когда военная мощь Германии явно стала расти.

А в апреле 1933 года Черчиль заявил:

«Ничто не может спасти Англию, если она сама не спасет себя. Если мы потеряем веру в себя, в нашу способность руководить и управлять, если мы потеряем нашу волю жить, тогда наша повесть окончится. Англия превратится в пятиклассную державу, и ничего не останется от ее славы, кроме населения более многочисленного, чем наш остров может содержать... Весьма возможно, что самые славные страницы нашей истории еще будут написаны. В самом деле, проблемы и опасности нас окружающие должны радовать каждого англичанина, мужчину и женщину, радовать, что мы живем в такое время. Мы должны радоваться ответственности, которую судьба возложила на нас и гордиться тем, что мы охраняем нашу страну в век, когда ее существование в опасности».

Но эти пророческие слова Черчиля, как и все последующие его призывы и предсказания, не вызвали никакого отклика.

*

Черчиль — один из лучших ораторов Англии, но когда он подымался в Палате Общин, чтобы произнести речь, его часто слушали не больше дюжины депутатов. Остальные разбегались. Им хотелось покоя, а Черчиль тревожил и пугал их.

И в стране, и в парламенте Черчиля называли «сторонником» войны, «безумным дикарем» (это после его речи, в которой он сказал, что не верит заверениям Гитлера и требовал решительных мер против вооружающейся Германии), «слепым (!) и беспричинным паникером».

Черчиль предвидел, что Англия будет забрасываться с воздуха бомбами и требовал создания мощного воздушного флота, а парламент в ответ сократил и без того ничтожные суммы на военную авиацию.

Черчиль настаивал на механизации армии, на постройке большого числа танков — его детища во время первой мировой войны. Но никто в Англии не думал о танках. Зато Гитлер строил их в большом числе.

*

Судьба играла Англией. Она ослепила народ и не дала ему видеть, что в лице Черчиля он имеет единственного человека, способного предупредить грозящую Англии и всему миру опасность.

А между тем Черчиль не был сумасшедшим доктринером с незрелыми планами. Он рано обнаружил свой талант и свои недюжинные способности.

В недавно опубликованных воспоминаниях Марка Твэна есть страничка о Черчиле. Знаменитый юморист называет его «восходящим и блестящим молодым государственным деятелем» и рассказывает про свою первую с ним встречу в гостях.

Марк Твэн любил поговорить. Любил это и Черчиль. Оба удалились в отдельную комнату. Среди гостей стали гадать, кто кого заговорит и решили, что это будет Марк Твэн, как старший и более опытный говорун.

Когда Твэн и Черчиль вернулись в гостиную, их спросили:

— Ну, что наговорились вдоволь?

— Да! — сказал решительно Черчиль.

А Твэн процедил:

— Я курил...

Черчилю было тогда 23 года.

*

Уже тогда Черчиль умел не только говорить. Он уже успел побывать в двух походах, успел показать

себя смелым бойцом и талантливым журналистом. Великим оратором, государственным деятелем и лучшим историком Англии Черчиль стал позже.

Всю свою жизнь Черчиль был на виду у англичан. Служил своему народу на разных поприщах. Занимал, кажется, больше должностей, чем любой другой англичанин: министр колоний, министр торговли, первый лорд адмиралтейства, министр внутренних дел, военный министр, министр финансов, почти бессменный депутат парламента.

Он активно участвовал во всех английских походах и войнах последних десятков лет. И даже в минувшую войну, уйдя после галлиполийской неудачи из адмиралтейства, Черчиль отправился на фронт, на передовые позиции, где несколько раз чудом избег смерти.

Судьба хранила Черчиля для Англии.

Но та же судьба сделала так, что Англия не видела и не понимала могучей силы Черчиля. Не видела и не понимала, пока не грянула военная гроза, пока враждебные волны не стали неистово бить о самые берега Великобритании.

*

Винстон Черчиль стал во главе лондонского правительства в мае 1940 года, когда немецкие панцырные дивизии, поддерживаемые ныряющими Штуками, неудержимой лавиной катились на англичан, французов, бельгийцев и голландцев, сметая всё на своем пути.

Черчиль знал, что положение союзников самое отчаянное. Разве он не предупреждал? Разве он не громил Чемберлэна и его предшественников Болдвина и Мэк Доналда? Разве он не указывал на слабость обороны страны?

Поэтому, принимая власть, Черчиль сказал, обращаясь к Палате Общин, а через нее к Англии и ко всей Британской Империи:

«Я ничего не могу предложить вам, кроме крови и слез, труда и пота».

И народ, который раньше не хотел прислушиваться к призывам и предостережениям Черчиля, этот самый народ принял теперь и кровь, и пот, и труд, и слезы и без оглядки пошел за Черчилем по пути тяжелых испытаний и героических подвигов.

*

Несколько месяцев спустя Черчиль опять обратился по радио к населению Британской Империи и ее друзьям.

И в этой речи, всё еще полной грозных предупреждений и предсказаний тяжелых испытаний, впервые прозвучали слова спокойной уверенности в том, что течение, которое шло всё время против Англии, начинает поворачиваться в другую сторону. После ряда тяжких поражений военное счастье улыбнулось Англии. На море, на суше и в воздухе она одержала ряд значительных побед. Англия господствует в Средиземном море. Итальянская империя в Африке рушится. И в тот самый день, когда говорил Черчиль, английский флот бомбардировал Геную, а английские самолеты — Пизу и Ливорно.

Муссолини конченный диктатор. Фашизм — труп, поддерживаемый германскими штыками.

Конечно, еще остается главный враг — Гитлер. С ним придется бороться долго и отчаянно. Не мало крови будет еще пролито, не мало страданий будет перенесено. Но Черчиль уверен, что и здесь будет победа,

если только поможет Америка. Обращаясь к ней, он сказал:

«Дайте нам инструменты и мы закончим джоб».

Соединенные Штаты дадут эти инструменты, то-есть самолеты, танки, корабли и всякое другое военное снаряжение — в этом не может быть сомнения. И Черчиль закончит «джоб». В этом тоже не должно быть сомнений.

*

Но слушая речь Черчиля, я невольно подумал:

Вот говорит человек, голос которого напоминает рыкающего льва, человек, который так поразительно олицетворяет свой народ, так превосходно знает его.

И вот от этого человека Англия 20 лет отворачивалась, а когда он говорил ей и предупреждал о надвигающейся опасности, она затыкала уши.

Как это случилось?

Почему она повернулась к нему только тогда, когда казалось, что всё кончено, что спасения уже быть не может?

Почему она только теперь поняла, что великая нация не может жить без великих принципов, без идеалов, без национальной чести?

Февраль, 1941 г.

С. А. Кусевицкий

Выдающиеся люди бывают со странностями: С. А. Кусевицкий в свободное время пишет музыкально-философские трактаты и... никому их не показывает. Впрочем, странность ли это? Свою культурно-музыкальную деятельность Кусевицкий проводит на виду у всех: дирижер свою работу должен показывать постоянно. Естественно и понятно желание делать что-то только «для себя». А так как вся жизнь Кусевицкого — в музыке, то отсюда и музыкально-философские трактаты.

Всё интересно в этом человеке. Весь его необычайный жизненный путь, его безграничная любовь к искусству, насыщенная талантом и вдохновением, его исключительная вера в свое культурное призвание, его неустанное выдвигание новых музыкальных сил и огромная художественная работа проделанная им когда-то в России и теперь в Америке.

*

О знаменитом дирижере Бостонского Симфонического Оркестра — первого оркестра в мире — писали уже не мало. В 1930 году в Нью Иорке (в издательстве А. Кнопфа) вышла на английском языке биография С. А. Кусевицкого. Странная книга. В ней много о музыке (автор ее — композитор), много об эпохе Кусевицкого, но в ней нет совершенно Кусевицкого-человека, если не считать некоторых отрывочных биографических сведений. Когда я указал на это Кусевицкому, он ответил:

«Вы правы. Лурье даже не упомянул о моем происхождении. Я родился в ортодоксальной еврейской семье, горжусь этим, как горжусь и тем, что я — человек русской культуры. Музыкальные способности я унаследовал от моих родителей (отец Кусевицкого играл на скрипке, мать — на пианино). Но любовь к искусству я впитал с русской литературой. Я пристрастился к книгам в ранней юности и читал запоем».

Книги открыли мальчику большой и чудесный мир, лежавший далеко за горизонтом его родного Вышнего-Волочка. Его потянуло в этот мир.

*

Мать Кусевицкого умерла, когда мальчику было три года; отец стремлений сына к музыкальной карьере не понимал и не одобрял. Мальчик решил: «надо бежать». В этом шаге сказался весь Кусевицкий. Он ставит себе цель и идет к ней, преодолевая все препятствия на своем пути. С тремя рублями в кармане мальчик тайком оставил отчий дом. «Москва, как много в этом звуке...». Кусевицкий сошел с поезда в Москве без гроша в кармане, без родных и друзей. Это было поздней осенью 1888 года. Ему было 14 лет.

Мальчик бросился в консерваторию. Поздно: занятия уже начались, экзамены кончились. В Филармонической школе тоже отказ: «придется ждать до следующего года».

Мальчик расплакался: «я не могу ждать... я не хочу ждать... я хочу учиться... я должен, я буду учиться... я не уйду... Вы не смеете меня прогнать... Вы должны помочь мне... Дайте мне возможность учиться»...

Директор Шестаковский с трудом успокоил мальчика. Его тут же экзаменовали: абсолютный слух и

прекрасная музыкальная память. Принят. Осталось выбрать инструмент. На контрабасе учиться играть можно бесплатно и вдобавок получить небольшую стипендию.

Кусевицкий стал контрабасистом.

*

Минуло 10 лет, Кусевицкий контрабасист-виртуоз. Его уже знают в России, в Берлине, Дрездене и Париже. Но он не забывает своей юной мечты — стать дирижером. Он дебютирует в этой роли с берлинской Филармонией. Успех. Молодого дирижера приглашают в Лондон, Париж и Вену. Он встречается с знаменитым дирижером Никишем, с композиторами: Штраус, Дебюсси, Скрябин...

В 1901 году произошла у Кусевицкого еще одна знаменательная встреча. Девушку звали Наталья Константиновна Ушкова. Она стала женой Кусевицкого. Ее отец был очень богат: владелец фирмы «Губкин и Кузнецов». Зять-дирижер ему полюбился. Он бывало говорил ему: «Серж, вот мой карман, бери из него сколько хочешь».

После европейских успехов Кусевицкий возвратился в Россию и сразу развернул огромную деятельность. Основал музыкальное издательство. Создал симфонический оркестр из 85 человек, хор из 250 человек. Давал камерные концерты. Музыкальные торжества: Бетховенский цикл — в 1911 году; Чайковского — в 1912; Баха — в 1913. Устраивал популярные военные концерты. Разъезжал со своим оркестром по югу России и вниз по Волге. Останавливался в городах, в которых до него не видали даже симфонического оркестра. Приглашал из-за границы музыкантов и дирижеров: Дебюсси, Никиш. Одним словом, его культурно-музыкальная деятельность кипела ключом...

Но пришли военные годы. Потом революция. За ней последовал большевицкий переворот. Работать становилось всё труднее.

В 1920 году Кусевицкий добился разрешения на выезд за-границу.

Не знаю, сказал ли, прошептал ли Кусевицкий, переезжая рубеж: «Прощай Россия!» Ведь уезжал на короткое время, «пока всё это кончится». А «это» не кончалось...

Кусевицкий дирижирует в столицах Европы. Но там ему тесно. Его кипучей натуре негде развернуться. Поэтому он рад приглашению управлять Бостонским Симфоническим Оркестром. Америка — широкое, еще не вспаханное поле. Может быть, в Америке удастся сделать то, что так внезапно оборвалось в России.

В 1924 году Кусевицкий приезжает в Соединенные Штаты. Открывается новая блестящая страница в его жизни и деятельности.

*

В свои приезды в Нью Иорк С. А. Кусевицкий останавливается в Савой-Плаза. Это его постоянная здесь квартира. Из ее широких окон на 26 этаже открывается чудесная панорама наступающих друг на друга нью-иоркских громад... За ними серебряная кайма — Ист Ривер, а за ней, уходящий в даль Лонг-Айлэнд.

Но в этот день мне не до Нью Иорка. Я слушаю С. А. Кусевицкого.

«Бостонский Симфонический Оркестр когда-то считался одним из лучших, это в те годы, когда им дирижировали Никиш и Карл Мук. Затем оркестр пришел в упадок. Через две недели после моего приезда

я пришел к заключению: оркестр нуждается в коренных реформах, иначе работать не имеет смысла. Я заявил директорам: останусь, если дадите полную свободу действий.

Меня спросили: «А что вы намерены сделать?»

«В первую очередь уволить неспособных музыкантов, дать пенсию старикам, восстановить дисциплину в оркестре».

«А где вы возьмете новых музыкантов?»

«Привезу из Европы...».

В Бостоне поднялся скандал. Музыканты оркестра имели родных и друзей. Они вращались в обществе. Подняли крик: «выгоняют американцев, наводняют оркестр иностранцами».

Кусевицкого пробовали было уговорить: не помогло.

«Я уехал, — рассказывает он, — в Европу и привез оттуда в первый год 27 музыкантов, во второй — 36. Во Франции я взял лучших струнных музыкантов, в Германии — лучших духовых».

Перемены продолжались и в следующие годы. Но бостонцы больше не волновались. Они убедились, что оркестр возрождается и что к нему возвращается былая слава.

*

Это много, но далеко не всё, что сделал С. А. Кусевицкий для насаждения музыки в Америке. В России он популяризировал европейских композиторов. В Западной Европе — русских. Здесь он стал выдвигать американских композиторов: Коплэнда, Рой Хэрриса, Сешона и многих других. И опять-таки, это не обошлось без борьбы с косностью и предрассудками.

Кусевицкий рассказывает:

«У Коплэнда есть талантливое произведение «Музыка для театра». Теперь эту вещь играют по всей Америке. А как трудно мне было ее выдвинуть. В Бостоне публика «Музыку для театра» выслушала с обычной вежливостью. В Нью Иорке ее разругали. Но хуже всего вышло в Бруклине. Там директора Академии Музыки настойчиво потребовали: больше такой музыки не играть, потому что не будет сборов. Я говорю им: Коплэнд ваш — бруклинский композитор. Я хотел вам доставить удовольствие, а они свое: «не хотим его музыки».

Кусевицкий смеется:

«Я отомстил бруклинцам. Коплэнд стал популярным. Я всюду играл его вещи, но не в Бруклине. Через семь лет директора, наконец, попросили включить в программу произведения «нашего бруклинца» Коплэнда».

*

Кусевицкому всё мало. В России его заветной мечтой было создать музыкальный центр. Начал. Революция всё оборвала. Мечта возродилась в Америке. В первый раз в 1929 году. Грянула депрессия и попытка канула в лету.

В 1936 году новая попытка. Начало скромное: концерты в Стокбридже. В первый год три концерта, в следующий шесть, потом девять. Молва об этих фестивалях ширится. Люди приезжают в Стокбридж со всех концов страны, из Канады и Мексики...

Но это еще не Музыкальный Центр. О нем Кусевицкий не перестает говорить, писать и убеждать: «Соединенные Штаты могут и должны иметь такой центр. Американская свобода — лучшая для него поч-

ва. Американские финансовые рессурсы сделают возможным его осуществление. Быстрый рост американской культуры делает его необходимым...».

Кусевицкий мечтает вслух:

«Мы создадим Академию Музыки и Искусства; величайшие композиторы будут преподавать в ней композицию; величайшие виртуозы — искусство превосходной игры; величайшие дирижеры — тайны управления оркестрами и хорами. Выдающиеся мыслители и ученые будут читать в ней лекции...».

И мечты претворяются в действительность.

Кусевицкий увлекает за собой солидных директоров Бостонского Симфонического Оркестра, музыкантов, критиков.

*

Однажды к Кусевицкому пришла американка — миссис Горэм Брукс — и предлагает свое имение в Беркширских горах для Музыкального Центра.

Имение называется Тэнглвуд. Кусевицкий никогда о нем не слыхал. Он благодарит даму и обещает подумать.

Приходит «менэджер» оркестра и Кусевицкий спрашивает его, подходит ли Тэнглвуд для фестивалей.

«Подходит ли Тэнглвуд?», — восклицает «менэджер». — «Это одно из самых красивых мест в Беркширских горах. Но безумие даже мечтать о нем».

«Почему?».

«Это историческое имение. О нем много написано в американской литературе. Там бывал Эмерсон. Там Хоторн написал свои сказки Тэнглвуда. Владелица Тэнглвуда — миссис Брукс очень богата и никогда не согласится продать имение».

«А я дарю его вам», говорит Кусевицкий.

«Менэджер» кричит:

«Вы с ума сошли?».

Кусевицкий смеется:

«Я в полном уме и здравии. Миссис Брукс сегодня была у меня и предлагает свое имение».

«Менэджер», рассказывает Кусевицкий, «когда услышал об этом, завертелся на одной ноге».

*

Так на американской земле одна за другой осуществились мечты русского дирижера: руководить прекрасным оркестром, выдвигать молодые силы, создать Центр для насаждения в стране музыки и других искусств.

Америка дала всё это Кусевицкому. Она дала ему и многое другое: спокойную и свободную жизнь, почести (он доктор шести университетов) и славу.

А Кусевицкий за это отдал ей всего себя: свой талант, свою огромную энергию, свою любовь к искусству и, наконец, свою верность.

Недели две назад все газеты облетела телеграмма: «Д-р С. А. Кусевицкий, его жена и племянница, Ольга Наумова, приняли американское гражданство».

Мне С. А. объяснил это так:

«Я ждал много лет. Я не торопился менять одну родину на другую. Только глубокое убеждение, что Америка — единственная страна, где люди могут посвятить свою жизнь тому, во что они верят, только сознание, что здесь, наконец, я могу осуществить то, о чем я мечтал в России привели меня к этому шагу».

Март, 1941 г.

Генерал Доглэс МэкАртур

Республиканский конгрессмэн Дж. Парнелл Томас из Нью Джерзи внес в военную комиссию Дома Представителей предложение о награждении генерала Доглэса МэкАртура медалью Конгресса «за исключительную доблесть и неустрашимость далеко превышающие требования долга».

Можно с уверенностью сказать, что генерал МэкАртур высшее американское военное отличие получит. Он его заслужил, и не только за доблесть и неустрашимость, — доблестных и неустрашимых генералов не мало, — не только за талантливое руководство филиппинской кампанией, а еще больше за то, что он воплотил в себе лучший образ военачальника, за то, что в мрачную историю второй мировой войны он вписал (и продолжает вписывать) яркие страницы героической борьбы и рыцарского поведения.

*

О защите Филиппин в американских военных кругах господствовало такое мнение:

Острова слишком далеки от Соединенных Штатов, чтобы их можно было успешно защищать. В случае войны с Японией, их придется временно оставить на произвол судьбы.

Генерал МэкАртур держался иного мнения. Свои молодые годы он провел на Филиппинах, где его отец, выдающийся участник гражданской и испанской войны и, к слову сказать, тоже награжденный медалью Конгресса, был генерал-губернатором.

Молодой МэкАртур хорошо изучил острова и их многоплеменное население и горячо доказывал, что Филиппины могут и должны быть защищаемы.

В 1935 году он оставил высокий пост начальника американского генерального штаба для того, чтобы по просьбе филиппинского президента Квезона и по поручению президента Рузвельта заняться организацией обороны Филиппин.

Не мешает напомнить, что на посту начальника генерального штаба МэкАртур предсказал нынешнюю войну через несколько месяцев после прихода Гитлера к власти.

В своем годовом докладе в 1934 году он писал, что главную роль в грядущей войне будут играть танки и самолеты, что будут массовые бои в воздухе и частые бомбардировки городов, что «производством и доставкой средств убийства будет занято всё население каждой из воюющих стран».

МэкАртур просил Конгресс отпустить несколько сот миллионов на моторизацию и механизацию армии. Но Конгресс тогда был скуп. Конгрессмэны в неизбежность войны не верили и МэкАртуру денег не дали.

*

На Филиппинах генералу МэкАртуру пришлось начать буквально с азов.

Семь тысяч с лишним островов с общей береговой линией в 11,444 мили имели всего несколько укрепленных пунктов, среди которых выделялась превосходная крепость Коррегидор, расположенная на острове, у входа в Манильскую бухту. Собственной армии филиппинцы не имели. Охранную службу несли несколько тысяч американских солдат, плохо обученных и слабо

вооруженных, и несколько американских военных кораблей.

Через год после своего назначения военным советником при филиппинском правительстве генерал МэкАртур разработал свой план организации обороны, который должен был превратить Филиппины в неприступную крепость и «заставить задуматься самого бесжалостного и жестокого завоевателя».

Война вспыхнула, когда МэкАртур едва успел выполнить часть своего плана. Японцы бросили на острова огромные силы. Они сразу установили свое нераздельное господство в воздухе и в Филиппинских водах. Высадились в разных пунктах Лузона и поставили малочисленную и лишенную воздушной защиты и танков армию МэкАртура в почти безвыходное положение МэкАртур, однако, не растерялся. Искусным маневром он соединил свои небольшие американо-филиппинские войска и двинул их на гористый и сплошь покрытый лесом Батанский полуостров.

Там МэкАртур засел в «лисьих норах», где день за днем отбивал все японские атаки с суши и с моря.

Своей блестящей защитой МэкАртур «прикрепил» к Батанскому полуострову большие японские силы, которые неприятель мог бы использовать в другом месте. Пока держатся Батанский полуостров и Коррегидор, японцы не могут считать себя хозяевами Филиппин, и они не могут пользоваться гаванью Манилы, считающейся лучшей на Дальнем Востоке.

Февраль, 1942 г.

Настоящий Линкольн

В СВОИХ содержательных заметках о Линкольне Александр Браиловский дает яркий портрет великого президента, память которого благоговейно чтит вся Америка, а вместе с ней все униженные и оскорбленные во всем подлунном мире.

Это не преувеличение: о Линкольне песни поют и сказки рассказывают и в заброшенных деревнях Китая, и в горных аулах Кавказа, и в дебрях Африки, где все черные знают про великого белого человека, освободившего их американских сородичей от тяжелых цепей рабства.

Линкольн стал легендарной личностью и легенда о нем часто осиливает простую правду истории.

Повидимому, влиянию легенды поддался и Александр Браиловский, когда он написал следующие строки:

«Линкольн останется в памяти человечества, как освободитель, как человек «узурпаторски» (побольше бы таких узурпаторов!), отменивший президентским декретом рабство в Соединенных Штатах. Теперь задним числом вспоминают, что подавляя восстание рабовладельцев, Линкольн не требовал отмены рабства в рабовладельческих штатах. Освобождение рабов, говорят, было только военной мерой. Какой поверхностный взгляд! Линкольн ненавидел рабство не меньше, чем его ненавидел пылкий и суровый фанатик Джон Браун. Но не героическая вспышка Брауна, а терпеливая настойчивость Линкольна положила рабовладению конец».

*

История говорит об этом несколько иное. И Александр Браиловский (не в пример покойному Троцкому, с которым я полемизировал по этому вопросу года два назад) знает американскую историю. По крайней мере, в своем кратком очерке истории Соединенных Штатов, напечатанном в Календаре-Справочнике Н. Н. Мартьянова на 1942 год, он пишет: «В начале войны Линкольн целью ее объявил не освобождение, но восстановление единства страны».

Я иду дальше. Я утверждаю, что и в начале войны, и в конце ее главной целью Линкольна было сохранение единства страны, и что ради этой цели он готов был пойти на любые уступки и любые соглашения по всем другим вопросам и конечно, по вопросу об отмене рабства.

Республиканцы, избрав Линкольна своим кандидатом, объявили в своей предвыборной программе, что так как рабство — моральное и политическое зло, то распространение его на свободные от рабства штаты и территории должно быть запрещено.

Тем не менее, Линкольн в своей инавгурационной речи пошел так далеко, навстречу первым семи рабовладельческим штатам, уже объявившим о своем выходе из Союза, что крайние противники рабства не замедлили высказать свое возмущение этой речью.

Линкольн сказал что он не намерен прямо или косвенно ограничивать рабство в тех штатах, где оно существует и признал, что у него нет законного права на такое вмешательство в дела штатов. Он выразил готовность выполнять все рабовладельческие законы, проведенные усилиями южан.

Но в той же речи Линкольн заявил, что Союз стар-

ше конституции, что конституция была принята, чтобы «создать более совершенный Союз»; что «никакой штат не имеет права только по своему желанию выйти из Союза» и что все меры выхода из Союза, принятые семью штатами не имеют законного основания. Союз нерасторжим и президент примет все меры, чтобы сохранить его таковым.

Смысл всего этого ясен: Линкольн готов был примириться с рабством в южных штатах при условии, что эти штаты вернутся в Союз.

Рабовладельческие штаты вернуться в Союз отказались. Больше того, своим нападением на форт Сомтер они первые начали войну, самую кровавую и продолжительную в истории Соединенных Штатов.

*

Война продолжалась полтора года, прежде чем всплыл вопрос об освобождении рабов.

22 июля 1862 года Линкольн сообщил кабинету министров о своем намерении издать декрет об освобождении рабов. Декрет уже был им написан, и Линкольн тут же прочитал его. Однако, опубликование декрета было задержано на два месяца и все министры хранили о нем молчание.

В это время Хорэс Грили, знаменитый редактор газеты «Нью Иорк Трибюн» (теперь «Хералд-Трибюн») и ярый противник рабства в открытом письме к Президенту потребовал, чтобы тот приступил к отмене рабовладельческих законов.

Линкольн ответил ему, что лично он желает, чтобы все люди были свободны, но его главный и прямой долг — «спасти единство Союза с рабством или без него».

Только 22 сентября 1862 года Линкольн в особом воззвании объявил, что рабы тех штатов, которые к 1 января 1863 года не вернутся в Союз, будут считаться навсегда свободными.

Рабовладельческим штатам, два года воевавшим против Союза, были даны еще 100 дней, чтобы образумиться и вернуться в Союз. Они не воспользовались отсрочкой.

Тот факт, что декрет об освобождении негров не распространялся на те рабовладельческие штаты, которые не вышли из Союза, лучше всего подтверждает, что освобождение негров, главным образом, преследовало военные цели. Оно должно было вызвать бегство негров с плантаций и расстройство экономического быта Юга.

В последние годы раскрылось новое и чрезвычайно важное обстоятельство. Стало известно, что в конце третьего года войны Линкольн имел тайное свидание с представителями южан недалеко от Вашингтона.

Южане спросили президента, каковы его условия мира. Линкольн взял со стола чистый лист бумаги и, написал на нем слово: «Союз», передал его южанам со словами: «Припишите к этому ваши условия, и я под ними подпишусь».

Ясно, что Линкольн и тогда еще готов был пойти на все уступки по вопросу о рабстве ради сохранения целостности Союза.

*

Таковы исторические факты. Они не согласуются с творимой легендой. Но они ничуть не умаляют величия Линкольна, напротив возвеличивают его. Они показывают, что Линкольн не только великий освободи-

тель, но и великий президент, великий государственный человек.

Линкольн ненавидел рабство не меньше, чем его ненавидел, погибший в борьбе с рабством, Джон Браун. Но представим себе, что не Линкольн, а Джон Браун оказался бы на посту президента в те роковые годы. Что произошло бы? Ответ ясен: Союз распался бы. У фанатичного и догматического Джона Брауна не хватило бы ни государственной мудрости, ни изумительного линкольновского терпения, чтобы пойти на какое бы то ни было соглашение с южанами.

Правда, южане отказались идти навстречу Линкольну и война не была избегнута. Но зато она была выиграна, потому что своей умеренностью и готовностью пойти на компромисс Линкольн сумел объединить вокруг себя и республиканцев, и демократов во всех северных и западных штатах и вести их за собой все четыре года страшной междуусобицы.

Только таким путем можно было идти к победе и к восстановлению целостности Союза.

Линкольн, короче говоря, не был доктринером, а великим государственным человеком. Он болел душой за негров и стремился к уничтожению рабства, но вместе с большинством народа считал, что рабство — пережиток, который уйдет в историю и что главная задача — сохрание целостности Соединенных Штатов и предотвращение балканизации Северо-Американского материка, при которой свободная жизнь населения, какой мы ее знаем сейчас, не была бы возможной.

Февраль, 1942 г.

Гражданин Томас Пэйн

Четвертого июля, в День Независимости, в Нью Рошелл была торжественная церемония. Под председательством мэра города состоялось восстановление в гражданских правах Томаса Пэйна, выдающегося деятеля американской революции. Пэйн был лишен права голоса 139 лет назад. Существует такое описание этого инцидента:

«Он стоял в очереди, стараясь не слышать грубых замечаний по своему адресу, и когда пришел его черед твердо произнес:

— Томас Пэйн, сэр!

— Что вам здесь нужно?

— Это избирательная комиссия, не так ли? Я хочу внести свое имя в избирательные списки.

Они переглянулись: — Только граждане голосуют.

Пэйн потряс головой: — Я Томас Пэйн — повторил он с гневной складкой вокруг старческих глаз.

— Мы это знаем. Однако, вы не гражданин Соединенных Штатов.

Старик недоуменно покачал головой. Он был грязен с пятнами нюхательного табака на рубашке, со спустившимися у колен чулками. Его руки дрожали. Инспектор терпеливо объяснил ему:

— Мы не записываем иностранцев, только граждан. Вы не пользуетесь правом голоса и вы задерживаете очередь.

— Но Конгресс даровал гражданство всем солдатам революции.

— Вы никогда не были солдатом революции, — ответил с улыбкой инспектор.

— Но я Пэйн, Томас Пэйн, понимаете ли вы?

— Пожалуйста уходите, вы задерживаете публику.

— Но я должен голосовать, я должен голосовать. Поймите, я должен голосовать, это мое право...»

*

Произошла эта сцена в 1806 году в живописной деревушке Нью Рошелл, основанной на Лонг Айлэндском заливе французскими гугенотами в 1688 году.

Гугеноты бежали из Франции в поисках религиозной и политической свободы. Но ко времени революции их потомки были в Нью Рошелл ярыми тори. Они не участвовали в войне за независимость и помогали британским войскам. Они остались консерваторами и после революции и в 1806 году были ярыми противниками Томаса Джефферсона. Томас Пэйн был его сторонником и другом.

Среди ярких фигур, выдвинутых американской революцией, Томас Пэйн занимает исключительное место. Джордж Вашингтон был полководцем революции; Томас Джефферсон — ее основоположником; Пэтрик Хэнри — ее Демосфеном, Ричард Хэнри Ли — ее Цицероном; Бенджамэн Франклин — ее дипломатом; Филипп Френо — ее поэтом; Томас Пэйн — ее памфлетистом.

Вокруг личности Томаса Пэйна до сих пор ведутся ожесточенные споры. Для одних он неутомимый борец за свободу и справедливость, символ несокрушимого духа протеста против всех форм угнетения; для других он чудовище во образе человеческом, озлобленный неудачник, неугомонный дух разрушения,

враг общества и религии. Но все сходятся в оценке услуг, оказанных Пэйном делу американской революции. Джордж Вашингтон, впоследствии не взлюбивший Пэйна, признавал, что его книга «Здравый смысл» произвела «огромную перемену в умах многих людей».

*

Томас Пэйн родился в Англии, в бедной семье квакеров. В молодости он испробовал различные профессии. Прослыл неудачником, пропойцей, плохим семьянином и неуживчивым человеком. Франклин, находившийся тогда в Англии, помог ему уехать в Америку. Здесь он скоро сделался редактором небольшого журнала в Филадельфии. Но и на этом месте удержался недолго. Пэйн нашел себя с первыми раскатами революционного грома. Битва под Лексингтоном превратила его в революционера. В январе 1776 года вышла его книга «Здравый смысл». В очень сильных и убедительных выражениях Пэйн доказывал, что колонии должны добиваться полной независимости от Англии, что это их право и обязанность. Книга произвела глубочайшее впечатление на американских колонистов. Многие ее выражения вошли в общее употребление и нашли свое отражение в самой конституции. Только с ее появлением началось открытое движение в пользу независимости.

Когда в первые годы войны колонисты терпели поражения, Пэйн вдохновлял их своими статьями под общим названием «кризис».

Пэйн шел дальше своих современников, дальше всех остальных вождей революции. Он мечтал об искоренении рабства и привилегированных классов, требовал (уже в то время) введения государственной пен-

сии для трудящихся, для престарелых и неспособных к труду.

Бунтарь по натуре, Пэйн жил только воздухом революции. Когда взбаламученное американское море стало успокаиваться, Пэйн перенес свою деятельность в Европу, где надвигалась Великая Французская Революция.

В Англии Пэйн выпустил книгу «Права человека», содержащую призыв к свержению королей и правящих классов. Книга получила широкое распространение и встревоженное ее успехом английское правительство предало автора суду по обвинению в измене. Но Пэйн до суда бежал во Францию, где департамент Калэ заочно избрал его членом конвента.

*

Пэйн не поладил и с якобинцами. Робеспьер заподозрил в нем иностранного агента и добился его заключения в тюрьму. Он только случайно спасся от гильотины.

Перед своим арестом Пэйн написал первую часть своей книги «Век Разума». Вторую часть он закончил во время десятимесячного пребывания в тюрьме. Книга содержит резкую критику официальной религии, связанной с предрассудками и политическими системами. В противовес Пэйн проповедывал деизм — чистую мораль «естественной» религии.

«Век Разума» вызвал бурю негодования и в Соединенных Штатах и в Англии. Пэйна объявили безбожником, врагом христианства.

Тем не менее в Америке были люди, которые не забыли заслуг Пэйна перед революцией. Джэймс Монро, будущий президент, был одним из них. Назначен-

ный посланником во Францию, он принял участие в судьбе Пэйна и вступился за него перед Комитетом Общественного Спасения. Робеспьер вскоре пал и Пэйн был восстановлен в правах французского гражданства и члена Национального Собрания.

Во Франции надвигалась эпоха Наполеона. Пэйну нечего там было больше делать. Разочарованный и больной он вернулся в Соединенные Штаты. Здесь Конгресс в воздаяние заслуг Пэйна перед революцией подарил ему имение под Нью Рошелл и значительную сумму денег.

Но враги Пэйна не утихомирились. Одни не могли простить ему его грубого письма к Вашингтону, в котором он отрицал военные таланты «отца революции» и резко критиковал его президентскую политику. Другие не забыли борьбы Пэйна с религией. Третьи вроде тори в Нью Рошелл ненавидели его, как ниспровергателя основ.

Эти преследовали Пэйна и после смерти. Они вырвали цветы над его могилой, разбили в куски надгробную плиту. Некий Вильям Коббетт вырыл останки Пэйна и увез в Англию с намерением выставить их напоказ в разных городах страны. Английское правительство запретило такое глумление над мертвым.

Останки Томаса Пэйна исчезли где-то в Англии и никто не знает, где они погребены.

В доме, в котором жил Пэйн в Нью Рошелл, теперь находится исторический музей его имени.

1945 г.

«Федька» Эренбург

ПЕРЕДО мною номер «Известий» с полным текстом речи Ильи Эренбурга на пресловутом венском «Конгрессе народов в защиту мира». Читаю эту речь и вдруг вспоминаю, что давно, еще лет двадцать пять назад, а то и больше, кто-то гневно бросил по адресу Эренбурга: «Блудливый козел!». Меткое определение! Вся венская речь Эренбурга полна блудливых слов.

Бог дал Эренбургу талант. Он его изгадил, испачкал в нечистотах и отдал на службу злодеям. Бог наградил его умом и даром слова. А он использовал их на то, чтобы черное выдавать за белое, зло называть добром, ложь — правдой, рабство — свободой, диктатуру — демократией...

Эренбург служит этой диктатуре, он постоянно у нее на побегушках; служит ей за те крохи земных благ, которыми она его награждает, служит не верой и не правдой — он давно потерял веру и забыл, что такое правда. Человек с опустошенной душой, он бросает слова, часто меткие, но притворные, произносит фразы внешне красивые, но совершенно лишенные вдохновения, потому что вдохновить могут только вера и убежденность, способность самостоятельно мыслить и свободно говорить.

У Эренбурга давно уже ничего этого нет, а есть только голый цинизм — им он пропитан до мозга костей.

*

В своей венской речи Эренбург собственными словами передавал чужие, сталинские мысли и планы;

изображал всё шиворот на выворот — так, как это нужно было кремлевскому «миротворцу».

От имени советской делегации Эренбург приветствовал участников «высокой ассамблеи» жаждущих «закрыть дорогу войне».

Эренбург не наивен, не фанатичен и достаточно умен, чтобы знать, кто открыл дорогу войне и кто может ее закрыть, кто начал агрессию в Корее и кто может прекратить ее по телефону, кто сеет смуту и строит козни во всем мире. Но бесстыдные слова так и льются из его уст. «Движение за мир началось в глубине возмущенных сердец, оно быстро разрослось, пересекло наш век, связало народы. Такого движения еще не знала история».

Пустые, бессодержательные фразы, кроме одной. Такого движения история действительно еще не знала. Ни один из завоевателей прошлого не догадался проповедью мира прикрывать свои военные действия. У Чингис-ханов и Атилл не было Эренбургов, кричавших «нужно сделать всё, что мы можем, но только спасти мир», в то самое время, когда они отдавали целые области и страны на поток и разграбление.

*

От кого защищает мир Эренбург? От «вашингтонских правителей», от американских сенаторов и генералов. «Правители страны, которая начала свое существование с декларации независимости, теперь выступают против независимости других стран, уверяя, что понятие суверенитета устарело и не соответствует требованиям времени».

Вслед за другими кремлевскими пропагандистами Эренбург повторяет сталинскую ложь об американской агрессии, о завоевательных планах Соединенных Шта-

тов. Но надо признать — у него гораздо бо́льшая ловкость рук. Он подбирает подслушанные здесь и там слова, выхватывает со страниц свободной печати отдельные фразы, прибавляет к ним крупицы правды вместе с большой дозой отсебятины и творит из всего этого чудовищную ложь.

Поэтому получается, что «вашингтонские правители», пользуясь «пугалом советской агрессии», лишают независимости государства западной Европы и Латинской Америки. «Новые варвары» повсюду устанавливают свой протекторат, вмешиваются во внутреннюю жизнь народов. «Они не только препятствуют культурным и экономическим связям, они чернят доброе имя народов».

В пространной речи Эренбурга ни слова, конечно, нет о том, что сделала Америка для экономического восстановления государств Западной Европы, а ее старания объединить эти государства в единый экономический и политический союз он называет покушением на их национальную независимость.

Империю Карла Великого никогда делить не надо было. Раздел этот был главной причиной бесконечных войн и раздоров. Теперь Западной Европе угрожает судьба Восточной, уже подпавшей под сталинское ярмо. Спасти ее могут только объединение в федерацию и поддержка Соединенных Штатов.

В Западной Европе процветают нейтрализм и пораженчество, усердно поддерживаемые сталинской пропагандой. И в Вене Эренбург делал реверансы в сторону нейтралистов и защищал государства Западной Европы от американских посягательств на их суверенитет.

*

В сорок седьмом году холодная война не имела еще нынешней своей остроты. На Западе считали сговор с Москвой возможным — надо только что-то Москве объяснить что-то ей доказать. Кому-то в Вашингтоне взбрело на ум пригласить сюда советских писателей, чтобы показать им подлинную Америку, миролюбивую Америку. Вот тогда Эренбург (вместе с Симоновым и Галактионовым) побывал в Америке в качестве гостя «вашингтонских правителей».

Свои американские впечатления Эренбург описал в советских газетах, потом выпустил их отдельной книгой. Они написаны живо, но очень поверхностно. В них острота глаза — автор действительно многое здесь увидел. Но толкует он это виденное вкривь и вкось, с явными преувеличениями, а то и измышлениями.

Всё же «гостю» трудно было скрыть свое восхищение многим, что он увидел здесь. Впрочем, в Москве тогда еще не запрещалось признавать, что есть кое-что хорошее и в Америке. Америка, писал Эренбург «не только своеобразная, это и многообразная страна, ее трудно понять». У нее очень высокая литература и в Западной Европе «нелегко теперь найти писателей равных Хемингвэйю, Фолкнеру, Стайнбеку, Колдвеллу...»

В своей венской речи Эренбург говорил уже другое. Америка населена «новыми варварами», «юродивыми сенаторами» и «чумными блохами». Американская литература представлена «Ридерс Дайджестами». Хемингвэй и другие писатели, вызвавшие такие восторги Эренбурга, забыты.

Эренбург помнит «оскорбительные и незаслужен-

ные слова о Франции и о французском народе, оброненные генералом Айзенхауэром». Он помнит «возмутительное суждение об Италии приятного журналиста при адмирале Карни». Человек с такой блестящей памятью не может, конечно, не помнить собственных клеветнических статей о гнилом Западе, о растленной, обреченной на гибель Франции, о проклятом Париже, о русском шофере-белогвардейце, предложившем ему, Эренбургу, собственную жену. То была мерзкая выдумка, увы, не первая и не последняя. Она нужна была Эренбургу, чтобы заслужить прощение кремлевских владык, чтобы заставить их забыть свои громовые статьи против них, свое бегство из Советского рая. Оттого так старается он, так противно прислуживается.

*

Щедринский градоначальник Бородавкин потребовал у глуповцев выдачи ему того, кто «память любезнейшей моей родительницы в стихах оскорбил». Но, когда пред ним предстал автор этих стихов, белокурый малый Федька, Бородавкин только расхохотался, потом отступил немного, «словно, желая осмотреть виноватого», подумал «мазнуть ли ему Федьку по лицу или наказать иным образом» и придумал:

— Слушай! — сказал он, слегка поправив Федькину челюсть: — так как ты память моей родительницы обесславил, то ты же впредь каждый день должен сию драгоценную мне память в стихах прославлять, и стихи же ко мне приносить!».

Точно таким образом Сталин поступил с Эренбургом. Сделал его своим «Федькой».

Января, 1953 г.

Семидесятилетие В. И. Шимкина

СЕГОДНЯ Виктору Исааковичу Шимкину, издателю Нового Русского Слова, исполняется семьдесят лет. Дату эту предполагалось отметить банкетом. Но В. И. наотрез отказался от всяких чествований. Пришлось ограничиться этой скромной статьей.

В. И. Шимкин родился в Керчи, на крымском побережьи, в интеллигентной еврейской семье. В благодатном Крыму прошли его детство и юность. Он учился в Керченской гимназии. Потом уехал в Петербург, официально, чтобы получить высшее образование, а на самом деле, чтобы, как тогда полагалось, принять участие в Освободительном движении. В. И. примкнул к меньшевикам. Вскоре был арестован, судим и сослан в Сибирь, в Туруханский край. Оттуда он бежал; перешел на нелегальное положение; скрывался некоторое время в Петербурге; потом уехал в Америку, думал на время, оказалось навсегда.

Два любопытных штриха, характеризующих эпоху.

В тюрьме В. И. читал «Капитал» Карла Маркса, выданный ему из тюремной библиотеки. Не знаю, есть ли теперь в СССР тюремные библиотеки и выдают ли из них заключенным книги. Во всяком случае книг Троцкого, Бухарина или нового еретика, а то и шпиона, Вознесенского в них не найти. Возможное при «проклятом» царском режиме, стало немыслимым в царстве сталинского социализма.

Бежав из Сибири, В. И. скрывался в Петербурге на квартире большевиков. В те годы РСДРП была еще едина, хотя и делилась на две фракции. Однажды на квартиру пришла группа большевиков и начала обсуж-

дать партийные дела. Хозяин многозначительно мигнул на присутствовавшего В. И. не наш, мол, человек. Разговор сразу оборвался.

В. И. вообще не переносил партийных дрязг, но тогда он не знал, что они зашли так далеко. Случай этот произвел на него сильное впечатление и немало, я думаю, способствовал тому, что в эмиграции В. И. не долго оставался членом партии.

*

В первое десятилетие нынешнего века русская эмиграция в Америке была уже довольно значительна. Она почти сплошь состояла из молодых крестьян — гродненцев, минчан и волынцев, которых безземелье погнало за океан. То были в большинстве малограмотные или безграмотные люди. Интеллигенция была здесь малочисленна и разбита на вечно враждовавшие между собой партийные группировки.

Вести культурную работу в таких условиях было очень трудно. Еще труднее было издавать газету. Мало было привлечь читателя, надо было создать в нем привычку читать газету, его надо было осведомлять и одновременно обучать грамоте.

Русское Слово не издавалось по определенному образцу, оно никому не подражало и было совершенно самобытным явлением. Газету часто критиковали, и было за что; над ней подшучивали, и не всегда без основания. Но она пускала корни и завоевывала читателя, несмотря на конкуренцию других русских газет и в частности социалистического Нового Мира, в котором, среди других писали Иван Эллерт, Володарский, Бухарин и, позже, Троцкий. И в этом большая заслуга первых пионеров Русского Слова — И. К. Окунцова, М. Л. Пасвольского и В. И. Шимкина.

В. И. приехал в Соединенные Штаты в 1907 году, вошел в газету вскоре после ее основания и больше не покидал ее, четыре десятка лет его американской жизни и деятельности неразрывно связаны с нашей газетой.

*

В мой приезд в Соединенные Штаты, за полгода до первой мировой войны, Русское Слово выходило три раза в неделю. Война всколыхнула всю русскую эмиграцию и вызвала огромный интерес к событиям. Тираж Русского Слова пошел в гору. Газета превратилась в ежедневную. Вскоре и я оказался членом значительно возросшей семьи Русского Слова.

В редакции я сразу обратил внимание на двух на редкость несходных между собой людей, сидевших друг против друга, что только подчеркивало их несходство.

Один, давно покойный А. Я. Богин, человек лет пятидесяти, сурового вида, с проседью и с грустными, серыми глазами, смотрел всегда исподлобья, говорил отрывисто, иногда резко, вечно казался недовольным и никогда не улыбался.

Другой, молодой человек лет тридцати, привлекал всех своей жизнерадостностью и приветливостью. Издатель М. Л. Пасвольский явно благоволил к нему, часто звал «Витю» в свой кабинет и подолгу совещался с ним. В. И. Шимкин уже занимал видное место в газете — он был главным поставщиком объявлений, без которых никакое, не субсидируемое, ежедневное издание существовать не может.

Ни в то время, ни даже гораздо позже я не мог предвидеть ни моих будущих отношений с В. И., ни тем более того, что судьба на десятки лет, пожалуй, до

конца наших дней, так тесно свяжет наши жизни и нашу деятельность, что когда я сорок лет спустя буду писать о нем, мне придется поневоле говорить и о себе. Не мог предвидеть еще и потому, что через три года, в самом начале рокового 1917 года, я «навсегда» покинул Русское Слово, ушел вслед за редактором И. К. Окунцовым и его помощником И. Л. Верующим, чтобы вместе с ними основать новую газету — Русский Голос. Первый номер этой газеты вышел ровно за месяц до Февральской революции. Для Русского Слова новая газета оказалась опасным конкурентом. Русский Голос очень быстро увеличивал свой тираж, главным образом за счет Русского Слова, которое начало хиреть.

*

Встретились мы с В. И. вновь в 1922 году по его инициативе. В то время в личных наших судьбах произошли значительные перемены.

Я уже больше года, как покинул Русский Голос. В газете было восемь хозяев. Этого было достаточно для всяких разногласий. Политическая обстановка способствовала им: большинство всё больше склонялось влево; я сопротивлялся, не выдержал и ушел.

В. И. Шимкин, наоборот, уже два года был единоличным владельцем Русского Слова, переименованного им в Новое Русское Слово. Он вложил в газету все свои, довольно значительные сбережения, увеличил ее размер и внес другие технические улучшения. Тогдашний редактор газеты А. Яковлевич, опытный журналист и не коммунист, был убежден, что советский строй укрепился в России «всерьез и надолго». В этом он оказался прав. Но он также думал, что впредь в русско-американской среде сможет существовать только

газета, отвечающая «про-советским настроениям» русской эмиграции. Такой газетой он пытался сделать Новое Русское Слово. В этом А. Яковлевич ошибался. Почву для одной демократической газеты можно было и надо было расчистить.

Об этом и шла у нас с В. И. речь во время первой нашей встречи. В. И. предложил мне вернуться в газету: «Если вы верите, что газету можно возродить, придите и будем работать». Я обещал подумать.

Через несколько дней мы опять встретились и очень быстро пришли к соглашению. Мы условились, что газета наша твердо встанет на демократическую платформу, что я два года буду работать в газете на жаловании и что, если по истечении этого срока В. И. захочет, чтобы я остался, я получу половинную долю в деле. Мы не советовались с адвокатами и никаких письменных обязательств не подписывали. Через два года мы поделили всё пополам, не только права и обязанности, но и годы тяжелого труда, забот и лишений.

То были нелегкие годы. Только мы с В. И. знаем, какие трудности были на нашем пути. Газета переживала кризис за кризисом. Не было денег, чтобы заплатить за бумагу, не хватало на жалованье сотрудникам и служащим. Были периоды, когда мы залезали в долги, чтобы поддержать газету, сами ничего от нее не получая.

Никогда человек так не познается, как в беде. В тяжелые для нас времена я по настоящему узнал и оценил В. И. Шимкина.

В самые трудные дни он сохранял свою приветливость, свою отзывчивость к людям, способность и готовность помочь им и неиссякаемую свою жизнерадостность. Она часто спасала положение — такому ве-

селому и хорошему человеку трудно было отказать в кредите на бумагу или отсрочке платежа по векселю.

Вспоминаю издателя венгерской газеты. У него дела были не лучше, и он приходил к нам (Новое Русское Слово печаталось тогда в его типографии) за деньгами с очень расстроенным видом. У нас самих кошки на сердце скребли, но В. И. встречал его шуткой и тот мне говорил: «Посмотрите на него, я с ума схожу, а он такой радостный, будто у него никаких забот нет».

Часто после очень беспокойного дня, когда надо было уходить из редакции без уверенности, что на следующий день выйдет газета, В. И. говорил мне: «М. Е., идите домой и не тревожьтесь, как-нибудь обернемся». И оборачивались.

Так прошли тридцать лет совместной работы. Мы всегда держались вместе, и никакие попытки нас поссорить не удавались. Я не хочу сказать, что у нас не было недоразумений и разногласий. Но наши недоразумения улаживались после десятиминутного разговора с глазу на глаз. А разногласия, неодинаковый подход к событиям и различная их оценка нас не тревожили. Совсем недавно В. И. был за Стивенсона: «Я всегда голосую за демократов», говорил он. Но в кругу своих друзей — стивенсоновцев горячо отстаивал мое право поддерживать кандидатуру Айзенхауэра.

*

Таков В. И. Шимкин. Он пошел в революцию, потому что это было в духе времени. Но ему совершенно не надо было по завету Рылеева стараться быть «человеком для человека» и «гражданином для сограждан». Это было у него от природы. Она наградила его отзывчивой душой и любовью к человеку, именно к

человеку, а не к человечеству. Любовь к человечеству отвлеченна и часто сплетается с безразличием и даже жестокостью к отдельным лицам.

Любовь к человеку и толкнула В. И. на путь социалиста и революционера. Но, перестав быть социалистом и революционером, В. И. не перестал любить человека. Он сохранил эту любовь в своей душе и донес ее до наших дней.

Хочу пожелать В. И., чтобы огонек этой любви еще долго теплился в его душе. Уверен, что к этому пожеланию присоединятся все работники Нового Русского Слова, все многочисленные друзья В. И., все те, кто на себе испытал его приветливость и добросердечность.

Январь, 1953 г.

С. А. Сорин

ПЕРЕДО мной фотография — у большого портрета Анны Павловой работы Савелия Сорина, к слову сказать, одного из лучших его полотен, группа всемирно-известных представителей потонувшего в крови и слезах революции русского мира: И. М. Москвин, Ф. И. Шаляпин, К. С. Станиславский, С. А. Сорин и В. П. Качалов. Фотография эта была снята в Нью Иорке в 1926 году. Никого из этих людей нет уже в живых. Последним только что ушел Савелий Абрамович Сорин.

*

Пишу эти строки и не верю, не хочу верить, что Сорина среди нас уже нет, хотя я давно знал, что он обречен, и каждый раз, при посещении его, с ужасом замечал в нем роковые перемены. Злая болезнь пожирала изнутри это крепкое когда-то тело: менялись черты его лица, исхудали красивые мужественные руки, мутнел взор ненасытных его глаз, всегда с такой жадностью всматривавшихся в тайны человеческого лица.

Бывало идешь с ним по улице. Вдруг он останавливается, как вкопанный, окинет быстрым взглядом прохожего и скажет: «Какое лицо! Прямо на полотно просится».

На одном собрании Сорин обратил внимание на человека «с сумасшедшинкой в глазах» и захотел писать его. Тот наотрез отказался: «Я не герцог Иоркский, чтобы с меня портреты писать». Всё же С. А. добился своего. Портрет человека «с сумасшедшинкой в глазах» вышел на славу. Но замечательно, что между

художником и его моделью, людьми совершенно разного покроя, завязалась тесная дружба: сблизила их общая им большая любовь к России.

Гражданское чувство было очень развито в Сорине, и всё, что касалось России, его глубоко интересовало и волновало. Поношения родины он никому не прощал и был беспощаден ко всякому, кто, как ему иногда ошибочно, казалось, желал ей вреда.

Это особенно сказывалось в минувшую войну, С. А. верилось, что победа даст возможность русскому народу вновь обрести свою утерянную свободу. Он очень тяжело переживал потом свое разочарование.

*

Впервые я встретился с С. А. лет двадцать пять назад. Нас познакомил художник Борис Григорьев. Сорин поразил меня своей внешностью и барственной осанкой: смуглое, с правильными чертами, лицо, высокий лоб, густые, черные, как смоль, волосы, такого же цвета, спускавшиеся вниз усы и необыкновенные с едва заметной поволокой глаза.

В тот раз Сорин показался мне слишком холодным и высокомерным; он был угрюм и мало говорил. Позже, узнав его ближе, я понял, что за внешним холодом скрывалась внутренняя теплота и сердечность, а высокомерие было у него маской, под которой он прятал большую свою застенчивость.

Борис Григорьев однажды сказал мне: «Сорин настоящий товарищ — всегда выручает в беде. Сегодня получил телеграмму от жены, просит денег, а у меня ни гроша. Позвонил Сорину, он помог».

Выручал Сорин не только Григорьева и не одних только художников. Он откликался на всякое доброе дело, на любое культурное начинание. Но предпочитал

держаться в тени, — делать добро без рекламы. Сколько раз он просил меня не отмечать этого в газете. Говорил ему, что это необходимо для отчетности, и он нехотя соглашался: «Ну, хорошо, поставьте инициалы или укажите, что это от русского художника».

Так годами отмечались в газете все его пожертвования. Так, между прочим, был отмечен его недавний взнос в Литературный Фонд, переданный мне у его постели его женой, Анной Степановной.

*

Шумиху вокруг себя Сорин ненавидел и избегал. Он писал знаменитейших людей и мог бы много рассказать о виденном им и слышанном падким на сенсацию газетным репортерам, но всегда хранил молчание, считая что к этому обязывает достоинство художника. Когда у него просили интервью, он отвечал, делая характерный жест рукой, как будто, отстраняя что-то неприятное: «Нет, не надо, ничего я вам всё равно не скажу. Вот будет моя выставка, тогда и пишите — и не обо мне, а о моих работах».

Но рассказать Сорину было о чем. И он это изредка делал в небольшой группе близких друзей. Сорин не рассказывал, а рисовал людей и обстановку.

Запечатлелся мне в памяти такой, рассказанный им эпизод. Дело было в Петербурге в начале девятисотых годов. Группа писателей: Чехов, Бунин, кажется Андреев, Скиталец и другие, собрались на частной квартире приветствовать возвратившегося из ссылки в Нижний Горького. Был там и Сорин, тогда еще начинающий художник.

Вдруг в квартире раздался звонок. Сорин пошел к дверям, а Горький кричит ему вслед: «Если ко мне, то

меня нет». Оказалось, что пришли к Горькому студент и курсистка. Сорин уверяет их, что Горького нет, а те настаивают: «Мы знаем, что он здесь». Пришлось Горькому выйти в переднюю. Выяснилось, что неожиданные гости пришли просить Горького выступить на вечере политического Красного Креста. Горький объясняет им, что он только что вернулся из ссылки и что за появление у них его могут опять выслать. Резким голосом курсистка заявляет: «Товарищ Горький, мы требуем, чтобы вы выступили». А Горький в ответ: «Ну, что-ж, если требуете, то придется...»

Услышав это в смежной комнате, Чехов улыбнулся и, поправив на носу пенснэ, заметил:

«Ну, и Марлинский же Алексей Максимович»... Все расхохотались.

Какое меткое замечание! Горький действительно был Марлинским той эпохи. А между тем никто, кроме Сорина, этого эпизода не запомнил и о нем не рассказал.

Между прочим, одной из ранних работ Сорина был портрет Горького. Портрет этот был украден на одной выставке и только совсем недавно С. А. узнал, что он находится в музее в Сан Франциско.

*

Необыкновенен был жизненный путь Сорина. Не будет преувеличением сказать, что он вел от хижины к дворцам, от отроческой безвестности к международной славе, к знакомству и дружбе с самыми выдающимися людьми своей эпохи. Кого только не знал Сорин? Кого не писал он? С кем не дружил?

Савелий Сорин родился в 1879 году в Полоцке, в многодетной, очень бедной семье. Его мать была за-

мечательная вышивальщица. От нее, надо думать, мальчик унаследовал художественные наклонности. Ему нравились красочные узоры материнских вышивок и он начал подражать им. Мальчику попал в руки портрет Александра Второго. Лицо трагически погибшего царя произвело на него сильное впечатление, и он нарисовал с него копию. То был первый «портрет» Сорина. Ему было тогда семь лет.

В двенадцать лет мальчик решает — он будет художником. Против воли отца он отправляется в Одессу. Поступает там в художественное училище, ютится на чердаке, выполняет всякие поручения, разносит по домам газеты, живет впроголодь, тратя каждую заработанную копейку на карандаши и бумагу.

Училище он кончает блестяще. Едет в Петербург и без экзамена поступает в Императорскую Академию Художеств. Вскоре он идет к Репину проситься к нему. Тот говорит: «А, Сорин, знаю о вас и принимаю в свой класс».

*

То были радостные, хотя всё еще голодные годы. Сорин весь окунулся в петербургскую жизнь. Он посещает литературные собрания, ходит в театр и балет, завязывает дружбу с писателями и артистами. Одновременно он упорно работает.

В 1902 году С. А. впервые едет в Европу. В Италии он встречается с Элеонорой Дузе и делает с нее несколько зарисовок. Позже, уже в Петербурге, пишет по ним портрет знаменитой артистки. Награждается за него золотой медалью и заграничной командировкой на три года.

В 1919 году Сорин покидает Россию, не подозревая, что это навеки. Он выставляется в Париже, Лон-

доне и других городах. Всюду большой успех. Не меньший успех сопровождает его первую выставку в Нью Иорке. Художника забрасывают заказами. Слава его ширится. Его приглашают в Англию, где он пишет портреты членов королевской семьи.

*

Как художник, Сорин ближе всего стоял к «Миру Искусства». Он преклонялся перед портретным искусством Серова и, вероятно, многому у него научился. Но выбрал собственный путь, твердый и ясный, и шел им всю жизнь.

Я не собираюсь давать здесь оценки художественных достижений Сорина. Скажу только, что его портреты, мужские даже больше, чем женские, изумительны. Таковы портреты Шаляпина, Льва Шестова, епископа Иоанна Сан Францискского (одна из последних его работ) и многие другие.

Мастерство Сорина всегда рассчитанное; оно в тонких, точных штрихах; оно в легком и нежном рисунке и в композиции. Композиция — самое большое достоинство Соринских портретов — он старался доводить ее до совершенства. Работал Сорин над каждым портретом очень долго. Не начинал, пока не узнавал всего человека, его манеры и характера. Больше всего внимания художник обращал на глаза и руки модели. «Глаза, — говорил он, — отражают душу человека, а руки — его характер».

Завистники говорили: «Сорин угождает своим моделям, потому у него такой успех». Это неверно. Его можно было обвинить, если в этом есть вина, в том, что он облагораживал тех, кого писал. Но угодливость была ему совершенно чужда. Напротив, он был очень требователен к тем, кто ему позировал, даже капри-

зен и нередко отказывался выполнять очень крупные заказы, если ему казалось, что заказчики посягают на его личную или художественную независимость.

Об одном из многих таких случаев стоит рассказать. В последнее пребывание Сорина в Лондоне магараджа Барода заказал ему три портрета и два пейзажа. Первой начала ему позировать магарани. Когда она на один сеанс опоздала, Сорин объяснил ей, что он привык, чтобы его модели являлись во время и позировали пока он их не освободит. Магарани пропустила это мимо ушей и опять опоздала. Когда она это проделала в третий раз, Сорин изрезал холст и отказался ее писать.

Секретарю магарани, пытавшегося его переубедить, Сорин сказал: «Передайте магарани, что за деньги можно покупать портреты. Но искусство и достоинство художника не продается». Сумма, которую Сорин должен был получить у магараджи, составляла целое состояние.

Таков был Савелий Абрамович Сорин — гордый в своем искусстве, скромный в жизни и смерти.

Ноябрь, 1953 г.

О ПИСАТЕЛЯХ И КНИГАХ

Пушкин

СТО лет назад «погиб поэт... Невольник чести».
В роковой день дуэли пролилась бесценная кровь Пушкина-человека и смешалась с снегом российской зимы.

Красное и белое!

Два символических цвета...

*

Пушкин — человек давно «погиб и взят могилой».

Но Пушкин — блистательный поэт, Пушкин — певец свободы, Пушкин — самый национальный русский гений и потому общечеловеческий жив и неразлучен с нами, с нашими думами, с нашими восторгами...

*

«Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Но какое огромное значение имело то, что мы учились, по Пушкину.

Пушкин вводил нас в сказочный русский мир.

Пушкин учил нас любить русскую природу и понимать ее необычайную красоту.

Пушкин учил нас добрым чувствам и любви к свободе.

Пушкин, как огромный магнит, притягивал и вовлекал в орбиту русской культуры все народы необъятной России.

Пушкин завещал нам ценить прошлое России и верить в ее великое будущее.

*

И мы любили и верили... И восторгались словом Пушкина.

> Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
> И назовет меня всяк сущий в ней язык...

Все мы «назвали» Пушкина. И мы сделали это легко, свободно, без всяких оговорок и недомолвок, без всякого принуждения, без всяких моральных и национальных предпосылок...

*

Лучшие русские поэты — Лермонтов, Тютчев, Фет, Майков, Кузмин, Блок и Есенин — воспевали Пушкина и перекликались с ним.

«Уходя в ночную мглу», Блок в феврале 1921 года писал:

> Пушкин, тайную свободу
> Пели мы во след тебе...
> Дай нам руку в непогоду,
> Помоги в немой борьбе.

*

И Пушкин помог.

Когда беспримерный в истории человечества шквал пронесся над Россией беспощадно и слепо разрушая и гнилое и то, что было ценное: когда, казалось, что целый мир потонул на веки; когда люди метались и кричали (а иные продолжают кричать): «Нет больше России!» «Погибла Россия!»; тогда оттуда, из потонувшего мира, как символ спасения, как знамя грядущего возрождения, явился к нам светлый, как солнце, образ поэта...

*

И теперь, когда мы знаем, что вся Россия зачитывается Пушкиным, когда к нам «оттуда — доносится

эхо пушкинских торжеств», мы несказанно радуемся, потому что Пушкин победил, а раз так, то победит и Россия.

Жив Пушкин — жива Россия!..

Сегодняшний номер «Нового Русского Слова» посвящается Александру Сергеевичу Пушкину.

С благоговейным трепетом мы возлагаем наш скромный венок на нерукотворный памятник гениального поэта...

Февраль, 1937 г.

Салтыков-Щедрин

К 120-ЛЕТИЮ ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

САТИРЕ Салтыкова-Щедрина не повезло: она не надолго пережила своего творца. Лет сорок назад большое распространение получило собрание сочинений Салтыкова в издании Маркса, рассылавшееся в виде приложения к журналу «Нива». Уже тогда Салтыкова одолевали с трудом, и многие его страницы оставались непонятными. Гнев писателя больше не волновал. Избежали забвения только «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина». Образ Иудушки запечатлелся в памяти.

Достоевский, как известно, утверждал, что вся русская литература вышла из гоголевской «Шинели». Пожалуй, с не меньшим основанием можно сказать, что сатира Салтыкова-Щедрина вышла из гоголевского «смеха сквозь слезы». Салтыков пришел в литературу, когда Гоголь фактически ушел из нее. Начало своей литературной деятельности писатель приурочивал к 1848 году, когда в мартовской книжке Отечественных Записок появилась его повесть «Запутанное дело». В том году Гоголь-писатель уже кончился. Его мятущаяся душа искала спасения в религии. Салтыков почти на полвека пережил Гоголя.

Но сегодня Гоголь нам ближе Салтыкова, ближе и понятнее. «Ревизор» поныне пользуется огромным успехом. И мы не мало видим вокруг себя «знакомые всё лица» Ноздревых, Собакевичей, Чичиковых, Коробочек, Маниловых, Сквозников-Дмухановских.. А сколько Хлестаковых продолжает гулять по Руси великой?

Всего несколько лет назад советские газеты рассказывали о случае, во всех подробностях повторившем знаменитую историю с гоголевским Хлестаковым.

*

Иная судьба постигла героев Салтыкова. Они исчезли и забыты.

Забыт градоправитель города Глупова Угрюм-Бурчеев, который «начертивши прямую линию замыслил втиснуть в нее весь видимый и невидимый мир, и притом с таким расчетом, чтобы нельзя было повернуться ни взад, ни вперед, ни направо, ни налево».

Забыт майор Перехват-Залихватский, который «въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки». Забыты супруги Чистопольцевы: «жена родит, а муж доносы пишет»; Подхалимов, у которого на знамени было написано: «Ври и будь свободен от меры», Скоморохов, который созвал пошехонцев на вече и приказал: «Кто про кого что знает — сказывайте».

Почему забыты? Почему одна судьба постигла героев Гоголя и другая — Салтыкова? Ответ, мне кажется, следует искать прежде всего в характере творчества обоих писателей.

Гоголь был гений. Он наблюдал своих героев в окружающей среде, воплощая их в глубоко-правдивых художественных образах, наделяя «вечными» чертами — национальными и даже общечеловеческими.

Не то Салтыков. «Господа Головлевы» свидетельствуют о большом его художественном таланте. Но писатель не хотел или не мог быть только художником. Художник в нем сочетался с публицистом и по-

следний часто брал верх. Салтыков был слишком злободневен. Слишком близок к своей эпохе. Слишком страстен, чтобы углубляться в свое творчество. Он страстно, даже злобно боролся «против произвола лгания, хищничества, предательства, пустомыслия», и жаловался, что «капля по капле сочится писательская кровь, прежде, нежели попасть под печатный станок».

Салтыков «вырос на лоне крепостного права, вскормлен молоком крепостной кормилицы, воспитан крепостными мамками и, наконец, обучен грамоте крепостным грамотеем». В ранней юности он этот мир люто возненавидел и всю свою жизнь посвятил борьбе с ним. В повести: «Запутанное дело» герой говорит: «Россия — государство обширное, обильное и богатое; да человек-то глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве». Оттого и город Умнов по велению Юпитера переименовывается в Глупов, «чем глуповцы не только не обиделись, но поднесли Юпитеру хлеб-соль».

Ненависть хороша для публициста. Она — плохой спутник для художника. Ненависть туманит взор писателя. Он был у Салтыкова острый. Но его образы выходили чересчур карикатурными. Они были ограничены определенными бытовыми условиями, существовавшими в сравнительно небольшом отрезке времени. Когда пало крепостное право, стали исчезать герои Салтыкова. Новому читателю они уже были чужды, непонятны.

Много способствовал забвению писателя и его стиль. Он тяжел и часто запутан. В нем нет ни гоголевской простоты, ни ясности. Салтыков сам предсказал недолговечность своего творчества — «...лет через двадцать меня или забудут, или будут читать с комментариями, как уже теперь читают «Губернские очерки»...

*

В последние годы в России возродился интерес к Салтыкову. Его издают. О нем пишут. Читают ли? Об этому судить трудно. Очень может быть, что читают и в новом советском быту опять находят в его произведениях много близкого и понятного. Возможно, что советский читатель вкладывает в эзоповский язык великого сатирика свой собственный смысл. Возможно, что его читают, потому что говоря словами его героя Крамольникова («Приключение со Крамольниковым»)... «он был страстно предан своей стране и отлично знал, как прошедшее, так и настоящее ее. Это знание было живым источником болей, которые дали направление и окраску всей его деятельности».

Основой этой деятельности была защиты страдающего народа от произвола власти. Перед Никанором Затрапезным («Пошехонская старина») после чтения Евангелия встали «униженные и оскорбленные» и «громко вопияли против прирожденной несправедливости, которая ничего не дала им, кроме оков».

15-27 января 1826 года в селе Спас-Угол, Тверской губернии, в старинной помещичьей семье родился Михаил Евграфович Салтыков, большой русский писатель, замечательный человек, идеалист и патриот в лучшем смысле слова.

Об этом сегодня захотелось вспомнить и напомнить.

Январь, 1946 г.

Настоящий Рахманинов

„В ПАРИЖЕ как-то вечером пришли мы навестить Рахманинова и были очень удивлены увидеть Сергея Васильевича лежащим на полу, а его маленького внука, Сашу, с победоносным видом верхом на нем. Оказалось мальчик не любил зеленой фасоли и ему сказали, что если он будет есть ее, он сделается очень сильным и сможет всех победить, даже дедушку. Вот он и победил".

Эти строки взяты из воспоминаний О. Конюс, напечатанных в только что вышедшем в Нью Иорке под редакцией и в художественном оформлении М. В. Добужинского сборнике: «Памяти Рахманинова». Они рисуют Рахманинова в семейной обстановке и подчеркивают одну из самых привлекательных черт его характера — любовь к детям. О ней пишут и другие участники сборника русские и американцы: его секретарь Н. Б. Мандровский, подруги его старшей дочери Ирины, американки Милдред Стон и Мария Демерец.

Пианистка Дагмар Барклай рассказывает: «Он очень любил и удивительно хорошо понимал детей! Как часто я видела его внимательно разглядывающим младенцев в каждой встречной колясочке, во время его ежедневных прогулок по Риверсайд Драйв. И почему-то дети не высказывали ни малейшего страха при виде этого высокого, серьезного человека».

*

Дети не боялись Рахманинова. Зато взрослых часто охватывал беспричинный страх перед ним. Е. Сомова, многолетний друг семьи Рахманиновых, никогда

не могла освободиться от этого чувства. Его, по ее словам, «испытывали все, так или иначе подходившие к Сергею Васильевичу — и близкие, и далекие, и артисты, и простые смертные». После одного концерта И. А. Венгерова сказала ей:

«Это было так изумительно, так прекрасно, что мне, как девочке, хотелось попросить Сергея Васильевича подписать программу. Но не посмела, побоялась!»

После другого концерта на квартире Рахманиновых в Нью Иорке собралась небольшая группа друзей. «Одна молодая дама опьяненная впечатлениями концерта, подошла к нему и стала восторженно осыпать его голову поцелуями. Софья Бреслау, артистка, у которой был не только прекрасный большой голос, но и большое сердце и которую Сергей Васильевич очень любил, позавидовала смелости молодой дамы:

«Я бы не могла, сказала она, боюсь его. Он слишком велик!»

Знаменательный факт: Рахманинова побаивался даже Шаляпин. Иола Игнатьевна, первая жена великого певца говорила:

«Это единственный человек на всем свете, которого Федор Иванович боится».

*

«Страх» отнюдь не мешал Шаляпину любить Рахманинова, развлекать и смешить до слез. «Смешливый человек», — говорил он о Рахманинове. В молодости Рахманинов дирижировал оркестром в театре Мамонтова в Москве, где Шаляпин пел. Там они подружились. Там у них вышло единственное за всю жизнь недоразумение. О нем рассказывает Ф. Ф. Шаляпин, сын певца, со слов самого Рахманинова.

«Пел он, — вспоминал Рахманинов, — Сусанина и там, в одном месте, он первый должен выступить, а я за ним. А Федя мой так разыгрался и такую закатил паузу, что я уже не выдержал и громко сказал ему: «Пора бы начинать, Федор Иванович».

«Ну, а что же публика? Что случилось? Что же дальше?» — допытывался я.

«Да нет, публики-то не было, только свои, это была генеральная репетиция».

«Ну, а папа, как он реагировал?»

«Ничего не сказал, только метнул на меня львиным взглядом».

Однажды Ф. Ф. Шаляпин спросил Рахманинова, почему он еще в России бросил дирижировать?

«Очень просто, Techинька, оркестровые музыканты народ особенный, они вам нарочно фальшивые ноты играют, проверяют ваш слух. Очень неприметно. А один раз один из музыкантов «чижика» мне сыграл».

«Как же это «Чижика»? — не понял я.

«А вот, очень просто, так «Чижика» и сыграл».

Ф. Ф. Шаляпин при этом замечает, что если раз обидеть Сергея Васильевича — это значило «потерять его навсегда». Он думает, что дирижером Рахманинову помешал также стать его независимый характер. «В своем искусстве он был человек, не идущий ни на какие компромиссы, человек, который не хотел и не мог ни от кого зависеть, и был «свободным художником» в буквальном смысле этих двух слов».

Собственно говоря, были два Рахманинова. Один — угрюмый, надменный, замкнутый и застегнутый человек, для которого «быть на людях было пыткой». Мрачный, выходил он на эстраду, сутулясь и волоча за

собой ноги, подходил к роялю, слегка наклонял голову навстречу громовым аплодисментам зала, садился и начинал играть. На вызовы он выходил еще менее охотно и никогда не улыбался публике. Он тяготился встречами с чужими людьми, не любил выслушивать комплименты, которые называл «мармеладом».

Другой Рахманинов, которого знали лишь немногие близкие друзья, был прекрасным семьянином искренним и преданным другом, ласковым и чутким к окружающим. Он был скуп на слова, но любил шутку и часто заражал других своим смехом.

Об этом настоящем Рахманинове — человеке и музыканте пишут тридцать с лишним участников сборника. Вместе они дают необычайно обаятельный образ Рахманинова. Мария Демерец называет чету Рахманиновых «дающими» людьми: «Всякий знает о щедрости Рахманинова, но я говорю не о такого рода помощи людям. Они делились с другими своим расположением к людям — вниманием, добрым отношением и какой-то душевной теплотой».

Сергей Бертенсон вспоминает случай, рисующий внимание Рахманинова к людям, сказывающееся даже на пустяках. Узнав, что Стравинский любит мед, Рахманинов достал большую банку его и сам отвез композитору. Даже больной Рахманинов беспокоился об окружающих. Просил сиделку О. Г. Мордовскую, чтобы та каждый вечер ходила гулять, и часто справлялся, не устала ли она.

Е. И. Сомов, давший в сборник краткую биографию Рахманинова и отдельно воспоминания, также отмечает «две основные черты С. В. — его постоянную заботливость о других и строгое отношение к себе, к своему искусству».

*

Многие вспоминают о любви Рахманинова к России. «Он страстно, до болезни, любил ее...» свидетельствует Ф. Ф. Шаляпин. Об этом говорит и М. А. Алданов, который заканчивает свою статью следующими словами: «Россия не могла ни забыть, ни разлюбить Рахманинова. Он ее прославил, она прославляет его».

М. В. Добужинского поразило лицо Рахманинова: «Я сразу подумал — какой портрет!». В молодости, рассказывает Е. К. Сомова, Рахманинов аккомпанировал Шаляпину в Ялте. «После концерта, в артистической, восторженная толпа поклонников окружила Шаляпина, никто не обращал внимания на молодого пианиста. А. П. Чехов, сидевший во время концерта в директорской ложе, войдя в артистическую направился к Сергею Васильевичу со словами: «Я всё время смотрел на вас, молодой человек, у вас замечательное лицо. Вы будете большим человеком».

*

В краткой газетной статье можно только в общих чертах передать содержание этого любовно составленного сборника. Нет возможности даже перечислить всех его участников. Четыре статьи (А. П. Асланов, Н. К. Метнер, А. А. Сван и И. С. Яссер) посвящены Рахманинову — музыканту. Интересны воспоминания М. Е. Букиника, Е. М. Малышевой, Т. В. Тамировой и Артура Херста. Остро наблюдательный М. А. Чехов передает отдельные характерные моменты. Привожу один из них.

«С. В. собирался проехаться за город. День был ясный и теплый. Помогая ему одеваться прислуга сказала:

«Наталья Александровна велели галоши надеть».

(Н. А. не было дома).

«Галоши? Гм. Ну, давайте галоши. Да где же они?».

Прислуга достала галоши и неосторожно обмолвилась:

«Н. А. сказали «может наденут».

«А, «может», ну, так и не надо! И уехал в теплом пальто без галош».

*

Участники сборника слишком близко стоят еще к ушедшему, чтобы видеть его во весь рост. Они дают, конечно, не портрет Рахманинова, а отдельные незаконченные зарисовки. Для человека, который будет писать о Рахманинове в будущем, эти зарисовки живых свидетелей и друзей выдающегося музыканта, окажутся очень ценными.

Апрель, 1946 г.

Александр I и старец Федор Кузьмич

Со времени Петра Великого Александр I лучше всех других царей знал Европу. Этому способствовали и его воспитание под руководством швейцарца Лагарпа, и его «молодые друзья», вместе с ним увлекавшиеся французской революцией, и его борьба с Наполеоном. Александр часто ездил в Европу и подолгу там оставался.

Между прочим, в эпоху наполеоновских войн, столь схожую с нашей, произошла первая массовая встреча русских с Европой. Она имела два последствия. Выступление победоносной русской армии из Парижа на обратном пути в Россию сопровождалось бегством многих солдат, пожелавших остаться во Франции. Александр вынужден был потребовать от французского правительства, чтобы «оно запретило укрывать беглецов и выдавало их нам». Как это напоминает послевоенные требования советского правительства!

Другое последствие было движение декабристов, завершившееся 14 декабря 1825 года катастрофой на Сенатской площади.

*

Александр умел обольщать европейцев, особенно женщин. Об этом есть большая мемуарная литература. Но, несмотря на то, что Россия и Англия были главными союзниками в борьбе с наполеоновской Францией, обстоятельная биография на английском языке «Агамемнона Европы», как иногда называли Александра, до сих пор не написана.

Книга Л. И. Страховского: «Александр I — победитель Наполеона» — попытка, повидимому, попол-

нить пробел. Автор — добросовестный исследователь. Об этом, между прочим, свидетельствует обширная библиография в 18 страниц. Но он, к сожалению, подошел к своей теме с предвзятым мнением.

Увлеченный известной легендой о Федоре Кузьмиче, автор захотел доказать тождественность Александра I с сибирским старцем. Он этим сузил свою задачу и пожертвовал ценным материалом о других сторонах жизни Александра.

*

Вступление на престол Александра I было встречено, по свидетельству современников, всеобщим ликованием. «На улице даже незнакомые обнимались, как в Христов день, и поздравляли друг друга с новой, свободной жизнью».

На первых порах Александр как будто оправдал всеобщие ожидания. Вместе со своими «молодыми друзьями» (Новосильцев, Строганов, Кочубей, Чарторийский) молодой император занялся разработкой широких политических и социальных реформ. Затея оказалась почти совсем бесплодной.

Неудачу объясняют по разному. Дворяне, добившись подтверждения новым императором «жалованной грамоты», ничего больше не хотели. Они противились всяким новшествам, крепко держались за основы своего господства и благоденствия. «Молодые друзья» императора горячо взялись за помощь царю «в систематической работе над реформою безобразного здания управления империи». Но способности к систематической работе у них как раз не было. Одни мероприятия не были доведены до конца. На других лежала печать поспешности.

*

Многое несомненно объясняется личностью самого Александра, его воспитанием и характером. «Он был воспитан хлопотливо, но не хорошо, не хорошо, потому что хлопотливо» (Ключевский). Историк дальше поясняет: «его учили, как чувствовать и вести себя, но не учили, как мыслить и действовать».

С юных лет Александр научился притворству и скрытности. Это неудивительно при отношениях, сложившихся между Петербургом и Гатчиной, между его бабкой, императрицей Екатериной, и отцом, великим князем Павлом. Мальчику нелегко было вращаться между двумя враждебными дворами: большим и малым. Нечего удивляться, что из него выработался лицемер и дипломат. «Византиец», говорил про него Наполеон. «Вы никогда не можете быть уверены в Александре, — то, что он говорит, не значит, что он именно так думает». Эта характеристика, данная ему Наполеоном, подтверждается многими фактами.

Александр мечтал об освобождении крестьян. Но одним из первых актов его царствования было восстановление дворянских вольностей, нарушенных его отцом.

Чтобы ограничить своеволие и установить законность, Александр учреждает Государственный Совет. Но все члены Совета назначаются царем и должны беспрекословно ему повиноваться.

Александр — республиканец. В молодости он признавался, что ненавидит деспотизм, во всяком его проявлении, сочувствует свободе, которая должна принадлежать всем, что наследственность власти есть несправедливое и нелепое установление. За несколько недель до своей смерти он заявляет, что жил и умрет

республиканцем. И это в разгар аракчеевщины и военных поселений, основанных по его, Александра, замыслу. Военные поселения — худшая разновидность крепостного права — встретили сильное сопротивление крестьян. Но противник рабства и республиканец Александр этим не смутился. «Они будут, говорил он о поселениях, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Москвы до Чудова».

Не мешает вспомнить, что Александр был создателем и руководителем реакционного «Священного Союза», союза государей против народов, главная цель которого была подавлять «революционные» движения.

*

Трагические условия, при которых Александр взошел на престол, только усилили в нем недоверие к людям. Позже прибавились мистицизм и мрачное настроение. Александр участвовал в заговоре на жизнь отца. Л. И. Страховский всячески выгораживает царя: Пален обещал ему, что насилия не будет. Но по опыту дворцовых переворотов той эпохи Александр мог знать, что без крови дело не обойдется. Естественно, что он считал себя исключительно ответственным за то, что произошло в Михайловском замке в роковую ночь 11 марта 1801 года.

Л. И. Страховский всячески подчеркивает влияние этого события на Александра. Оно угнетало его всю жизнь и напоминало о грядущем возмездии. Александр искал забвения в мистицизме (влияние кн. Голицына и баронессы Крюденер), в чтении библии, в молитве, в беседе со старцами.

Борьба с Наполеоном, первые неудачи и великая победа, взятие Парижа, Венский Конгресс, необычайная популярность в Европе и изумительный успех у

женщин — всё это увлекало Александра. Но событие 11 марта продолжало тревожить его совесть. В нем укреплялась вера, что чем больше его успехи, тем страшнее будет расплата.

Отсюда решение уйти с престола, превратиться в безвестного странника, поселиться в дебрях Сибири, лишениями, трудом и молитвой заслужить прощение за свой тяжкий грех.

Так, согласно известной легенде, император Александр I превратился в старца Федора Кузьмича. Легенда увлекательная и столь свойственная русской душе. Такие легенды, повидимому не перевелись и поныне. Невозвращенец М. Коряков рассказывает о поверьи среди крестьян, что Толстой не умер, а «ходит по Русской Земле, смотрит да примечает, а что примечает — до поры до времени не говорит. Всяк, кто слушает, сам догадывается: неправду, воцарившуюся на Руси...»

Были на Руси беглые крестьяне, были беглые монахи и всякие иные беглецы. Почему не быть и беглому царю?

*

Историк эпохи Александра I, великий князь Николай Михайлович, легенду решительно опровергает. Но другие в нее верят и всячески пытаются ее обосновать. Л. И. Страховский доказывает, что в Таганроге в 1825 году, умер не Александр, что вместо него был похоронен, погибший в результате несчастного случая, курьер Москов, что из Таганрога Александр отправился на яхте лорда Кэткарта на богомолье в Палестину. Вернувшись в Россию, он объявился в Сибири под именем старца Федора Кузьмича. Там, как бродяга, был бит плетью и сослан на каторжные работы. Последние годы своей жизни провел в Томске, где и умер в 1864 году.

Материал автор собрал большой, но далеко не равноценный. Все его доказательства — косвенные, многие основаны на предположениях, на соответственном толковании тех или иных выражений. Л. И. Страховский признает, что тайна Александра I еще не раскрыта. Но он убежден, что она подтвердится в 1964 году, в сотую годовщину смерти Федора Кузьмича, если тогда будут опубликованы архивы семьи лорда Кэткарта, остававшиеся до сих пор совершенно недоступными.

В заключительном примечании автор предлагает читателю взвесить представленные им данные и сделать собственные выводы. Попытаюсь это сделать.

Осенью 1825 года во время поездки в Крым Александр заразился, повидимому, злокачественной лихорадкой. В Таганрог, где поселилась больная императрица, Елизавета Алексеевна, император прибыл совершенно больной. Там он умер или, как уверяют сторонники легенды, инсценировал свою смерть.

При Александре, кроме императрицы, находился неотступно кн. П. М. Волконский и два врача — Тарасов и Вайли. В «устройстве» смерти царя участвовали и другие, не считая экипажа яхты лорда Кэткарта. Как могло случиться, что ни один из этих людей не выдал тайны и ничего о ней не оставил потомству, кроме намеков и загадочных фраз. Волконский якобы оставил дневник. Но им завладел Николай I после смерти князя. Известно, что великий князь Николай Михайлович искал дневник в царских дворцах и не нашел его.

Можно понять, почему тайну скрывали русские участники таганрогских событий. Можно догадаться, почему ее скрывали Николай I и Александр II — при живом и не отрекшемся императоре, они были узурпаторами трона.

Но почему таганрогская тайна не была раскрыта после смерти Федора Кузьмича? Почему о ней молчали англичане? И почему ее так тщательно, и можно добавить бесцельно, якобы скрывают потомки лорда Кэткарта? Что в мире может перемениться оттого, что подтвердится тождественность Александра I с Федором Кузьмичем?

Можно задать много других вопросов. Но и этих достаточно, чтобы усомниться в достоверности легенды, чтобы придти к выводу, что никакой таганрогской тайны нет и никогда не было.

Нетрудно также догадаться, как легенда могла возникнуть. Александр I вступил на престол в дни замешательства, и смерть его вызвала еще большее замешательство. Он занял трон, перешагнув через труп отца. Когда он ушел с него, произошла катастрофа 14 декабря.

Народ знал об этих событиях и по своему оценивал их. Народная совесть не могла примириться с рациональным объяснением великих событий. Она не могла объяснить великие успехи Александра и его победу над «антихристом» Наполеоном без раскаяния за тяжкие грехи. Отсюда и легенда о Федоре Кузьмиче.

Династия Романовых знала о легенде, но не участвовала в ее утверждении и не препятствовала ее распространению.

Июль 1947.

«Истоки» М. А. Алданова

ПЕРВЫЙ отрывок «Истоков» М. А. Алданова появился в Новом Журнале в 1943 году. Затем последовали другие. Они сразу вызвали к себе острый интерес. Привлекала тема, волновал замысел автора. Я читал эти отрывки с жадностью, смешанной с чувством досады: ждать появления каждого приходилось долго, по три-четыре месяца, а иногда и больше, когда отрывка в очередном номере совсем не оказывалось. Всё же даже по отдельным отрывкам, растянувшимся на ряд лет, не трудно было судить о значительности нового произведения писателя, о широком его размахе.

Теперь, когда роман, наконец, вышел отдельным изданием первоначальное впечатление только укрепилось. На фоне международных событий семидесятых годов романист набросал картину русской жизни и русского революционного движения того времени; показал, как на экране, замедленным движением кино-ленты, откуда пошла есть русская революция.

Перед читателем встает целая эпоха (и какая эпоха!), проходит галерея исторических лиц, воскрешенных автором, наделенных им плотью и кровью: Бакунин и Маркс, Александр II и Лорис-Меликов; народовольцы Михайлов, Желябов, Перовская, Гартман, Рысаков и Гриневицкий; Лавров и Достоевский; Бисмарк и фон Шлиффен; Гладстон и Дизраэли; Клемансо и Гюго, Вагнер и Лист...

Изображены все они так, что создается ощущение страшной их близости, будто роман написан современником этих людей или будто они сами наши современ-

ники. Близость эта, созданная художественностью изображения, местами намеренно подчеркивается.

Так, когда Александр II за несколько дней до своего трагического конца вместе с Лорис-Меликовым обсуждает проект выборного представительства, в его кабинет робко входит двенадцатилетний мальчик в татарском костюме.

— Знаешь его, — говорит царь министру, — это твой будущий государь, его величество император Николай II...

Так, вечером первого марта автор переносит нас в Симбирск, в семью директора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова. С Волги надвигался буран. Гимназический учитель математики пришел к Ульяновым в гости «раздвинул концы башлыка и вздохнул, испуганно глядя на Ульянова и вполголоса сообщил:

— Из Петербурга пришла телеграмма. Государь убит бомбой...

Учитель оглянулся на Володю, невысокого мальчика «с веснущатым лицом, карими глазами, рыжеватыми волосами»... Володя Ульянов был будущий Ленин.

Читателю ясно — трагедия императора-деда предопределила трагедию императора-внука. И всё, что произошло в России в течение последних десятков лет, берет свое начало в семидесятых годах, когда подготовлялось убийство Александра II. Там истоки...

*

Исторически были два главных истока: народный и интеллигентский. Первый восходит к Юрьеву дню, когда произошло окончательное прикрепление кресть-

ян к земле; началась борьба народа за землю и волю; стали обычными крестьянские бунты, иногда, как при Разине и Пугачеве, потрясавшие государство.

Об этом истоке у М. А. Алданова сказано только мимоходом. Его главный литературный герой, Николай Сергеевич Мамонтов, внук крепостного, но сам мятущийся интеллигент — разночинец, увлекающийся то живописью, то журналистикой, то революцией, едет заграницу, встречается с Бакуниным и, между прочим, рассказывает ему, что написал картину на сюжет из жизни Стеньки Разина.

— Неужто? — радостно воскликнул Бакунин. — Вот это хорошо! На это я тебя, пожалуй, благословляю. Стенька Разин был большой человек, нам всем до него далеко: и Марксу, и Маццини, и мне грешному. Я всегда думал, что разбой самая отрадная и почетная страница всей народной жизни. В России только разбойник был настоящим революционером!..»

Но М. А. Алданов посвятил свой роман другому истоку — интеллигентскому, народу чуждому и непонятному. Он начинает его с Бакунина и народовольцев. И это понятно: в этот период встал вопрос: «народ освобожден, но счастлив ли народ?»; особенно резко зазвучали социальные нотки и был выдвинут террор, как орудие борьбы. В этот период усилилось в русской интеллигенции разочарование политической демократией Запада.

Бакунина называли «апостолом разрушения». Ему принадлежит фраза: страсть к разрушению есть творческая страсть. Бакунин в романе говорит: «сейчас перед нами великая задача разрушения! многое должно погибнуть! Гнилое должно погибнуть! Много крови будет пролито...»

Гнилое у Бакунина и Сикстинская мадонна. В Дрездене он советовал революционерам «поставить ее на валы, чтобы пруссаки не смели стрелять». Мамонтову он говорит: «...все эти мадонны ерунда».

А полвека спустя Маяковский кричит на всю Россию:

Белогвардейца
Найдите и к стенке!
А Рафаэля забыли?
Время
Пулям
По стенкам музеев
Тенькать
Выстроим пушки по опушке,
Глухи к белогвардейской ласке.
А почему не атакован
Пушкин?

Когда народовольцы занялись террором во имя освобождения народа, они не предвидели, что этим же орудием впоследствии воспользуется революционная власть для порабощения народа.

М. А. Алданов показывает всё это с присущим ему талантом и обширными историческими познаниями. Мамонтов говорит Лизе Черняковой, члену партии народовольцев: «Вы (то есть народовольцы) в душе свободы не любите, потому что для вас свобода это теория, как Бетховенская музыка для немузыкального человека. У вас нет внутренней свободы, нет духовной свободы, самый быт ваш свободу исключает...».

И дальше: «...Желябов, Перовская, Михайлов, каждый по своему замечательные люди. Таких, со всеми их недостатками, верно немного найдется на земле. Они люди тройного сальтомортале. Быть может, эти люди соль земли, но возможно и то, что такая соль землю погубит...».

*

М. А. Алданов замечает: «Всякий роман со временем становится историческим романом и вызывает печаль, как старая затрепанная адресная книжка с адресами давно умерших людей»... Это метко и верно, но не в отношении «Истоков». Этот роман никогда не станет затрепанной адресной книжкой. Он подлинно историчен и глубоко правдив. В нем нет искажений исторических личностей и фактов. Фантазию романиста автор всецело подчиняет исторической правде, что, однако, ничуть не вредит художественному замыслу.

Все романы М. А. Алданова отличаются этими качествами. Но они особенно ярко сказались в «Истоках», едва ли не лучшем из его произведений. В романе большой размах. Исторические фигуры показаны во весь рост и изображены с большим художественным реализмом. Великолепен Бакунин. Изумительно изображен Достоевский. Хороши все остальные, особенно Бисмарк и Гладстон. Очень удался Вагнер. Кратко, но выразительно набросаны Клемансо и Гюго.

Роман охватывает небольшой отрезок времени. Он открывается в январе 1874 года и кончается вскоре после цареубийства. Но эти шесть с лишним лет, сыгравших такую исключительную роль в последующей истории, изображены с большим мастерством и глубоким до мелочей знанием эпохи.

Не всё в «Истоках» одинаково ценно. Кое-что, например, глава о Соединенных Штатах, могло бы быть выпущено без всякого ущерба. Иногда кажется, что громадное полотно (в романе свыше девятисот страниц) несколько загромождено большим числом исторических и литературных персонажей. Но возможно,

что это соответствует художественному замыслу автора, что оно диктуется необходимостью несколько ослабить напряженное состояние читателя, на время отвлечь его от главной темы, от трагической борьбы между кучкой народовольцев и властью, в которой «обе стороны выдвинули самых лучших своих людей... Александр II был лучшим из всех русских царей, Лорис-Меликов лучшим из русских министров, а Желябов, Перовская, Кибальчич лучшими из русских революционеров».

Страницы этой борьбы, полной героизма и самоотверженья, читаются с мучительно тяжелым чувством. Сцены подкопа и цареубийства по силе изобразительности мне кажутся лучшими из всего того, что М. А. Алданов когда-либо написал. Впечатление усиливается еще тем, что автор указывает на роковую роль слепого случая в делах людей вообще и в истории с цареубийством в особенности. Арест Желябова должен был отсрочить покушение, но только ускоряет его. У царя были все основания чтобы не ехать на развод в Михайловский манеж в воскресенье 1 марта. Его предупреждали и просили и он согласился не ехать, но в последний момент переменил свое решение.

Когда Рысаков бросил свою бомбу, царь был оглушен, но не ранен. Ему надо было немедленно уехать с места происшествия. Его об этом умолял полицеймейстер Дворжицкий. Вместо этого царь «зигзагами» пошел вперед к Гриневицкому, пошел навстречу смерти. «Расстояние между царем и Гриневицким уменьшалось, но Гриневицкий точно прирос к земле и к решетке. На последнем своем зигзаге царь почти с ним поравнялся. Лишь теперь, он заметил этого не снявшего шапки человека, он встретился с ним взглядом

— и вдруг понял. Гриневицкий высоко поднял обе руки и почти отвесно изо всей силы бросил свой белый сверток между царем и собой...»

Может быть и прав лорд Дофферин, сказавший, что «революция это, когда внизу убийцы, а наверху самоубийцы».

Апрель, 1950 г.

Бунин

Мы собрались здесь, чтобы отметить 80-летие Ивана Алексеевича Бунина, выдающегося русского писателя-изгнанника, одно пребывание которого в эмиграции ярко свидетельствует перед всем человечеством о гнусности позорного диктаторского режима, долгие уже годы помыкающего российскими народами и ныне угрожающего всему свободному миру.

Мне выпала честь председательствовать на сегодняшнем собрании. Я горжусь этой честью. Но больше горжусь тем, что в течение ряда лет Бунин числится сотрудником Нового Русского Слова, что ряд его произведений впервые увидел свет на страницах нашей газеты, что в ней печатались многие главы его воспоминаний до их выхода в отдельном издании.

Воспоминания эти произвели сильное впечатление. Они вызвали толки и споры, упреки и протесты. Многих они потрясли, рассердили, даже возмутили. В редакцию посыпались письма. Огорчительнее всего было то, что люди, бежавшие из России в поисках свободы, захотели лишить этой самой свободы знаменитого писателя и доказывали, что Новое Русское Слово не должно печатать его воспоминаний.

Согласиться с этим никак нельзя было, хотя бы потому, что Бунина, находящегося под запретом в России, нельзя было «запретить» и в зарубежьи.

Бунин заслужил право на свободу высказываний, и он вовсе не обязан говорить только приятное или

Слово, сказанное на вечере чествования И. А. Бунина в Нью Иорке по случаю его 80-летия.

не говорить того, что нам может показаться несправедливым.

В своих воспоминаниях Бунин сокрушает многие кумиры. Но в них есть также страницы необычайно трогательные — о Толстом. И в его воспоминаниях нет ничего нарочитого, ничего выдуманного.

Так Бунин видит, так и рассказывает.

И как рассказывает! Скупость в словах сочетается у него с необычайной яркостью выражений, огромная насыщенность с ясностью мысли. Острый взор писателя всё заметил и отметил.

*

Наиболее страстные отклики вызвали страницы Бунинских воспоминаний, посвященные Есенину. За поэта заступились его ровесники и почитатели, бывшие советские граждане, ныне находящиеся среди нас. Некоторые их ответы были напечатаны, но далеко не все.

Многие есенинцы доходили в своих письмах до крайностей. Не обошлись без них и некоторые защитники Бунина. И те, и другие, видимо, забыли, что русская литература достаточно велика, чтобы вместить и Бунина и Есенина — каждому в ней уготовано соответственное место.

Некоторые сторонники Есенина подчеркивали трагический конец поэта. Это может показаться на первый взгляд парадоксальным, но мне думается, что вся жизнь Бунина была сплошной трагедией. И это, несмотря на большие его литературные успехи: Бунин рано получил пушкинскую премию; в 39 лет был избран академиком; он единственный русский писатель, удостоенный премии Нобеля.

Бунин рассказывает, что он рос «в грусти, в одиночестве». В одном из своих ранних стихотворений 19-летний Бунин пишет:

Вся молодость моя — скитанья
Да радость одиноких дум.

Это верно не только в отношении юности писателя. Бунин всю жизнь был скитальцем, он всегда был одинок.

В своих воспоминаниях Бунин говорит, что он слишком поздно родился; слишком поздно или слишком рано, но во всяком случае в неурочное время.

Писателю глубоко целомудренному в высшем смысле слова, писателю, хотевшему творить свободно, как Бог на душу положит, без необходимости выполнять социальные заказы, держаться того или иного направления, было не по себе в литературной среде дореволюционной эпохи.

Бунин дружил со всеми литературными знаменитостями того времени, но близко не сходился ни с кем; он печатался в журналах и сборниках разных направлений, но не примыкал ни к одному из них. Не мало пришлось ему перетерпеть за это и за его упорное нежелание надеть узду, подчиниться установленным канонам.

Достаточно вспомнить, как встретили его «Деревню». Критики из марксистского лагеря увидели в ней нарочито классовый подход: писатель-дворянин «оклеветал» крестьян. Его «Суходол» вызвал сходную критику из правого лагеря: Бунина обвиняли в измене своему дворянскому сословию.

Сегодня странно даже вспомнить, что один известный критик причислил Бунина к «эпигонам прежних форм», которые «далеко отстают, отмирают, отцветают».

Громадный талант Бунина признавался всеми. Но «властители дум» того времени были другие, те, кто приспособлялся, кто шел в ногу с «духом времени».

Всё это усиливало в Бунине чувство одиночества. Оно и предчувствие надвигавшейся катастрофы, предсказанной Буниным в рассказах и стихах, — сделали писателя «внутренним эмигрантом» задолго до появления этого термина. Он искал забвения в скитаниях, задолго до того, как навсегда покинул родину.

*

Мы все, здесь находящиеся, испытали муки эмиграции, познали тоску по родным местам. Нам нетрудно понять, что пережил Бунин-эмигрант, оторванный от родины в течение трех десятилетий.

Для писателя отрыв от родины страшен и опасен — он лишает его питающих корней. Бунин, правда, утверждает, что он унес родину с собой. И ему можно верить, потому что и в эмиграции он продолжал творить. Здесь был написан ряд замечательных вещей: «Митина любовь», «Жизнь Арсеньева», «Ида», «Темные аллеи», «Воспоминания». Здесь Бунин получил нобелевскую премию и всемирную известность. Но надо ли доказывать, что эмигрантская жизнь писателя была трудная, невыносимо тяжелая, что судьба Бунина была трагическая?

Об этом, между прочим, говорят его «Воспоминания». Разрешите напомнить вам небольшой из них отрывок.

«Много!» — пишет Бунин, — да, уж слишком много дала нам судьба «великих, исторических» событий. Слишком поздно родился я. Родись я раньше, не таковы были бы мои писательские воспоминания. Не пришлось бы мне переживать и то, что так нераздель-

но с ними: 1905 год, потом первую мировую войну, вслед за нею 17-й год и его продолжение, а напоследок — чуть не шесть лет Гитлера. Как не позавидовать нашему праотцу Ною! Всего один потоп выпал на долю ему. И какой прочный, уютный, теплый ковчег был у него и какое богатое продовольствие: целых семь пар чистых и две пары нечистых, а всё-таки очень съедобных тварей. И вестник мира, благоденствия, голубь с оливковой ветвью в клюве, не обманул его, — не то что нынешние голуби. И отлично сошла его высадка на Арарате и прекрасно закусил он и выпил и заснул сном праведника, пригретый ясным солнцем, на первозданно чистом воздухе новой вселенской весны, в мире, лишенном всей допотопной скверны, — не то что наш мир, возвратившийся к допотопному. Вышла, правда, у Ноя нехорошая история с сыном Хамом. Да ведь на то и был он Хам. А главное: ведь на весь мир был тогда лишь один, лишь единственный Хам. А теперь?»

*

Сталинские сирены не раз кружились вокруг Бунина. За ним ухаживали всякие полпреды, торгпреды и просто преды. Прельщали его материальными благами, уговаривали вернуться в СССР. Но Бунин не пошел на компромисс со своей совестью, не последовал примеру некоторых других, не пошел на службу к угнетателям и мучителям своего народа, не продал своего первородства.

Бунин остался с нами. И в эти дни, когда безмолвная подневольная Россия не может почтить своего сына, наш великий долг так отметить 80-летие писателя, чтобы молва о нем прошла по всей Руси великой, вопреки рогаткам, вопреки всяким железным занавесам.

Март 1951.

Гоголь и украинские шовинисты

В УКРАИНСКОЙ газете «Свобода» вот уж некоторое время ведется спор о Гоголе; не о писателе, а о том, следует ли издать полное собрание его сочинений в переводе на украинский язык. В спор этот вмешался самозванный знаток Гоголя Иван Манило. В своих литературных заметках в газете «Новый Шлях», выходящей в Виннипеге (Канада), он спрашивает:

«Чи вы знаєте Миколу Васильовича Гоголя?» И отвечает: «О, ні знаєте Гоголя!..»

Зато сам Манило очень хорошо знает Гоголя (так, по крайней мере, он уверяет): «Богато я читав про життя і творчість Гоголя, але не як про письменника-українця, а як про клясика російської літератури».

С характеристикой Гоголя, как русского писателя, Иван Манило решительно несогласен. Гоголь, доказывает он, любил Украину и «ненавидел дикую Кацапию». Его отрицательное изображение России «не были случайными выпадами». Такое отношение к России писатель впитал в себя «с украинским молоком и медом». Петербург был для него «проклятым и холодным для души и тела» городом, а Москва — ненавистной «толстой бабой».

Гоголь писал: «В России есть такая большая коллекция гадких морд, что мне не терпится глядеть на них. Даже плевать хочется, когда о них подумаю». Или: «Не житье на Руси людям прекрасным, одни только свиньи там живущи....»

Эти слова Гоголя, пишет Манило, «нельзя ни обойти, ни замять, ни тенденциозно замолчать». Го-

голь, продолжает он, так изображал «Кацапию» и русских людей, что самые значительные из его творений («Ревизор», «Мертвые души» и др.) «вызвали небывалый ураган в тогдашнем русском обществе и немалый переполох среди цензоров-азиатов...»

Литературные изыскания Ив. Манило о Гоголе на этом не кончаются. Он рассказывает, как на писателя надвинулись «тяжелые московские тучи: его преследовали, его гнушались, высмеивали и порицали», как он «десять лет догорал на российском духовном кладбище», как его лечили: «Лекарь» Клименков приставал к больному Гоголю, мял его, перекидывал, лил ему на голову едкий спирт, а когда больной писатель стонал, то спрашивал: «что, болит, Николай Васильевич? А? Говорите же!» Но Гоголь молчал. Великий Гоголь молчал!»...

Ив. Манило высказывает предположение, что рукопись второго тома «Мертвых душ», «якобы», сожженная Гоголем, по всей вероятности, была уничтожена россиянами, «потому что это творение компрометирует матушку Россию». Он допускает, что «эти же москали» преждевременно свели Гоголя в могилу, и требует, чтобы будущий украинский парламент постановил перенести останки писателя из Данилова монастыря в «пантеон славы древнего Киева».

*

Надо ли возражать против всей этой галиматьи? К сожалению, надо, потому что она подносится легковерному читателю с ученым видом знатока и показывает ему и Россию и Гоголя в чудовищно кривом зеркале. И всё это с целью привить украинскому народу ненависть к России и народу русскому.

Иван Манило не выдумывает, когда приводит цитаты из Гоголя. Они есть у писателя. Но есть у него и многое другое, совершенно противоположное.

Ив. Манило доказывает, что Гоголь идеализировал Украину и подтверждает это длинной выдержкой из «Тараса Бульбы». Это верно. Но в той же повести запорожцы гибнут в бою с поляками с криками во славу Русской земли. А погибающему на костре Тарасу, Гоголь вкладывает в уста следующие слова: «Уже теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь и не будет в мире силы, которая не покорилась бы ему».

Запорожцы шестнадцатого и начала семнадцатого века так, вероятно, не говорили. Но Гоголь так верил, писал и говорил. О том свидетельствуют его творения и письма.

Сообщая Жуковскому о своем намерении писать «Мертвые души», он восклицает: «Какой огромный, какой оригинальный сюжет. Вся Русь явится в нем! Весь русский человек, со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими народами и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, также преимущественно перед всеми другими народами».

А знаменитое гоголевское сравнение России с тройкой, которая «мчится вся вдохновенная Богом... и косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

А восхищение Гоголя меткостью всего того, «что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а всё самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а влепливает сразу, как пашпорт на вечную носку, и не-

чего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы — одной чертой обрисован ты с ног до головы!»

А обращение писателя к России:

«Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного прекрасного далека тебя вижу!.. Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; какие точки, какие значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит, не очарует взора. Но какая же непостижимая сила влечет к тебе?.. Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими грозами, и онемела мысль перед твоим пространством. Что прочит сей необъятный простор? Здесь-ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть и место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..».

*

Как объяснит всё это и многое другое Иван Манило? Никак. Гоголя вообще очень трудно обьяснить и всякий может найти в нем, что ему хочется найти. И каждый раз совершенно другое. Я, например, никогда не мог понять, как из под одного и того же пера вышли гоголевская «Шинель» и водевильно-веселое описание еврейского погрома в повести «Тарас Бульба».

Ив. Манило доказывает, что Гоголь любил Украину и идеализировал ее. Это верно. Но верно и то, как

кстати напомнил нам Д. Чижевский в своей содержательной статье в «Новом Журнале», что украинский писатель и биограф Гоголя П. Кулиш «один раз объявил украинские рассказы Гоголя поразительно верными действительности, другой раз — привел огромный список этнографических и бытовых погрешностей в изображении народной жизни в тех же самых украинских рассказах, и даже склонен был считать это изображение «клеветой на украинский народ».

Точно такое же отношение к Гоголю было и со стороны русской критики. Д. Чижевский прав, когда называет Гоголя неизвестным писателем. Гоголь неизвестен, и как писатель, и как человек. Он несомненно страдал болезненной раздвоенностью души, с годами всё усиливавшейся. Эта раздвоенность наложила печать на все его творения. Этим в значительной степени и объясняется столь разноречивое их толкование всеми и самим Гоголем.

Пушкин смеялся, когда автор «Мертвых душ» читал ему первые главы своей поэмы. Потом, рассказывает Гоголь, он «начал понемногу становиться всё сумрачнее и сумрачнее, и, наконец, сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия». Гоголь прибавляет: «меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что всё это — карикатура и моя собственная выдумка».

Прав был всё-таки Пушкин. Карикатура и выдумка обратились в правду. Гоголевские герои, несмотря на свою гиперболичность, а может быть, благодаря ей, зажили своей собственной жизнью и сделались близкими знакомцами ряда поколений. Они живут и по сей день.

*

Ив. Манило, как и все украинские сепаратисты, намеренно объединяет русское общество и русское правительство, русскую критику и официальную цензуру, чтобы создать впечатление, будто вся Россия преследовала Гоголя.

Пушкин приласкал Гоголя и помогал ему развивать свое литературное дарование; он же дал Гоголю сюжеты для «Ревизора» и «Мертвых душ». Жуковский, Плетнев и другие поддерживали его своими связями и ввели на верхи тогдашнего литературного движения.

«Ревизор» вызвал бурю негодования в бюрократической и чиновной России, но самую горячую поддержку в передовой части русского общества. Это общество позже отвернулось от писателя, но только за то, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он прославлял самодержавие и оправдывал крепостное право. Вот тогда Белинский, раньше восторгавшийся им, и назвал его «апостолом кнута». Зато официальная власть и реакционные круги начали благоволить к Гоголю и всячески его поддерживать.

*

Украинец по происхождению, Гоголь связан, конечно, с историей и культурой Украины. Но он русский писатель и останется им навсегда. Украинцы вправе гордиться, что они через Гоголя сделали громадный вклад в русскую литературу. Но доказывать, что Гоголь ненавидел «Кацапию», что «москали» сожгли рукописи писателя и преждевременно свели его в могилу, как это делает Ив. Манило, просто подло.

Правы, пожалуй, те украинские шовинисты, которые доказывают, что всего Гоголя переводить на украинский язык не следует. Для них это в самом деле очень опасно.

Февраль, 1952 г.

ПОЛИТИКА. НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ

Что вспомнилось...

ПОСЛЕДНИЕ рабочие дни в старой редакции. Сидим среди уложенных вещей и книг. Печатная машина уже перевезена в новое помещение, и странной кажется зияющая пустота подвала. Но в типографии еще раздается характерный шум линотипов, а в редакции стучат машинки и трещат телефоны.

Завтра — самый трудный день. Завтра надо перевести типографию, редакцию с конторой и одновременно выпустить очередной номер газеты. Вдобавок, новое помещение далеко не готово нас принять: перестройка дома будет длиться еще недель шесть, если не больше.

Жильцы квартала все давно съехали, и дома стоят обнаженные без дверей и окон. Остались только мы, да старая итальянка со своей лавченкой. Старуха лишилась всех своих покупателей, кроме членов нашей редакции, посылающих к ней ежедневно в четыре часа дня за «шампанским» — кока-колой, а иногда и за папиросами. Итальянка сидит мрачная в своей лавченке и на все уговоры маршала (этим громким титулом называется чиновник, выселяющий квартирантов по приговору суда) освободить уже опустевший дом, отвечает: когда выедет русская газета, выеду и я.

Маршал приходит к нам и жалуется на упрямую старуху.

*

Разборщики домов — русские люди, наши друзья и читатели, сказали нам:

— Оставайтесь, пока вам нужно. Ваш дом снесем последним.

Разборщики обещание сдержали. И только на-днях, когда один из них случайно сунулся в наше открытое подвальное помещение, другой крикнул ему:

— Куда прешь? Разве не знаешь, что здесь Новое Русское Слово?

И всё-таки, оставаться дольше нельзя было. Разборщики с трех сторон почти вплотную подошли к нашей редакции. Целыми днями слышится грохот падающих кирпичей. Всё ниже становятся стены разрушаемых зданий, и из наших окон, выходящих во двор, неожиданно открылся вид на Эмпайр Стэйт Билдинг.

На длинном дворе между двумя рядами домов, где трудолюбивые итальянские руки выращивали цветы и овощи и заботливо ухаживали за деревьями, теперь все дни стоят пожары. Разборщики сжигают двери, оконные рамы и всякое другое дерево, выбрасываемое из разрушенных домов. Но, чтобы не дать огню распростаниться, вокруг пускают струи воды. Воды так много, что она затопила наш подвал. Хорошо, что мы загодя вывезли оттуда печатную машину и бумагу.

С нашим выездом квартал совершенно опустеет. К домам подъедет машина с огромным металлическим шаром на цепи. Шар пойдет гулять по стенам домов и будет разрушать их быстрее, чем это способны сделать человеческие руки, быстрее и безопаснее.

Так будет добит умирающий квартал.

Собственно говоря, выехать отсюда нам давно надо было. Когда-то русская жизнь на Ист Сайде била ключем, и русские газеты не случайно обосновались здесь. На Ист Сайде и сейчас не мало русских людей и организаций. На Томпкинс Сквере или, как русские

его называют, в парке Седьмой улицы, ежедневно собираются минчане и гродненцы, чтобы в ожесточенных спорах решать мировые вопросы. Эти спорщики никогда не уйдут с Ист Сайда, разве их выселят, как выселили итальянцев и нескольких русских из нашего квартала.

Но всё-таки большинство наших читателей давно рассеялось по всему Нью Иорку, и им не легко стало ездить в Новое Русское Слово. Нам жаловались и на это, и на другие неудобства нашей редакции. Мы часто мечтали вслух: вот хорошо бы переехать в новый, более центральный район, но оставались на привычном месте.

*

И вот теперь, когда мечты претворяются в действительность, старое помещение вдруг полюбилось и оставляешь его с грустью. Оно и понятно, мы не только со старым домом расстаемся, а с большой полосой жизни, с милым прошлым, которого не вернешь.

За все годы своего существования наша редакция несколько раз переезжала, но всегда оставалась на Ист Сайде, в небольшом районе Второго Авеню, между 7 и 14 улицами. Здесь я сам провел все деловые дни и годы моей американской жизни, как в сказке, тридцать лет и три года, целую эпоху, охватившую две мировые войны и две русских революции.

Вспоминаю мое первое посещение редакции Русского Слова через несколько дней после приезда в Америку. Газета тогда выходила три раза в неделю. Формат ее был небольшой. Набиралась она крупным шрифтом, «с воздухом» так, чтобы меньше уходило материала.

Крупный шрифт, впрочем, был необходимостью. Очень многие читатели по газете учились русской грамоте. Помню просьбу одного из них, чтобы его газеты «печатували» заголовочным шрифтом, потому что он «дюже неграмотный». И из таких неграмотных людей вышли первые русские корреспонденты, ораторы, общественники и организаторы профессиональных союзов.

*

В мой приезд Русское Слово помещалось в доме 178 Второе Авеню, на третьем этаже. У дверей редакции меня встретила жгучая брюнетка с очками в роговой оправе, за которыми скрывались большие смеющиеся глаза. Своим видом и платьем девушка напоминала русскую курсистку. В одной руке она держала метлу, в другой — ящик с уже собранным мусором.

— Вам кого?

Я сказал.

— Папа, крикнула она, к тебе пришли.

Дочь издателя с метлой в руке — навсегда запечатлелась в моей памяти. Не думал я в день моего первого визита в Русское Слово, что почти вся моя американская жизнь будет связана с этой газетой.

*

Когда грянула первая мировая война, Русское Слово начало выходить шесть раз в неделю. Быстро увеличивался тираж газеты. Появился большой спрос на книги. Раньше нетребовательный читатель удовлетворялся сонниками и оракулами, песенниками и книгами о черной и белой магии. Война расширила его кругозор. Он жадно набрасывался на всякие книги. Читал Толстого и писал ему трогательные письма на

адрес редакции. Покупал геометрию, потому что «эта книга может пригодиться в моем карпентерском (плотничьем) деле». Чем мудреннее была книга, тем охотнее он за нее хватался. А один читатель, помнится, просил прислать ему книгу, из которой «я всё узнать могу».

Вскоре газета переехала в собственный дом на 7 улицу. Купила печатную машину и расширила типографию.

Успех кружил голову. Начались ссоры между издателем Л. М. Пасвольским и редактором, зятем издателя И. К. Окунцовым. Ссоры были семейные и политические. Они кончились для газеты плохо. Из нее ушли Окунцов, И. Л. Дурмашкин-Верующий, впоследствии перешедший к коммунистам и ликвидированный в России, и я. Вместе мы создали новую газету — «Русский Голос». А тут подоспела русская революция и началось здесь сумасшедшее время: митинги, собрания, бесконечные протесты и самые дикие резолюции.

Троцкий из подвального помещения Нового Мира, на восьмой улице, грозил Милюкову за его требование Дарданелл. Бесновался на всех митингах Мельничанский. Гремел Шатов. Этот анархист, бежавший из России по уголовному делу, перешел к большевикам. Уехал в Россию. Заведывал там банком в Ростове. Потом строил железные дороги. Затем бесследно исчез.

Русское Слово стояло в стороне от революции. Оно теряло читателей и впало в долги.

В 1920 году газета перешла в руки В. И. Шимкина, работавшего в ней со дня ее основания. Русское Слово превратилось в Новое Русское Слово. Вместе с новым названием в газету пришли новые люди. Че-

рез два года в нее вернулся и я, но уже в качестве компаньона и редактора.

Вскоре газете опять пришлось кочевать. Редакция вернулась на 178 Второе Авеню, но уже на первый этаж. Через несколько лет — новый переход в дом польской газеты, тот самый, который мы сейчас покидаем. Польская газета скоро закрылась. Но владелец, богатый поляк, сдал нам дом. Мы оставались в нем целых пятнадцать лет.

*

Квартал наш сплошь был заселен итальянцами. Наши соседи были приветливы и услужливы. Но их дети, особенно подростки, не мало крови нам испортили. Они облюбовали редакционный коридор, чтобы играть в нем в карты или костяшки. Портили стены и двери. Вступали в драку. Приходилось часто звать полицию.

И всё-таки, когда в прошлом году квартал начал пустеть, сразу стало скучно. Цветники и огороды были запущены. Правда, зелень, а кое-где и цветы, сами пробивались наружу, но прежней красоты уже не было.

Теперь почки на деревьях во дворе уже начали набухать. Но им не видать новой весны и жарких дней лета. Они будут снесены вместе со старыми домами.

Что-ж, такова жизнь! Одни уходят, чтобы дать место другим. Старые кварталы умирают. На их место возродятся новые.

Так было, так будет.

Март, 1946.

Спор Ивана Грозного с Курбским

ЭТА тема навеяна фильмом «Иван Грозный», который мне довелось на днях увидеть. Личность Ивана 4-го и его «делы» произвели сильное впечатление на современников и надолго остались в народной памяти. Современник Грозного пишет, что этот царь «на рабы своя от Бога данные ему жестокосерд вельми и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим, множество народа от мала до велика при царстве своем погуби и многие грады свои попалил».., а «жены и вдовицы блудом оскверни». Но тот же современник отметил, что Грозный «к ополчению был дерзостен и за свое отечество стоятелен».

О Грозном царе сложились многочисленные сказания и распевались песни. К нему обращались романисты, поэты и художники, о нем и его делах спорили историки. Теперь образ Грозного запечатлен на экране.

*

О фильме «Иван Грозный» уже писалось. Не стану поэтому вдаваться в подробности. Скажу только, что фильм насыщен действием. Тщательно, даже любовно, передана внешняя сторона эпохи. Изумительны массовые сцены. Отлично подобраны отдельные типы: один только вид Малюты Скуратова, «ока государева» вызывает отвращение. Превосходны пение и музыка Прокофьева.

Наряду с этим почти все главные актеры играют из рук вон плохо. А главное, на экране показан лишь первый период царствования Грозного, период, говоря словами князя Курбского, «доброго... и прекрасно-

го царя, для отечества пренебрегавшего своим здоровьем, понесшего тяжкие труды и беды в борьбе с врагами креста Христова и от всех пользовавшегося доброй славой».

Курбский говорит о тех годах, когда молодой царь окружил себя молодыми сверстниками из бояр, приблизил к себе священника Сильвестра и спальника Алексея Адашева. В эти годы совершилось покорение Казани и Астрахани. Был созван Земский Собор, первое на Руси представительное собрание, предоставившее населению московского государства более широкие права самоуправления и принявшее другие полезные меры.

Всё это, за исключением созыва Земского Собора, запечатлено на кино-ленте. Но фильм обрывается на решении Грозного уступить земскому челобитью и вернуться из Александровской слободы в Москву.

Что произошло потом? И почему царь получил кличку Грозного? Это слабому в русской истории зрителю невдомек. Такой зритель ничего не знает об оргиях и насилиях, о страшных казнях и пытках, в которых царь часто сам принимал участие, об убийстве им сына, о разгроме Новгорода, о котором Ключевский пишет так: «Ничего не расследовав, по одному подозрению, так зря, бесчеловечно и безбожно разгромил большой древний город с целою областью, как никогда не громили никакого русского города татары».

В фильме показано только зарождение опричнины, «тьмы кромешной», по народному выражению. Постановщик не решился облагородить Малюту, зато он идеализировал «отверженного Богом» Басманова с сыном, которых царь впоследствии казнил.

*

В оценке личности Грозного и его царствования историки несколько расходятся.

Все признают в нем замечательного писателя и оратора, начитанного и для своего времени образованного человека: «был в науке книжного учения доволен и многоречив зело». Царь был наделен умом острым и наблюдательным. В этом уме было много воображения и способности к сарказму, но очень мало спокойной рассудительности, столь важной в государственных делах.

В характере Грозного не было устойчивости. Царь легко подчинялся ненависти и страху. С годами эти чувства заполнили его душу и омрачили ум. Страх заставил царя уничижаться перед польским королем Баторием, перед которым он незадолго до этого величался. С целью унизить ненавистных ему бояр Грозный венчал царем всея Руси крещеного татарского царевича Семена Бекбулатовича, ездил к тому на поклон, а затем садился «от царева места далеко меж бояр».

В этой комедии, продолжавшейся два года, много злобы и издевательства, но напрасно искать в ней государственного смысла.

Карамзин, Костомаров, Ключевский и другие историки отказываются признать Грозного крупным государственным деятелем. Он был для этого, по их мнению, слишком опрометчив, неуравновешен и несдержан. «...Положительное значение царя Ивана в истории нашего государства, — пишет Ключевский, — далеко не так велико, как можно было думать, судя по его замыслам и начинаниям, по шуму, какой про-

изводила его деятельность Грозный царь больше задумывал, чем сделал, сильнее подействовал на воображение и нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок. Жизнь московского государства и без Ивана строилась бы так же, как она строилась до него и после него, важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены».

И дальше: «Карамзин преувеличил очень немного, поставив царствование Ивана, одно из прекраснейших по началу, — по конечным его результатам наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени. Вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом».

Впрочем, никто иной, как сам Грозный в один из моментов самобичевания кается в своих злых делах и общую причину их видит в свойствах собственной личности. В своем «завещании» царь признает, что он «скаредными своими делами паче мертвеца смраднейший и гнуснейший», что он «разумом растлен и скотен умом».

*

Другие историки, в особенности Платонов, видят в мерах Грозного большой государственный смысл. Опричнина, которую Ключевский называет «полицейской диктатурой для борьбы с крамолой», была, по мнению этих историков своеобразным орудием борьбы с удельными князьями. Она содействовала усилению центральной власти, искоренению традиционных прав и преимуществ бояр, облегчила задачу собирания Руси воедино.

Фильм Эйзенштейна больше следует этой исторической линии. Главной заботой Грозного по фильму

не личные интересы, а государственные. Бояре, наоборот, изображены, говоря современным языком, шкурниками и врагами народа. Они лишь заботятся о своих привилегиях, замышляют измену и предательство, спасаются бегством в Литву.

Только царь Иван, его жена Анастасия да Басмановы, отец и сын, наделены положительными чертами. Бояре и митрополит показаны в самом отрицательном свете. Двоюродный брат царя и претендент на престол, князь Владимир Андреевич Старицкий изображен полнейшим идиотом, он им не был. Но больше всего досталось князю Андрею Курбскому. Герой Казанского и Ливонского походов, талантливый политический деятель и один из лучших советников Грозного в первые, лучшие годы его царствования, показан бессмысленно жестоким и даже трусливым человеком, рвущимся к власти лукавым царедворцем и неудачным прельстителем царицы.

*

Сейчас принято оправдывать зверства Грозного его целью — покончить с боярскими привилегиями, объединить страну вокруг сильной централизованной власти, якобы необходимой для дальнейшего развития государства.

Может быть, оно и так. Но всё-таки не мешает вспомнить, что за три с половиной века до Грозного сходный спор в Англии окончился совсем иначе, и это вовсе не послужило на погибель государства.

Когда Джон (Иоанн) Безземельный пытался усилить свою власть и прибрать к рукам феодальную знать, та восстала против него и потребовала дарования королем грамоты о свободах. Ополчение баронов встретилось с королем в долине Рэннимид и вынудило у

него торжественную клятву соблюдать требования Великой Хартии, текст которой он подписал.

Хартия эта легла в основу дальнейшего политического развития страны и сделалась источником всех английских свобод. Она установила неприкосновенность личности и собственности. Навсегда отменила произвольные аресты, как и произвольные поборы с населения.

Почему московская Русь через 350 лет пошла иным путем? Почему ей понадобилась «опричнина кромешная тьма, и Васька Грязной и Малюта...»?

*

Ответ на эти вопросы знаю наперед. Укажут на «особенную стать» России, которую де нельзя мерить английским аршином, сошлются, и вполне правильно, на пагубное влияние татарского ига.

Но вот Курбский, и многие его современники думали иначе. В своей «истории князя великого московского», то есть царя Ивана, Курбский считает нормальным только такой государственный порядок для Руси, при котором царь правит с помощью Боярского Совета и Земского Собора. Царь «должен искать доброго и полезного совета не только у своих советников, но и у всенародных человек...» то есть у народных представителей. Те же рассуждения беглый боярин высказывает в своей знаменитой переписке с царем. Он упрекает Грозного за то, что тот перебил и разогнал своих лучших советников и окружил себя худородными «воеводишками», которые «пугаются не только появления неприятеля, но и шелеста листьев, колеблемых ветром».

Грозный в долгу не остался. «Письмо твое, — пишет он Курбскому, принято и прочитано внимательно.

Яд аспида у тебя под языком, и письмо твое наполнено медом слов, но в нем горечь полыни». Царь бросает Курбскому и другим боярам обвинение в похищении «Богом данной» ему царской власти.

«Ведь ты, — продолжает царь, — в своей бесосоставной грамоте твердишь всё одно и то же, переворачивая разными словесы, и так, и этак любезную тебе мысль, чтобы рабам помимо господ обладать властью...» В другом месте он заявляет: «Мы государь по Божьему соизволению, а не по многомятежному человеческому хотению».

Иными словами, Курбский стоит за очень умеренную представительную форму правления, за некоторое подобие Великой Хартии, а Грозный ему отвечает, что самодержавный царь не может быть управляем ни «попами» ни «рабами».

Победа осталась за царем Иваном. Но спор между самовластьем и сторонниками народовластия не прекратился и после смерти Грозного и Курбского. Он продолжается поныне.

Апрель, 1947.

Как это случилось

1

ВСЕМ памятны сенсационные показания Витэкера Чэймберса в комиссии Палаты Представителей, занимающейся расследованием антиамериканской деятельности.

Чэймберс, как известно, признал, что в тридцатых годах он был подпольным коммунистическим агентом и работал в «коммунистическом аппарате» в Вашингтоне вместе с рядом государственных чиновников. Аппаратчики занимались шпионажем в пользу Советского правительства. Выкрадывали важные документы и фотографировали их. Снимки передавались советским представителям для переотправки в Москву.

Чэймберс назвал несколько имен и среди них имя Алджера Хисса, видного в ту пору чиновника Государственного Департамента, которого Рузвельт взял с собой на конференцию в Ялту. На очной ставке Хисс решительно всё отрицал. Он — не коммунист и никогда им не был. Он — не предатель и никогда им не был. Чэймберса он не знает и никогда не знал. Он знал человека несколько похожего на Чэймберса, но носившего другое имя. Во всяком случае, никому никаких секретных документов он не выдавал.

*

Полная противоположность в показаниях Чэймберса и Хисса не оставляла никаких сомнений, что один из них клятвопреступник. Но кто? Ответить на этот вопрос было не легко.

Чэймберс выступил добровольно. Он сознался в собственном участии в шпионской деятельности. Кроме того, зачем было Чэймберсу, занимавшему пост редактора распространенного еженедельника «Тайм», рисковать своим именем и карьерой, давая ложные показания?

Но с другой стороны был Хисс, человек из старинной американской семьи, очень способный и симпатичный, сделавший большую карьеру на государственной службе и позже избранный председателем Международной организации мира имени Карнеги. Неужели этот человек шпион и клятвопреступник? И главный вопрос — неужели Чэймберс ничем, кроме как словами, не может подтвердить своих чрезвычайно важных обвинений против Алджера Хисса, его брата Доналда, тоже бывшего чиновника Государственного Департамента, и ряда других лиц?

Оказалось, что Чэймберс мог подтвердить свои показания. У него были документы. Выяснилось это совершенно случайно и главным образом благодаря странной настойчивости Хисса.

За свои показания в комиссии Чэймберс не мог быть привлечен к ответственности. Хисс бросил Чэймберсу вызов — пусть он повторит свои обвинения вне стен комиссии. Чэймберс повторил их в радиобеседе с представителями печати и Хисс предъявил к нему иск за клевету.

Как это обычно бывает в таких случаях, адвокаты Хисса получили разрешение допросить Чэймберса до судебного разбирательства. На их вопрос: «Какие у вас документальные данные для подтверждения ваших показаний»? Чэймберс ответил: «Только эти» и протянул связку с несколькими десятками документов, изъятых из архивов Государственного Департамента.

Документы оказались столь важными, что адвокаты Хисса и Чэймберса срочно снеслись с федеральным судом и с министерством юстиции. «В интересах государственной безопасности» документы решено было запечатать и пока держать всё дело в секрете.

Но тайное стало явным. Когда слух о документах проник в печать, Чэймберс получил приказ следственной комиссии Палаты Представителей выдать все имеющиеся у него документы. Вот тогда то и обнаружилась знаменитая тыква, начиненная микрофильмовыми снимками, выкраденных из Государственного Департамента и морского ведомства секретных документов. Таких документов насчитывается больше двухсот. Об их важности свидетельствовали Сэмнер Веллс, бывший товарищ государственного секретаря, и Джон Перифой, помощник государственного секретаря. Оба высказались против опубликования некоторых документов, не потерявших даже после десяти лет своей чрезвычайной секретности. Оба признали, что документы несомненно послужили «ключем» к раскрытию шифра, которым пользовался Государственный Департамент.

На предварительном допросе по иску Хисса Чэймберс не ограничился предъявлением документов, а дал совершенно новые и чрезвычайно важные показания о роли Хисса, его жены и других лиц.

Чэймберс, по его словам, свел Хисса с полковником Борисом Быковым, главным советским военным агентом в Соединенных Штатах. Встреча Хисса с Быковым состоялась в Нью Иорке. С того времени Хисс в своем портфеле приносил домой секретные документы Государственного Департамента. Его жена переписывала их на машинке. Наиболее важные доку-

менты фотографировались (Чэймберс назвал коммуниста фотографа), и затем возвращались в Государственный Департамент.

Иногда Хисс видел в Государственном Департаменте важные документы, но не мог почему либо взять их с собой. В таких случаях он записывал их содержание на месте. Эти записи найдены в документах Чэймберса. Эксперты установили, что они написаны Хиссом.

Факт преступной кражи документов установлен. Факт шпионажа в пользу советского правительства не подлежит больше сомнению. Если не Хисс, то другие американцы предавали свое отечество.

Как это случилось? Почему столько сравнительно видных и образованных американцев так легко пошли на предательство своей страны?

Эти вопросы волнуют и тревожат. Найти ответ на них так же важно, как важно пресечь все возможности для предательства в будущем.

2

Витэкер Чэймберс, Алджер Хисс, его жена Присцила и брат Доналд, Элизабет Бентли, Хенри Джульен Вадли, Вильям Ворд Пигмэн, его брат Джордж и многие другие — это все люди одного поколения и одного круга, это все представители той части американской интеллигенции, которая, начав с критики многого в американской жизни, что критики заслуживало, постепенно левела (будет правильнее сказать правела), пока не очутилась в коммунистическом лагере или в одном из примыкающих к нему попутнических фронтов.

Но одно дело преклоняться перед сталинской диктатурой и видеть в ней самую совершенную демократию — такого рода массовое ослепление случается не впервые — совершенно другое, когда такие люди доходят до шпионажа, до кражи секретных документов, до предательства своей родины и делают всё это не страха или корысти ради, а во имя идеи.

Как это, повторяю, могло случиться? Над этим вопросом следует призадуматься.

Я отнюдь не тороплюсь с обвинениями людей, свою вину отрицающих и пока еще не осужденных. Но Элизабет Бентли в своей шпионской деятельности созналась. Чэймберс сознался и подкрепил свои показания многочисленными документами. Чэймберс ни в Государственном Департаменте, ни в Морском Ведомстве не служил. Как попали к нему эти документы?

Если не Хиссы, не Вадли и не Пигмэны крали для него секретные документы, зная, что он передаст их советским агентам, то это делали другие, такие же образованные молодые люди, в большом числе устремившиеся в тридцатых годах на государственную службу с целью участвовать в осуществлении реформ Рузвельта.

Следует напомнить: между рузвельтовским «Нью Дилом» и коммунизмом была «дистанция огромного размера». Реформы Рузвельта стремились восстановить и укрепить разрушенное депрессией капиталистическое хозяйство с его частной собственностью и частной инициативой, что совершенно не отвечало целям и задачам коммунистов. До войны Рузвельт очень резко отзывался о советском правительстве и на выборах решительно отвергал поддержку коммунистов.

Как же всё-таки могло случиться, что молодые адвокаты и экономисты, вместе с Рузвельтом осуществлявшие его реформы, одновременно вступали в тайные коммунистические ячейки и превращались в сталинских шпионов?

Ответ, я думаю, надо искать прежде всего в эпохе, в среде из которой вышли Чэймберсы и Хиссы, в тех настроениях, которые в ней господствовали, в том воспитании, которое эти молодые люди получили и затем в неразборчивой в средствах, коммунистической пропаганде.

*

Чэймберсы и Хиссы увидели свет на грани нынешнего и прошлого веков. То было время, когда на арену американской жизни выступили новые социальные и культурные силы. Начали объединяться фермеры, росло, несмотря на большие препятствия, рабочее движение, бурлило политическое море. Интеллигенция выдвинула многочисленных сторонников реформ и перемен во всех областях американской жизни. Брайэн, Теодор Рузвельт, Лафоллет старший, Генри Джордж, Эптон Синклер, Теодор Драйсер, Джордж Норрис, Джэйн Эдэмс, Лилиэн Волд и Вудро Вильсон были в авангарде этой интеллигенции. «Сквер Дил» первого Рузвельта и «Новая Свобода» Вильсона были предвестниками «Нью Дила» второго Рузвельта.

Америку когда-то назвали «надеждой человечества». К началу нынешнего века эта надежда значительно поблекла. Материальные успехи республики были велики, но давали себя остро чувствовать недостатки и даже преступления ничем необузданного капитализма. В культурных и социальных областях Америка шла позади других стран.

Когда президент Теодор Рузвельт заявил, что «великое индустриальное развитие вызывает необходимость в усиленном правительственном надзоре за деловыми предприятиями», в этом увидели чуть ли не революционный призыв. Позднее еще более революционно прозвучало вильсоновское требование таких перемен, которые «не делали бы правительство орудием в руках частных интересов», не ограничивали бы свобод трудящихся, не отдавали бы пользование государственными рессурсами для частного обогащения.

Чэймберсы и Хиссы росли под впечатлением постоянной критики американских порядков и настойчивых требований реформ. Они много слышали обо всем этом дома, еще больше в колледжах и университетах. Вместе с отцами они стремились к прогрессу и переменам. Но им, молодым, не терпелось, они хотели более быстрого и более радикального осуществления своих идеалов.

Отцы были реформаторы-постепеновцы. Дети сделались революционерами.

Отцы мыслили осуществление всех реформ, даже самых крайних, демократическими средствами. Изъяны американской жизни они объясняли нарушениями и искажениями демократии. Дети пошли дальше. Реформы их больше не удовлетворяли. Реформы в их глазах были, что заплаты на потрепанном сюртуке, а они мечтали о новом сюртуке, скроенном по последнему московскому фасону.

На молодую американскую интеллигенцию октябрьская революция произвела огромное впечатление. То, что Октябрь в России почти совпал с застывшей политически и морально эпохой Хардинга-Кулиджа-Хувера и с последовавшей затем грозной депрес-

сией, только усиливало в глазах Чэймберсов и Хиссов смысл и значение пресловутых большевицких лозунгов.

Хардинг провозгласил возврат к «нормальному». То был возврат к политическому и экономическому изоляционизму, к отказу от вступления Соединенных Штатов в Лигу Наций, к проведению самых высоких тарифных ставок, и это в такое время, когда Соединенные Штаты из государства-должника превратились в государство-кредитора. Наряду с этим скоро прогремели скандалы с «бандой из Охайо», с хищениями государственного имущества, с подкупами и взяточничеством. Завершилось это «нормальное» десятилетие великим крахом на бирже и небывалым в истории страны кризисом.

*

Как раз в эти годы сложились убеждения Чэймберсов и Хиссов. Они *видели* все недостатки американского политического и экономического порядка и *слышали*, да еще в крайне искаженной передаче, о «великих достижениях» революционной Советской России.

Здесь богатство и бедность, роскошь и нужда, безработица и продажи с торгов фермерских имуществ. Там полное экономическое и политическое равенство, совершенно новые формы государственного устройства. Какой то чудесный и идеальный мир! Как не желать пересадить его на американскую почву!

Правда, в Советской России жилось довольно скверно. Но это временное явление. Правда, там был кровавый террор и свирепствовала Чека. Но, во-первых, газеты всё это несомненно преувеличивают, а,

во-вторых, революции редко обходятся без крови и жестокостей — тому пример американская революция — и их можно оправдать, когда они совершаются во имя высокой цели, для блага народа.

Так Чэймберсы и Хиссы, не без настойчивых подсказываний со стороны, дошли до решения, что цель оправдывает средства. От этого до остального дойти было уже не трудно.

В Рузвельте Чэймберсы и Хиссы увидели американского Керенского. Рузвельт полезен, потому, что он расчищает путь для американских Ленина, Троцкого и Сталина. Борьба между Троцким и Сталиным отразилась и здесь. Часть молодежи осталась верна Троцкому, и из ее среды вышли затем самые ярые противники сталинской диктатуры.

Но большинство коммунистически настроенной или уже партийной молодежи скоро оправилось от временной растерянности. Чэймберсы и Хиссы уже приспособились. Они научились не спрашивать и не сомневаться, это было признаком вредных уклонов, а во всем повиноваться своим руководителям и во всех случаях верить в беспорочность великого Сталина. Для роли Троянского коня они были уже вполне подготовлены.

3

Вспомним Гомерово сказание о Троянском коне.

Парис, второй сын троянского царя Приама, похитил Елену жену спартанского царя Менелая. Остальные властители Греции, Гомер их перечисляет и подробно характеризует, заступились за честь Менелая. Они потребовали выдачи Елены и, получив отказ, предприняли поход против Трои.

Девять лет продолжалась война без решительной победы. Осажденная Троя не сдавалась. Тогда греки пустились на хитрость. По совету Одиссея они построили огромного деревянного коня и спрятали в его пустом нутре отборный отряд воинов. Затем сели на корабли и отплыли от берега. На следующий день троянцы увидели под стенами пустой лагерь и устремились за город, чтобы посмотреть на удивительного коня. Обнаруженный в тростнике, грек Синон объяснил троянцам, что конь подарен им богиней Афиной. Напрасно Лаокоон предупреждал своих соотечественников против подарка, они разобрали часть стены и втащили коня в город. Ночью вернулись греческие корабли. Греческие воины проникли в город через брешь в стене. Греки вышли из чрева коня. В разных частях Трои началась резня. Город был сожжен и разграблен.

Вот об этой трагической участи древней Трои, ставшей жертвой легковерия собственных граждан, и вспомнил Димитров, когда на седьмом съезде Коминтерна, вместе с остальными вождями строил козни против всего свободного мира. Хитрость греков против Трои он задумал использовать, чтобы ускорить наступление повсюду той радостной и веселой сталинской жизни, от которой даже Тито не по себе стало.

Так в голове Димитрова родилась идея Троянского коня.

*

Коммунистическое подполье существовало и до Димитрова. Потаенно устраивались заговоры, велась шпионская работа, поднимались восстания. Димитров всё это усовершенствовал и бесконечно расширил, введя в дело не одного только Троянского коня, а целые

табуны их. То были, конечно, не деревянные кони, в наш век никого этим не удивишь, а люди из плоти и крови, которых длительная подготовка превратила в бездушных автоматов и покорных исполнителей чужой воли.

Во всех странах внезапно размножились всевозможные общества с безобидными часто названиями и совсем не безобидными целями; народились единые фронты, задачей которых было разъединять; создались лиги с демократическими и либеральными лозунгами, но занимавшиеся подрывом всего демократического и либерального. Повсюду, и в общественных, и в правительственных учреждениях, появились люди в масках. Повсюду резыгрывались настоящие сцены с переодеваниями и переменами декораций.

Характерный пример.

После прихода Гитлера к власти здесь была создана Лига борьбы против войны и фашизма. В лигу были привлечены люди почтенные и хорошо известные. Когда Сталин неожиданно сговорился с Гитлером и развязал фюреру руки для войны, лига поспешно переменила вывеску и характер своей работы. Она превратилась в Лигу борьбы за мир и демократию, причем борьба за мир выражалась в протестах против нашей помощи «зачинщикам войны»... Англии и Франции и в саботаже подготовки нашей собственной обороны.

Новая перемена декораций произошла после нападения Гитлера на Советский Союз. Лига под новым названием — Мобилизация за мир — уже начала торопить Вашингтон с отправкой военной помощи СССР и протестовать против медлительности союзников с созданием второго фронта.

*

В этой стране есть очень большое число интеллигентных людей, готовых протестовать и бороться против всяких зол и несправедливостей, но только не таких, которые совершаются якобы революционерами и во имя революционной идеи. Люди эти знают о революционном прошлом Соединенных Штатов и о благотворном влиянии американской революции на развитие страны. Поэтому всякая революция в их глазах есть благо, а всякая борьба с революцией — зло. В среде этих людей троянские кони Димитрова вербовали защитников сталинской диктатуры и творимых ею безобразий. О том, как вербовали, рассказал недавно Луис Буденз, бывший редактор Дэйли Воркера.

В 1941 году 163 ученых и общественных деятелей опубликовали протест против «поджигателя войны... через лэнд лиз» Рузвельта. Тремя годами позже почти все эти лица подписали воззвание о переизбрании того же Рузвельта на второй срок. В промежутке между протестом и воззванием произошло вторжение Гитлера в СССР. Оба документа были сочинены в стенах редакции Дэйли Воркера, чего лица, подписавшие их, конечно, не знали.

Если так легко поддавались на коммунистическую удочку более зрелые люди, ученые, писатели, музыканты, то что сказать о неопытной молодежи?

Прямо со школьной скамьи, а иногда и раньше, эта молодежь попадала в коммунистические ячейки, созданные в большом числе среди студентов университетов. Там ее соответственно обрабатывали, приучали к скрытности, к заговорам; научали изворачи-

ваться, лгать, обманывать, а главное беспрекословно выполнять все приказы, даже самые ужасные, партийного начальства.

Сталинские агенты не удовлетворились тем, что эти молодые люди были готовы «на всё» во имя идеи. Необходимо было навсегда связать их с аппаратом, предотвратить всякую для них возможность уйти и раскрыть дьвольскую работу троянских коней. Для этого надо было в конец испоганить их души, лишить их чести и совести.

Элизабет Бентли рассказала, как советский агент заставил ее принять две тысячи долларов в награду за ее шпионскую деятельность.

Чэймберс рассказал, как по приказу полковника Быкова он купил ковры и вручил их в качестве подарков наиболее усердным похитителям документов. Те, к его удивлению, их приняли. Удивляться, собственно говоря, было нечего — подарок всесильного коммунистического начальства нельзя было не принять.

Вырваться после всего этого из коммунистического плена было очень трудно, почти невозможно. Решиться на такой шаг могли лишь единицы и то с большим риском для себя и своей семьи. Все остальные вынуждены были навсегда оставаться сталинскими невольниками, троянскими конями Димитрова.

Декабрь, 1948.

О демократии

Владимир Петров предложил мне высказаться по вопросу о том, что такое демократия и кто такие демократы. Охотно поделюсь своими мыслями по этому важному вопросу и буду рад, если другие захотят, сказанное мною дополнить или по иному осветить весь вопрос. Но заранее предупреждаю В. Петрова, что из его попытки «рассадить по полочкам всех наших демократов по степени их демократичности» ничего не выйдет. Добровольно сидеть на указанных им полочках они откажутся, а насильно посадить их здесь никто не может — это, между прочим, и есть демократия.

Не следует также В. Петрову слишком пугаться «путаницы» и разноголосицы. Они в демократии, не в пример диктатуре, совершенно неизбежны: в демократии столько голосов, сколько граждан; в диктатуре — только один голос. Поэтому в демократии внешний беспорядок и непривыкшему к ней человеку иногда кажется, что вот произойдет полный развал. Зато в стране диктатуры — порядок и дисциплина; все рассажены по полочкам: «сиди и не рыпайся».

*

Истоки нашей цивилизации берут свое начало в древней Греции. Оттуда пришло к нам и слово «демократия», означающее буквально *народовластие*. Поэтому выдуманный большевиками термин «народная демократия», то есть *народное народовластие,* мне кажется бессмысленным и жульническим. Он явно придуман

для того, чтобы диктатуру, то есть полную противоположность народовластия, выдать за демократию.

Греческое представление о демократии мало похоже на современное, потому что понятие о народевластителе было в Греции очень узкое: оно обнимало собою лишь политически полноправную часть населения; ряд категорий граждан и огромная масса рабов исключались из представления о народе.

Еще менее, конечно, можно говорить о демократии в применении к римским государственным порядкам. Там были демократические формы. Но в них было мало того содержания, которое мы считаем необходимым в современной демократии.

Демократизация современного государства, процесс в наши дни далеко еще не законченный, началась в Англии в 1213 году, когда была произведена первая попытка установить представительство от народа. Король Джон (Иоанн) Безземельный после двухлетней борьбы с мятежными лордами вынужден был подписать (15 июня 1215 года) Великую Хартию. В 65 статьях этой хартии изложены все те злоупотребления, от которых страдал английский народ, и указаны меры к их постепенному устранению.

В Великой Хартии впервые провозглашены конституционные гарантии, имеющие в виду обеспечить неприкосновенность личности и собственности. Они гласят:

«Ни один свободный человек не может быть взят под арест, или посажен в тюрьму, или объявлен стоящим вне закона, или подвергнут конфискации имущества, иначе, как по приговору своих равных и по закону страны».

Так семь веков назад было положено начало разви-

тия современной демократии, хотя само слово «демократия» впервые появилось в английском языке гораздо позже — в начале шестнадцатого века.

*

Американский историк Чарлз Бирд в своей книге «Республика» рассказывает как идея демократии и само слово перекочевало из революционной (Кромвеллевой) Англии 17 века в американские колонии, но подчеркивает, что в глазах огромного большинства колонистов это слово означало правление черни: его боялись даже долгое время после американской революции. Поэтому слово «демократия» совершенно не упоминается ни в Декларации Независимости, ни в первых штатных конституциях, ни в федеральной конституции.

Несмотря на это, Декларация Независимости, опубликованная 4 июля 1776 года, а вслед за ней конституция, в особенности билль о правах, принятый в виде десяти поправок к конституции в 1791 году, послужили тем фундаментом, на котором было воздвигнуто здание американской демократии.

Декларация Независимости признала «за очевидные истины, что все люди сотворены равными, что им даны их Творцом неотъемлемые права, среди которых находятся право на жизнь, на свободу и на счастье, что для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства и что если правительство препятствует достижению этих целей, народ имеет право свергнуть его и учредить новое». Перечислив затем ряд «несправедливостей и насилий» произведенных английской короной над колонистами, Декларация заявляет, что «государь, характер которого отмечен всеми качества-

ми тирана, не может быть правителем свободного народа».

*

Декларация Независимости и билль о правах произвели сильное впечатление во всем мире. Они вдохновляли деятелей французской революции и сыграли огромную роль в освобождении латинской Америки от испанского и португальского владычества. Но в то время, когда в республиках латинской Америки демократия больше формальная и диктаторы там нередки, в Соединенных Штатах не было ни одной даже попытки захвата власти.

Конечно, и здесь были и будут злоупотребления властью и нарушения конституции. Конечно, и здесь не мало недостатков и общественных язв, жестокостей и несправедливостей. Всё же американская демократия в самой себе содержит все необходимые средства для улучшения ее язв. «Все язвы демократии, — сказал когда-то Альфред («Эл») Смит, — можно лечить большей дозой демократии».

Это и сделал в свое время Рузвельт. Его реформы были крупнейшей революцией, проведенной, однако, без пролития крови, без расправ, с сохранением всех конституционных гарантий и при поддержке огромного большинства народа.

О демократии написано много томов и в них можно найти самые разнородные определения этого слова. Это потому, что демократия — живой, постоянно меняющийся организм, она иная у разных народов и в разные эпохи.

Вильсон сказал:

«Демократия в самом широком смысле слова означает больше, чем форма правления... она в дейст-

вительности система социального устройства, касающаяся любого почти отношения человека к человеку. Это система, которая, по крайней мере в идеале, пытается уравнить возможности и ответственности людей в обществе».

Выразительное определение демократии дал Линкольн. Со свойственной ему сжатостью он сказал: «Не желаю быть рабом и не желаю быть господином. Это выражает мою идею демократии. Всякие отклонения от этого... не демократия».

А известный в свое время священник Паркер сказал: «Демократия не означает, что я также хорош, как вы, а что вы также хороши, как я».

Демократия в нашем современном понимании не есть правительство с конституцией, в которой изложены теории прав человека и народного управления. Демократия — это такая форма правления, при которой действительная власть сохраняется в руках народа и правители являются слугами народа, а не его властелинами. Важна не форма демократии, а ее сущность. Поэтому современная Англия несмотря на монархическую форму несравненно более демократична, чем республиканская древняя Греция.

*

В демократии каждый человек ценен сам по себе. Государство создано для людей, а не люди для государства. Все граждане участвуют или должны участвовать в выборах своего правительства и в проведении законов.

Все функции правительства выполняются или должны выполняться в соответствии с основными законами страны. Но всегда, во всех случаях права и

свобода отдельных лиц и групп должны ревностно охраняться от произвола чиновников или от давления большинства. Меньшинство подчиняется решениям большинства, но в таком подчинении не должно быть ни физического, ни морального давления. Достоинство человека должно оберегаться больше всего.

Люди, придерживающиеся этих принципов и пытающиеся по мере своих сил проводить их в своей повседневной жизни, могут называться демократами, независимо от того к какой они принадлежат партии.

Южане, голосующие за Демократическую партию, но устраивающие суды Линча и творящие другие безобразия, не демократы. Не могут считаться демократами ни коммунисты, ни те социалисты, которые стремятся ввести социальное равенство методами насилия и подавления.

Август, 1949 г.

Американский пример и Россия

1

В РУССКО-УКРАИНСКОМ споре на страницах Нового Русского Слова не мало ссылок на исторический пример Соединенных Штатов.

Так, недавно два украинских политических деятеля убеждали меня, что судьба народов России может быть разрешена, если следовать американскому примеру и создать конфедерацию равноправных народов с предварительным признанием за каждым права на самоопределение вплоть до отделения.

Думаю, что, не входя в обсуждение сущности нынешних споров, будет не бесполезно вспомнить, как произошло превращение американских колоний в штаты, как эти штаты объединились и образовали Союз Соединенных Штатов, как этот Союз чуть не распался и был сохранен ценой кровопролитной гражданской войны.

*

Вооруженная борьба американских колоний против Англии началась в 1775 году. Ей предшествовали годы, когда недовольство в колониях, вызванное главным образом налогами, выражалось в словесных протестах, в резолюциях и петициях королю и парламенту. Всё же недовольство это охватило только часть колонистов. Джон Эдэмс, видный участник революции и второй президент Соединенных Штатов признает, что война за независимость была делом рук меньшинства. В течение всей войны, говорит он, треть населе-

ния была против независимости, а другая треть оставалась совершенно равнодушной к этой идее и в борьбе не участвовала.

Мнение Эдэмса подтверждается многочисленными фактами. Свыше 25 000 колонистов пошли добровольцами в английскую армию. В революционной армии их бывало редко больше и часто гораздо меньше. Вашингтон жаловался на нежелание колонистов участвовать в борьбе за свою независимость и писал, что если бы он мог предвидеть такое отношение, то никогда не согласился бы возглавить революционную армию.

Историки Невинс и Комэйджер пишут: «Восстание против английского правительства не было широким и добровольным движением». Восстание, по их словам, было организовано небольшой группой решительных и проницательных людей. «Патриоты победили, потому что они были, а тори или роялисты не были, хорошо организованы».

Были и другие, внешние, причины победы патриотов. Существенную поддержку им оказала Франция, находившаяся тогда в войне с Англией. Война с колониями была очень непопулярна в английском народе и даже в правительстве. Англичане, охотно воевавшие против Франции и Испании, отказывались вступать в войска, отправляющиеся в Америку, и правительству приходилось пользоваться немецкими наемниками.

Это в значительной степени объясняет поражение англичан в Америке и в то же время их решительные победы над французами и испанцами. В 1782 году, когда война в Америке подходила к благополучному для патриотов концу, Родни, один из самых выдаю-

щихся английских флотоводцев, в большом сражении в водах Вестиндии совершенно уничтожил французский флот и взял в плен адмирала Де Грасс. В том же году, несколько позже англичане разбили испанцев у Гибралтара.

Во всяком случае ссылка Декларации Независимости на естественное право одного народа в известных случаях «расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом», была фразой без содержания. Ни в то время, когда была провозглашена декларация, ни много позже американского народа и государства еще не было.

Борьба с метрополией началась «за права англичан», каковыми колонисты себя считали. До революции и годы после нее колонии мало сравнительно общались между собой и управлялись по разному. Были колонии, пользовавшиеся широкой автономией (Род Айлэнд и Коннектикут), были колонии частно-владельческие, были коронные земли, управлявшиеся королевскими губернаторами. Уже в колониальный период обозначались отличия между северянами и южанами, между янки Новой Англии и плантаторами Юга.

Война за независимость способствовала, конечно, сближению, если не самих колоний, то, по крайней мере, виднейших сторонников независимости.

*

В процессе борьбы колонии превратились в штаты с выборными губернаторами, с более широкими избирательными правами и с собственными конституциями.

Фактически каждый штат представлял собой совершенно независимое государство. Связь между ни-

ми поддерживали так называемые Континентальные Конгрессы (первый был созван в 1774 году), однопалатные и с одним голосом для каждого штата.

Права Континентального Конгресса были крайне ограничены. Будет вернее сказать, что их у него совсем не было. Он не мог собирать налоги, мобилизовать граждан для защиты, наказывать нарушителей закона или принуждать отдельные штаты соблюдать договоры, заключенные им с другими государствами. Каждый штат имел право отменить любой «национальный» закон или любой договор. Европейские державы не знали, имели ли они дело с одним государством или с тринадцатью отдельными республиками. Штаты ссорились между собой. Временами дело доходило до стычек и угроз прибегнуть к военным действиям. Один современник писал: «наши разногласия приведут к гражданской войне».

В 1781 году штаты одобрили Устав Конфедерации. Но и это ничуть не улучшило положения. Устав был составлен так, чтобы всех удовлетворить, но он никого не удовлетворил. Во вступительной статье конфедерация называется «вечным союзом»; согласно статье второй «каждый штат сохраняет свою суверенность и независимость»; а в статье третьей Конфедерация оказывается «лигой дружбы».

Неудивительно, что Вашингтон в 1783 году в циркулярном письме к губернаторам отдельных штатов назвал Конфедерацию «веревкой свитой из песка» и доказывал необходимость создания «нерасторжимого союза штатов под одним федеральным главой».

Вопрос о *нерасторжимом союзе* давно обсуждался и даже вызвал раскол среди участников войны за не-

зависимость. Многие были проникнуты идеями Томаса Пэйна, доказывавшего, что любое правительство в лучшем случае необходимое зло — его надо остерегаться и всячески ограничивать. Мы, говорили они, не для того боролись против власти английского короля, чтобы согласиться поставить над собой новую центральную власть.

*

К 1786 году положение создалось отчаянное. Экономическая разруха и политические неурядицы давали себя остро чувствовать. Росло недовольство в населении. Участились беспорядки. Из них самое знаменитое было «восстание Шэйя» в Массачусетсе.

Группа деятелей во главе с Хэмилтоном и Эдэмсом предложила созвать Конституционный Конвент для выработки мер с целью улучшения положения. Предложение было принято всеми штатами, кроме Род Айлэнда. Конвент открылся в Филадельфии в мае 1787 года и заседал шестнадцать недель.

Делегаты с самого начала превысили свои полномочия. Им было поручено пересмотреть Устав Конфедерации, а они занялись разработкой проекта нового «более совершенного союза».

Так создалась Конституция Соединенных Штатов. После одобрения Конституции отдельными штатами состоялись выборы первого президента. Вашингтон присягнул в Нью Иорке 30 апреля 1789 года.

Конституция не родилась в головах теоретиков и мечтателей. Она была продуктом личного и исторического опыта. Историк Элсон сравнивает ее с деревом, ствол и ветви которого были американские, а корни уходили глубоко в английскую почву. Историки Мор-

рисон и Комэйджер доказывают, что каждый пункт конституции был английского происхождения: писанная американская конституция, говорят они, в основном следует неписанной английской, какой та была до 1763 года.

Но авторы американской конституции были практические деятели. Они считались не с догмой, а с действительным положением вещей и с господствовавшими в то время настроениями и шли на необходимые уступки и компромиссы.

Так, в начале они намеревались учредить однопалатный Конгресс с представительством в нем от каждого штата в соответствии с численностью его населения. Делегаты малых штатов этому воспротивились и поэтому была создана вторая палата (Сенат) с равным в ней представительством всех штатов.

Были другие уступки и уловки. Даже названия: «Федеральная Конституция» и «Федеральное правительство» были придуманы лишь для того, чтобы успокоить тех, кто опасался сильной национальной власти и продолжал настаивать на суверенности отдельных штатов.

Все же три акта авторов Конституции имели революционный характер:

1. Конституция была учреждена именем народа Соединенных Штатов. Историк Бирд доказывает, что это вышло случайно, но это не так важно, как важно то, что федеральная власть получила возможность выступать от имени народа, а не отдельных штатов.

2. В самом тексте Конституция была объявлена основным законом.

3. Для одобрения Конституции было достаточно согласия девяти штатов из тринадцати, а не всех штатов, как это было в Уставе Конфедерации. Согласие всех штатов, вероятно, никогда не удалось бы получить. Так, Норт Кэролайна и Род Айлэнд отказались вступить в Союз и уступили только под угрозой экономической блокады.

Вообще Конституция в начале никого, кроме Мэдисона, ее главного автора, не удовлетворила. Хэмилтон сомневался в ее прочности. Вашингтон и Фрэнклин находили в ней недостатки. Видные участники революции, чьи имена значились под Декларацией Независимости, выступили против нее. В ряде штатов, особенно в Нью Иорке и Вирджинии она встретила сильную оппозицию. В штатном конвенте Нью Иорка Конституция была одобрена большинством всего трех голосов. Образовались две партии — федералистов, сторонников Конституции, и антифедералистов. Но федералисты действовали решительно. Они добились победы в девяти штатах до того, как оппозиция успела как следует организоваться.

После принятия десяти первых добавлений к Конституции, составляющих Билль о правах, страсти несколько улеглись и с Конституцией примирились.

Штаты, однако, продолжали считать себя суверенными: они вступили в Союз добровольно; они могут, если захотят, выйти из него. Об этом спорили в течение десятков лет, пока этот спор не был решен железом и кровью во время гражданской войны.

2

Уже на втором году президентства Вашингтона Пэтрик Хенри, один из виднейших деятелей револю-

ции, произнес такую резкую речь против федеральной власти, что Хэмилтон увидел в ней призрак гражданской войны. «Это первый симптом, — писал он, — течения, которое либо само должно быть уничтожено, либо оно уничтожит Конституцию Соединенных Штатов».

Хэмилтон не ошибся. Указанное им течение ярко сказалось в 1798 году, когда Конгресс принял два действительно суровых закона. Один давал президенту право высылки из страны любого подозрительного или опасного, по его мнению, иностранца; другой — пытался ограничить свободу печати.

Законы эти вызвали большое недовольство. Законодательные палаты Вирджинии и Кентокки в сходных резолюциях обвинили Конгресс в превышении власти. Одновременно в обеих резолюциях (в Вирджинской в более осторожной форме) была провозглашена доктрина нуллификации: конституция — договор между штатами; каждый штат вправе решать, нарушило ли федеральное правительство этот договор; если какой-либо штат решил, что федеральная власть повинна в «повторных и чрезмерных нарушениях» договора, он вправе выйти из Союза. Так задолго до нашего времени была выдвинута формула: самоопределение вплоть до отделения.

Много лет спустя стало известно, что Вирджинскую резолюцию редактировал Мэдисон, главный автор Конституции, а резолюцию Кентокки написал Джефферсон. Оба выступили в защиту американских свобод и против действительного превышения власти Конгрессом. Они не могли предвидеть, что их доктрина впоследствии будет использована южными штатами для оправдания института рабства и своего выхода из Союза.

Стоит отметить, что это право подтвердил сам Линкольн в своей первой инавгурационной речи. «...Эта страна с ее учреждениями принадлежит народу, ее населяющему. Когда существующее правительство начнет докучать ему, он может использовать свое *конституционное* право и сменить его или *революционное* право расчленения или свержения».

Достаточно, однако, было Джефферсону и Линкольну столкнуться с доктриной нуллификации практически на президентском посту, чтобы решительно от нее отказаться. Идеалом обоих было благо всего народа и утверждение его демократических свобод, а доктрина самоопределения вплоть до отделения оказалась реакционной и вредной. Президент Джефферсон с ней не считался. Линкольн же силой подавил попытку одиннадцати штатов выйти из Союза.

*

Попытки расчленить Союз продолжались. Известен заговор Бэрра с целью отторгнуть западные земли и создать из них самостоятельное государство. Дважды возникал вопрос о создании конфедерации штатов Новой Англии. В 1814 году конвент этих штатов в Хартфорде принял резолюцию, повторившую всё то, что говорилось в резолюциях Вирджинии и Кентокки.

Позже Саут Кэролайна начала угрожать выходом из Союза. В этом южном штате уже в конце двадцатых годов резко обозначилось несходство в интересах Севера и Юга и возникли опасения, что федеральная власть окажется в руках северян. Впоследствии Саут Кэролайна была впереди всех остальных южных шта-

тов в защите своего права на отделение и она первой объявила о своем выходе из Союза.

Недовольство отдельных штатов теми или иными мероприятиями федеральных властей улаживалось обычно уступками — отменой или изменением неугодных им законов.

Такими же уступками пытались уладить конфликт о рабстве, возникший между северными, свободными штатами и южными, рабовладельческими. Но уступки только отсрочили разрешение вопроса. Когда в 1820 г. был принят первый так называемый «мизурийский компромисс», Джефферсон писал: The question sleeps for the present, but is not dead, «вопрос усыплен на время, но он не умер» и благодарил судьбу, что ему не придется быть свидетелем его разрешения.

Через двадцать лет после «мизурийского компромисса» вопрос о рабстве опять начал обостряться. В северных штатах наростало движение в пользу отмены рабства, на что южане отвечали угрозами выйти из Союза.

Попытки уладить спор уступками делались как одной, так и другой стороной. Было даже предложение южан изменить Конституцию так, чтобы можно было выбирать двух президентов, одного от рабовладельческих штатов, другого от свободных и чтобы оба пользовались правом накладывать вето на неугодные им законы. Нетрудно себе представить к чему такое двоевластие могло бы привести.

Положение ухудшалось тем, что западные территории добивались прав штатов. Юг требовал, чтобы линия «мизурийского компромисса» была продлена до Тихого океана таким образом, чтобы весь Югозапад, уступленный Соединенным Штатам Мекси-

кой после войны 1846-47 годов, был признан рабовладельческим.

Вступление Калифорнии в Союз в качестве свободного штата усилило движение в пользу расчленения страны. Любопытно, что на этом настаивали не только южане, но и крайние противники рабства, не желавшие оставаться в одном союзе с рабовладельцами.

*

Образование Республиканской партии в 1854 году обострило положение до крайности. Партия эта выставила требование об отмене рабства и сразу завоевала себе широкую популярность на Севере. Ее победа на выборах 1860 года, когда ее кандидатом был Линкольн, решительный противник рабства, послужила сигналом к расчленению страны.

Саут Кэролайна в особой Декларации Независимости первая заявила о расторжении Союза с Соединенными Штатами. За ней последовали Джорджия, Алабама, Флорида, Миссисипи, Луизиана и Техас. В начале 1861 года эти штаты образовали южную Конфедерацию, выбрали временного президента (Джефферсона Дэйвиса) и вице-президента (А. Х. Стифенса). Месяцем позже Конгресс южных штатов принял Конституцию и объявил временное правительство постоянным.

Южане были уверены в своем праве выйти из Союза и в том, что Север не решится воевать за сохранение Союза. Они ошиблись и в одном и в другом.

К 1860 году Соединенные Штаты превратились уже в национальное государство и это сознавали не

только на Севере, но и на Юге, где было очень много противников расчленения. Именно поэтому четыре южных штата (Вирджиния, Норт Кэролайна, Аркэнсо и Теннесси) продолжали медлить с выходом из Союза, а рабовладельческие штаты Делавэр, Мэрилэнд, Кентокки и Мизури — так из него и не вышли.

В той самой речи, в которой Линкольн признал за народом революционное право расчленить страну, он заявил, что «физически мы это сделать не можем». Он был сдержан в своих выражениях. Говорил, что у него нет намерения прямо или косвенно нарушать институт рабства, где он существует, и даже высказался за постоянное и неизменное добавление к Конституции о сохранении рабства на вечные времена.

Но одновременно Линкольн подчеркнул, что «никакой штат не может по собственному желанию выйти из Союза». Союз остается единым и нерушимым и он, Линкольн, в соответствии с данной им присягой примет все меры к защите его целостности.

Линкольн и позже продолжал искать путей к мирному улажению конфликта. Но южане зашли слишком далеко, и обстрелом форта Сомтер у побережья Саут Кэролайны они первые открыли военные действия.

*

В течение всей войны Линкольн искал только одного — сохранения единства и целостности Союза. Именно поэтому он медлил с освобождением негров. Когда Хорэс Грили, редактор Нью Иорк Трибюн, печатно просил его «от имени 20 миллионов» северян немедленно освободить негров, Линкольн ответил, что лично он желает видеть свободными всех людей, но его официальный долг спасти целостность Союза «с сохранением рабства или без него».

Линкольн решил освободить негров только на третий год войны. И даже тогда эта мера была осуществлена, как военная, с целью ослабить южан. Свободными объявлялись негры только восставших штатов. Рабовладельческим штатам было дано сто дней, чтобы вернуться в Союз, и тогда освобождение негров считалось бы недействительным.

Но Южная Конфедерация никаких компромиссов не желала. Война продолжалась, и Линкольну, очень миролюбивому по природе человеку, пришлось ценой крови утвердить принцип нерасторжимости Союза. Надо ли доказывать, что история оправдала его настойчивость и дальновидность. Не будь у него этих качеств, не будь в нем веры в необходимость сохранить Союз, мы имели бы сейчас два или больше государств, а то и целых сорок восемь, с границами, таможнями, отдельными армиями и с неизбежными междоусобицами. Вместо этого есть единый Союз с самой широкой автономией для отдельных штатов.

Принцип самоопределения вплоть до отделения, очень убедительный на словах, на деле, по крайней мере на историческом примере Соединенных Штатов, оказался крайне вредным и неосуществимым.

3

Война между Севером и Югом была продолжительная (4 года), жестокая, как, впрочем, все гражданские войны, и очень кровопролитная даже по современным понятиям. Тяжелые последствия этой войны продолжают сказываться и поныне. Южане чтят память своих героев. В большинстве южных штатов не празднуется день рождения Линкольна. Каждый американский штат (а не одни только южные), ревностно защищает свои

автономные права от посягательств федеральной власти. Но ни один штат не настаивает больше на своем праве выхода из Союза.

Учит ли нас чему либо американский пример? Может ли он служить образцом в строительстве будущей, освобожденной от большевицкой диктатуры, России?

Кое чему несомненно учит. Он показывает, что Линкольн, один из величайших демократов, признал принцип: «самоопределение вплоть до отделения» реакционным и вредным. Ему он противопоставил принцип единого демократического государства, единого свободного народа, единого народного правительства. Об этом Линкольн и говорил в своей Геттисбэргской речи.

*

Слепо пользоваться американским опытом в строительстве будущей России вряд ли будет возможно. У России «особенная стать» и ее проблема много сложнее.

Россия издавна была государством многонациональным. Императорская власть, к сожалению, этого не признавала, и национальные стремления всячески подавляла. Крушение Российской империи в 1917 г. вызвало в ней центробежные силы — стремление отдельных народностей выйти из состава империи. Большевики силой и хитростью преодолели эти стремления. Они восстановили единство России, преобразовав ее в Союз Советских Социалистических Республик с культурной автономией для каждой национальности и с признанием за каждой республикой права (на бумаге) выхода из Союза.

Само собой разумеется, что, не только о выходе из Союза, но даже о более или менее самостоятельном внутреннем устройстве, отдельные республики и думать не смеют. Но культурная автономия не мало способствовала росту у российских народностей национального самосознания и чувства обособленности. А политика поголовного подавления только углубляла национальную рознь и стремление выйти из Союза.

Мы наблюдаем это даже в среде российской эмиграции в Америке. Гродненцы и волынцы, приехавшие сюда до революции, считали и продолжают считать себя не меньше русскими, чем переселенцы из центральных губерний или Сибири. Не то с новыми иммигрантами украинцами и белоруссами. Они сознают себя отличными от русских, даже если они против выхода своих народов из состава свободной России.

*

С такими настроениями придется считаться. Будущая Россия не может быть построена иначе, как на началах широкого самоопределения населяющих ее племен и народов. Но от этого до вывода, что Россию, как предсказывал Г. П. Федотов, ждет распад или, что русская политическая эмиграция должна примириться с такой возможностью и даже косвенно ей содействовать, «дистанция огромного размера».

Надо пожалеть, что некоторые эмигрантские группы поторопились эту «дистанцию» перешагнуть заявлением, что «построение свободного союза народов России возможно только на основе безоговорочного признания за каждым народом права самому свободно определить свою будущую судьбу вплоть до провоз-

глашения государственной независимости». (Декларация Лиги и Сбонр-а).

Совещание пяти политических организаций (Лига Борьбы за Народную Свободу, Национально-Трудовой Союз, Российское Народное Движение, Союз Борьбы за Освобождение Народов России и Союз Борьбы за свободу России), в Штуттгарте наряду с рядом положительных, заслуживающих поддержки, постановлений, в резолюции по национальному вопросу в несколько более осторожной и сжатой форме признало принцип самоопределения вплоть до отделения, но тут же добавило, что считает «раздробление России не отвечающим ни политическим, ни культурным, ни хозяйственным интересам этих народов»; и что «балканизация территории России привела бы к самым пагубным последствиям с точки зрения интересов всех, без исключения народов России. Она не только повела бы к разрушению самых жизненных культурных и хозяйственных связей, но и создала бы угрозу постоянных междуусобных конфликтов, часто выливающихся в братоубийственные войны».

Спрашивается, зачем же понадобилось русским политическим деятелям вступать на путь грозящий, по собственному их признанию «самыми пагубными последствиями... для всех без исключения народов России»?

*

Когда я задал этот вопрос одному из членов Лиги, то получил совершенно неожиданный ответ: «какое это имеет значение, когда всё будут решать иностранцы».

Во-первых, мы далеко еще не знаем, кто и как будет решать судьбы России. Во-вторых, если действительно «всё будут решать иностранцы», то русской политической эмиграции следует быть крайне осторожной в своих декларациях и резолюциях, могущих создать впечатление, что с ее стороны к расчленению России препятствий не будет.

Пропаганда в пользу раздробления России в последнее время и без того усилилась. Западный мир ищет путей и средств к избавлению от советской угрозы без войны или с помощью сравнительно легкой войны.

И это объясняет почему в Вашингтоне и Лондоне так охотно прислушиваются к тем, кто на такие пути и средства якобы указывают, к проходимцам, обещающим в срочном порядке устроить в СССР революцию, если им только отпустят сотню миллионов долларов, или к украинцам из Галиции, с большой настойчивостью твердящим, что ставку надо делать на все народности России против русского народа, что только раздробление России сделает возможным раз навсегда покончить с опасностью коммунистического и русского империализма.

Именно эта точка зрения была высказана в статье известного английского военного обозревателя, генерала Фуллера, в Сатэрдэй Ивнинг Пост.

Фуллер доказывает, что расчленение России разрушит ее экономику, подорвет военное значение и навсегда избавит мир от русской опасности. Больше того, обещание народам Советского Союза независимости подымет их против советской власти и сделает их в случае войны союзниками западного мира.

*

Долг русской политической эмиграции мешать такому решению русского вопроса. На ее обязанности доказывать, что пропаганда, направленная против русского народа, вредна и опасна. Россия не случайно выросла в такую громадину и не потому, что русские цари были более воинственны, чем, скажем, английские короли. Тому были другие причины, входить в обсуждение которых здесь не место. Главным строителем русского государства был русский народ, даровитый, деятельный и самый многочисленный из всех народов России.

Можно ли поверить, что этот народ численностью в сто слишком миллионов человек, допустит раздробление России и даст себя втиснуть в северный квадрат где-то между Москвой, Белым морем, Волгой и неопределенными границами на западе?

Ведь этого не предвидел даже покойный Г. П. Федотов, надеявшийся на сохранение Великороссии «с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго)».

Надо убедить «иностранцев», которые «всё будут решать», что расчленение России русского вопроса не решит, а приведет только к новым военным и иным потрясениям, к новым бедствиям и разрухам.

В этом, мне думается, главная задача русских политических группировок.

Ноябрь, 1951.

Как избираются президенты

КАК избираются президенты, народом или выборщиками Электорального Колледжа?

Теоретически здесь существуют двухстепенные президентские выборы — народ выбирает выборщиков, а те избирают президента и вице-президента. В действительности сам народ прямым, всеобщим, равным и тайным голосованием выбирает президента и вице-президента. В Нью Иорке и в шестнадцати других штатах имена выборщиков даже не публикуются на избирательных машинах или бюллетенях.

Если это так, то почему Электоральный Колледж?

Соединенные Штаты, как подчеркивает само их название, образовались из тринадцати отдельных английских колоний, объединившихся в борьбе за свою независимость и превратившихся в процессе этой борьбы в самостоятельные республики-штаты. Объединение этих штатов в один союз было целесообразно и необходимо, на нем настаивали почти все руководители революции. Но на пути к такому объединению были значительные препятствия. Штаты ревниво оберегали свои права и очень опасались сильной федеративной власти и ее возможных посягательств на эти права.

Конституционный Конвент 1787 года, собравшийся для выработки общей для всех штатов федеральной конституции, вынужден был идти на всякие компромиссы и уступки, чтобы предотвратить уход с конвента

представителей отдельных штатов и возможный распад Союза.

Острые и длительные споры вызвал вопрос о способе избрания главы государства и его возможного заместителя. Штаты стремились всячески обеспечить за собой контроль над выборами президента и вице-президента.

Кроме того, творцы конституции, за единичными исключениями, опасались, что всенародные выборы вызовут большие волнения и даже беспорядки. Они к тому же не верили в способность народа сделать разумный выбор. Им казалось, что выборщики — люди достойные и известные — сумеют лучше и более спокойно обсудить достоинства и недостатки кандидатов в президенты и вице-президенты и сделать наилучший выбор.

Последствием этих споров было компромиссное решение об Электоральном Колледже. Фактические никакого Электорального Колледжа нет, и в конституции он даже не упоминается. Но есть электоры или выборщики.

В статье второй конституции указывается, что выборщики назначаются или выбираются отдельными штатами в соответствии с решениями штатных палат. Число выборщиков от каждого штата равно числу его представителей в обеих палатах Конгресса. Так, Нью Иорк, самый населенный штат, представлен в Конгрессе двумя сенаторами и 43-мя конгрессмэнами, поэтому он имеет 45 выборщиков. Наименее населенные штаты Делавэр, Вермонт, Невада и Вайоминг, посылают в Конгресс по два сенатора и одному конгрессмэну, поэтому каждый из этих штатов имеет по три выборщика.

Согласно конституции выборщики должны собраться в определенное, указанное Конгрессом время, и избрать президента и вице-президента. Таким именно путем Вашингтон был избран дважды и Эдэмс один раз. Но в президентство Эдэмса сторонники Джефферсона в Конгрессе созвали конференцию и объявили его своим кандидатом в президенты. Этот способ избрания кандидатов в президенты и вице-президенты утвердился. Позже он был заменен партийными конвентами, существующими поныне.

Институт выборщиков, однако, сохранился, и каждые четыре года он продолжает вызывать недоуменные вопросы, а иногда и недоразумения.

*

По смыслу конституции выборщики должны избрать президента и вице-президента из числа наиболее достойных, по их мнению, кандидатов. В действительности институт выборщиков превратился в послушного исполнителя народной воли и партийных указаний.

Каждые четыре года в первый вторник в ноябре мы теоретически голосуем за выборщиков — демократы за демократических, республиканцы за республиканских и т. д. В определенный день в середине декабря выборщики соберутся в столицах каждого из штатов и тайным голосованием постановят кому быть президентом и кому вице-президентом. Результаты их голосования станут известны лишь 6 января будущего года, когда откроется Конгресс.

Так это по форме. А в действительности — уже вечером в день выборов или, самое позднее, утром следующего дня мы знаем, кто победил на выборах. Это потому, что выборщики голосуют так, как

голосовал народ и если в данном штате победила Республиканская партия, то победителями будут республиканские выборщики, и они все будут голосовать за республиканских кандидатов в президенты.

Случаи нарушения отдельными выборщиками народной воли были так редки и незначительны, что никакого влияния на исход выборов они не имели.

Но если институт выборщиков никакой роли на выборах не играет, и превратился в простой пережиток, почему его не отменяют? А потому что он с успехом выполняет второе задание, поставленное ему творцами конституции — он защищает права отдельных штатов и предотвращает засилье больших штатов над малыми; он вдобавок поддерживает двухпартийную систему, препятствуя дроблению на партии и множественности кандидатов.

Без Электорального Колледжа 10 самых населенных штатов (Нью Иорк, Калифорния, Пеннсилвэйния, Иллиной, Охайо, Тексас, Мишигэн, Массачусетс, Нью Джерси и Мизури) столковавшись могли бы избрать президента и вице-президента, совершенно не считаясь с волей остальных тридцати восьми штатов.

Во всяком случае, конституционная поправка об отмене института выборщиков никогда не будет принята, пока хотя бы тринадцать штатов, из 48-ми будут считать ее для себя невыгодной — этого числа штатов достаточно, чтобы отклонить любое добавление к конституции.

*

Но, если нельзя отменить институт выборщиков, то почему не реформировать его с тем, чтобы устранить его недостатки. Критики обычно ссылаются на один действительно серьезный недостаток.

Подсчеты голосов избирателей, как известно, ведутся в каждом штате отдельно. Кандидаты в президенты и вице-президенты, получившие в данном штате большинство, даже самое незначительное, получают *всех* выборщиков этого штата. Так, на выборах 1948 г. Трюмэн получил всех 27 выборщиков Охайо, хотя его большинство было всего в 6.817 голосов.

Вследствие этого результаты выборов отражаются часто в Электоральном Колледже, как в кривом зеркале. Например, в 1936 году Рузвельт получил 60 процентов голосов избирателей и 98 процентов голосов выборщиков.

Бывало и хуже. Три раза кандидаты в президенты и вице-президенты получали большинство народных голосов, но оказывались в меньшинстве в Электоральном Колледже и не были избраны. Следовательно, в этих случаях был нарушен принцип большинства: президента и вице-президента избрало меньшинство.

*

В прошлом всё обошлось благополучно. Но нет, конечно, гарантии, что при повторении такого случая, особенно после острых кампаний, большинство захочет с таким исходом примириться.

Чтобы предотвратить такие возможности в будущем, сенат принял в 1950 году проект добавления к конституции Лоджа-Госсета, согласно которому голоса выборщиков разделяются пропорционально числу голосов избирателей, полученных на выборах кандидатами в президенты и вице-президенты.

Согласно этому добавлению, если какой либо кандидат получит на выборах в штате Нью Иорк 55 про-

центов голосов, он будет иметь не всех 45 выборщиков, как теперь, а только 24¾. Второй кандидат получит свою долю и т. д.

Палата Представителей добавление Лоджа-Госсета отклонила. Но даже если бы она его одобрила, оно могло стать законным лишь после утверждения его 36 штатами.

Рано или поздно такое добавление будет принято, потому что избрание президента и вице-президента меньшинством противоречит принципам и духу демократии.

Ноябрь, 1952.

Синман Ри и его хулители

КРАСНЫЕ агрессоры в Корее недолго думали и хорошо придумали: они «не совсем удовлетворены» объяснением генерала Кларка о том, как прошло освобождение Синманом Ри 27.000 северокорейских военнопленных. Всё же вторженцы согласны возобновить переговоры о перемирии, если командование Объединенных Наций обяжется заставить правительство и армию Южной Кореи блюсти условия перемирия.

Как может командование ОН принять такое условие? Как может оно заставить правительство Синмана Ри согласится на перемирие, которое Ри считает смертным приговором для единой, независимой и свободной Кореи? Силой? Во-первых, у командования Объединенных Наций нет такой силы в Корее. Во-вторых, военные меры войск Объединенных Наций против Корейской армии привели бы к самым трагическим последствиям для всего свободного мира, как на корейском фронте, так и на всех остальных фронтах огневой и холодной войны.

*

С резким осуждением Синмана Ри выступил сенатор Вайли, председатель сенатской комиссии иностранных дел. «Президент Ри, — сказал Вайли, — своими безрассудными действиями причиняет большой вред своему народу, своим союзникам, Объединенным Нациям в целом и делу мира всего мира. Односторонние действия, которые он предпринял в нарушение своих обязательств перед командованием Объединенных Наций и односторонние действия, которые он собирается

предпринять, недостойны его славной роли поборника свободных народов».

Нейтральная Индия, пальцем о палец не ударившая в защиту свободы и независимости корейского народа, устами Неру требует «обуздания» строптивого Синмана Ри. Нейтральный югославский диктатор Тито, ловко играющий на два фронта, считает требования Ри об объединении Кореи чрезмерными. Другие называют корейского президента «фанатиком», «спятившим с ума стариком», и доказывают, что если Ри не согласится принять условия перемирия, то войскам Объединенных Наций придется либо свергнуть Ри и заменить его более податливым человеком, либо вывести войска Объединенных Наций из Кореи и покинуть правительство Ри на произвол судьбы.

Последнее предложение напоминает анекдот о женщине, отрезавшей себе нос, чтобы досадить мужу. Вывести войска Объединенных Наций из Кореи значит позволить красным захватчикам уничтожить корейскую армию, самую многочисленную и лучшую антикоммунистическую силу в Азии; это значит потерять не только Корею, защита которой в течение трех лет так дорого обошлась, но и всю Азию.

Нет, Соединенные Штаты не пойдут на такие безумные и бесчестные меры. Для того они и отправили помощника государственного секретаря Робертсона в Корею, чтобы путем переговоров наладить соглашение с Ри и убедить его принять условия перемирия.

*

Почему Ри против перемирия? Почему он «самовольно» освободил 27 тысяч военнопленных антикоммунистов? Как он объясняет свое упрямство и несговорчивость? Ри дал об этом подробные разъяснения в письмах к Айзенхауэру и генералу Кларку, в беседах

с представителями печати и в своем обращении к американскому народу 4 июля — в День Независимости.

Письмо Ри к Айзенхауэру помечено было 19 июня. Оно было ответом на письмо президента от 6 июня.

«В первый год этой трехлетней войны, — пишет Ри, — Соединенные Штаты и Объединенные Нации поочередно и неоднократно заявляли, что целями войны являются: 1) создание единой, независимой и демократической Кореи и 2) наказание агрессоров... Но позже, когда коммунистические войска оказались сильнее, чем ожидали, руководители Объединенных Наций начали доказывать, что они никогда не рассчитывали объединить Корею путем войны... В эти дни мы больше не слышим ни об объединении Кореи ни о наказании агрессоров...».

Вместо этого много говорят сейчас о перемирии, но перемирие, указывает Ри, заключенное «в атмосфере умиротворения», не может дать «прочного и достойного мира». Ри напоминает, что его взгляды на перемирие с красными давно известны. Он часто доказывал «дружеским нациям», что перемирие, разрешающее китайским коммунистам оставаться в Корее неизбежно приведет к гибели страны.

Ри благодарит Айзенхауэра за великодушное обещание помощи экономической и для усиления оборонных сил Корейской республики. Но как ни ценна такая помощь, она не может заставить его согласиться на перемирие, не потому, что условия перемирия были приняты без его, Ри, ведома и согласия, а потому, что такое перемирие является для Кореи «смертным приговором».

Ри вполне правильно указывает, что перемирие, на принятых под давлением красных условиях, дает коммунистам возможность беспрепятственного накоп-

ления сил для захвата Южной Кореи «одним ударом в наиболее удобный для них момент».

«Что будет потом, — спрашивает Ри, — с Дальним Востоком? С остальной Азией? И с остальным свободным миром?».

*

В письме к генералу Кларку от 20 июня Ри объясняет, почему он считает себя вправе освободить корейские войска от подчинения командованию Объединенных Наций и почему он освободил корейских военнопленных.

Когда Объединенные Нации пришли на помощь Корее, она естественно предоставила свои силы в распоряжение их командования. Недавно положение изменилось. Руководители ОН «столковались с коммунистами, нашим общим врагом, и приняли вражеские условия перемирия. Мы доказывали, что принять такие условия значит принять смертный приговор. Без дальнейших объяснений каждому должно быть ясно, что Корея не сможет существовать, если красной китайской армии в миллион и больше человек будет позволено оставаться в пределах Кореи».

Корея, продолжает Ри, не может идти по стопам Объединенных Наций — на этом пути ее ждет «национальная смерть». Она предпочитает продолжать борьбу за свою и всего человечества свободу. «Не Корея, а Объединенные Нации отреклись от принципов, в защиту которых Соединенные Штаты и мы (Корея) принесли такие огромные жертвы».

Поэтому подписание перемирия приведет к такой резкой перемене в отношениях между Объединенными Нациями и Кореей, что корейские войска не смогут оставаться больше под командованием генерала

Кларка. Ри, однако, обещает Кларку уведомить его «как друга» заранее о принятом им решении.

Освобождение военнопленных корейцев Ри объясняет так: военнопленные — корейские граждане; их освобождение не было чисто военной мерой. Коммунисты в свое время освободили 50.000 южных корейцев и всем известно, что с ними стало. Однако Объединенные Нации никакого шума против этого не подняли. Ри решил сделать то же после того, как стало известно, что военнопленные подвергнутся «промывке мозгов под наблюдением прокоммунистических войск, которые Объединенные Нации собираются ввести в Корею.

*

Когда вчитываешься в эти письма, когда читаешь трогательное обращение Ри к американскому народу в День Независимости, содержащее напоминание об опасности, грозящей идеалам, провозглашенным в Декларации Независимости, то невольно проникаешься уважением к этому большому государственному человеку и патриоту.

И по сравнению с ним какими ничтожествами кажутся его трусливые критики и хулители.

Июль, 1953.

О Красной шапочке, о мирном сосуществовании и прочем

ВСЕ знают детскую сказочку о Красной шапочке, о доверчивой девочке, чуть не ставшей жертвой хитрого волка. Отправляя Красную шапочку навестить больную бабушку, жившую на другом конце леса, мать предупредила ее избегать волков. Но встретив «доброго» волка, заговорившего с ней очень приветливо, Красная шапочка забыла запрет матери и рассказала волку куда идет и где живет ее бабушка.

Волк побежал туда, сожрал бабушку и, напялив на себя ее рубаху, лег в кровать, поджидая девочку.

Придя в избушку, Красная шапочка очень удивилась странному виду бабушки.

«Почему у тебя, бабушка такие длинные уши?» — спросила она.

«Чтобы лучше слышать тебя, мое дитя».
«Почему у тебя глаза такие большие?»
«Чтобы лучше видеть тебя».
«А почему у тебя зубы такие большие?»
«Чтобы лучше съесть тебя».

С этими словами волк выпрыгнул из кровати и хотел схватить Красную шапочку. Случайно, проходивший дровосек, услышав крик девочки, застрелил зверя.

В наше время мораль этой сказочки может пригодиться и взрослым, всем кто склонен поверить или уже поверил в возможность сосуществования с волками в человеческом образе. Только на этих днях мне пришлось встретиться с группой таких «верующих». В беседе с ними и вспомнилась Красная шапочка. Передаю

эту беседу в несколько сокращенном, конечно, виде в форме диалога с множественным собеседником, которого назову Н.

Н. Черчиль тысячу раз прав, когда говорит, что мы по настоящему должны испробовать мирное сосуществование с коммунистическим миром. Он прав, потому что другого выхода у нас нет. Если не мирное сосуществование, то остается атомная и водородная война, гибель нашей цивилизации, если не всего человеческого рода. Почему говорят, что мирное сосуществование с коммунистами невозможно? Мы ведь сосуществуем с ними десятки лет.

Я. Коммунисты сами сделали такое сосуществование невозможным. С самого начала своего прихода к власти в России они показали себя предателями и захватчиками. Вероломство их не знает предела. Еще не успели они укрепить свою власть в России, как занялись «экспортом революции», всё время утверждая, что «экспортировать» революцию нельзя. История их захватов известна. Сейчас они владеют уже четвертью пространства земного шара и третью его населения — 13.6 миллионов квадратных миль и свыше 800 миллионов душ.

Если так будет продолжаться, то сколько еще времени понадобится коммунистам, чтобы покорить весь мир?

Н. Всё это было раньше, при Ленине и Сталине. Новая власть готова, повидимому, пойти другими, мирными путями. Теперь и в самом Советском Союзе и в его отношениях с внешним миром происходят большие перемены. Айзенхауэр напрасно не послушался Черчиля и не согласился встретиться с Маленковым. Тогда, может быть, перемен было бы еще больше.

Я. Мне тоже приходилось слышать и читать о великих переменах. Некоторые перемены, как передают, очень даже удивили иностранцев. Шведы, например, до сих пор вспоминают посетившую Стокгольм советскую эскадру. Советские матросы ходили по городу только группами. Интересовались исключительно музеями и выставками. Избегали ресторанов и пивных и ни одному из них не захотелось потанцовать с шведской девушкой. А когда их спрашивали, достаточно ли у них денег, чтобы развлекаться, отвечали, что их страна очень богата и деньги им не нужны — у них всего вдоволь.

Писала недавно Е. Д. Кускова о красных дипломатах в Женеве. Очень они удивили иностранцев. Те ожидали башибузуков, а увидели джентльмэнов. Правда, рассказывают, что каждого из таких джентльмэнов охраняла тройка верзил. Но это только потому, что «капиталистический мир» кишмя кишит бандитами. Зато вели себя красные дипломаты отменно, на пол не плевали, сморкались в платок, ножей и вилок не крали. Почему в самом деле нельзя «сосуществовать» с такими джентльмэнами? Хотя с другой стороны, Чичерин еще в 1922 году поразил Европу, явившись на Генуэзскую конференцию во фраке и цилиндре. А воспитан он был куда лучше нынешних советских дипломатов. Но разве манеры и цилиндр наркоминдела изменили поведение большевиков? или их политику и замыслы?

Н. Вы хотите отделаться шутками. Но неужели вы серьезно станете отрицать, что со дня смерти Сталина в СССР происходит одна перемена за другой?

Я. И не думаю отрицать. Скажу только, что меняются декорации, а пьеса разыгрывается старая. В квартире переставляется мебель, но жильцы в ней остаются прежние и порядки прежние. О советских пере-

менах можно сказать, слегка перефразировав, французскую поговорку: чем больше перемен, тем больше всё остается по прежнему.

Н. А улучшение быта населения? А снижение цен на товары широкого потребления и увеличение производства этих товаров за счет тяжелой промышленности? А перемирие в Корее и Индокитае? Разве это не свидетельствует о перемене всей советской политики, о мирных настроениях новой власти? Она вступила на путь мирного сосуществования, потому что перестала бояться внешнего мира и готова в мирном с нами соревновании доказать, что социалистическая или коммунистическая система удовлетворяет человеческие нужды лучше нашей.

Я. Вы задали много вопросов. Отвечу на них по порядку. Снижения цен бывали и раньше. Они производились каждый раз, когда власти надо было задобрить население. Впрочем, вы, конечно, знаете, что цены на ряд продуктов опять повышены.

Всё это были временные уступки последышей Сталина, а не серьезной переменой экономической политики. После смерти Сталина Маленков и Ко. надавали немало обещаний. Крестьянам, например, были обещаны увеличенные наделы для личного пользования. Вместо этого, крестьянскую (да и городскую) молодежь погнали в Казахстан осваивать целинные земли. А *Коммунист* (бывший *Большевик*) только недавно дал понять, что сталинская программа превращения колхозов в государственные хозяйства, а колхозников — в государственных крепостных остается в силе. Остается и программа развития тяжелой промышленности в ущерб нуждам населения. Об этом также говорится в *Коммунисте.*

Дальше. Переговоры о мире в Корее начались еще при жизни Сталина и по его, конечно, внушению. Перемирие в Индокитае было продолжением этой очень выгодной для красных политики.

Н. Но почему-же в таком случае коммунисты выдвинули сейчас идею мирного сосуществования?

Я. Вы говорите «выдвинули». Будет правильнее сказать: «вынули из нафталина». Маленков с Хрущевым даже не скрывают, что они и в этом следуют заветам Ленина и Сталина. В советской печати много пишут сейчас о мирном сосуществовании. И во всех статьях неизменно подчеркивается, что идея эта зародилась в голове «великого Ленина» и что дальнейшее обоснование она получила в трудах «великого продолжателя дела В. И. Ленина — И. В. Сталина».

Вот у меня сохранилась вырезка из статьи в *Правде* от 27 июля: «Мирное сосуществование капитализма и социализма вполне возможно». В ней указывается, что еще в 1920 году, отвечая на вопрос американского журналиста о возможности мирных отношений между советской Россией и Соединенными Штатами Ленин заявил: «Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем».

Два года спустя Ленин говорил о желательности мирного сосуществования с Англией и Францией. Сталин все годы говорил иностранным собеседникам о возможности и желательности мирного сосуществования. И все годы хитрил, обманывал, создавал повсюду пятые колонны, засылал во все страны шпионов, готовил и производил захваты.

*

Н. Возможно, что оно так и есть. Но из этого отнюдь не следует, что новая власть не ищет мирного выхода из положения. В Женеве коммунистические дипломаты не только не крали ложек, они проявили большую уступчивость и пошли на компромиссное соглашение.

Я. Уступчивость? Никакой уступчивости не вижу. В Женеве красные дипломаты устроили так, что они получат Индокитай без дальнейшего кровопролития и без риска вызвать мировую войну. Неужели вам желательно осуществить такое сосуществование в мировом масштабе? Если это сбудется, то судьба свободного мира окажется куда более трагической, чем судьба сказочной Красной шапочки. Ее спас случайный дровосек. Но кто спасет мир?

Н. Значит вы совсем не верите в возможность мирного сосуществования с коммунистами?

Я. Не вижу основания для такой веры. Председатель Американской Федерации Труда Мини совершенно прав, когда говорит, что нельзя даже думать о сосуществовании с гэнгстерами, пока их жертвы не освобождены из неволи.

Н. Но неужели вы не видите, что мирное сосуществование — единственный путь освобождения покоренных красными народов? Другой путь — война, которая в современных условиях несет уничтожение, а не освобождение.

Я. А читали ли вы, что говорит Белла Додд о мирном сосуществовании?

Н. Нет, не читал. А это кто?

Я. Белла Додд — известная в прошлом американ-

ская коммунистка, и не в пример другим, очень образованная. Она состояла в партии с 1932 по 1949 года. Занимала в ней видные посты. Была членом Национального Комитета партии. Недели две назад Белла Додд давала показания в сенатской регламентной подкомиссии. Ее, между прочим, спросили об Отто Ионе. Что она думает о заявлении бывшего главы западно-германской тайной полиции, что коммунизм теперь действительность с которой надо считаться и с которой надо жить.

Она ответила (цитирую по памяти):

«Я думаю, что заявление Иона сделано с целью запугать и вынудить нас пойти на мирное сосуществование. Но я на личном опыте знаю, что *коммунисты предлагают мирное сосуществование всегда, когда им это выгодно и каждый раз в прошлом только они от него выгадывали*»...

Н. И вы разделяете эту точку зрения?

Я. Полностью. И добавлю: наивная доверчивость, простительная Красной шапочке, совершенно непростительна ни государственным деятелям, ни вообще взрослым людям.

Сентябрь, 1954.

Загадка Колумба

БОЛЬШЕ месяца назад, точнее, в день Колумба 12 октября, в статье, посвященной личности прославленного мореплавателя, открывшего Америку, я упомянул о вышедшей несколько лет назад, на английском языке новой книге, в которой опять обсуждался вопрос о происхождении Колумба и доказывалось, что он еврей. К этому я тогда добавил: «Книги этой я, к сожалению, не читал и о степени ее убедительности судить не могу».

Теперь эта книга передо мной: мне ее прислал мой доброжелатель и внимательный читатель И. И. Далинда. Достаточно перелистать этот объемистый труд, чтобы убедиться, что он представляет собой серьезное и обстоятельное исследование. Об этом свидетельствует и имя автора Сальвадора де Мадариага, известного испанского историка и дипломата. Я не только перелистал книгу, а прочел ее с огромным интересом.

*

Де Мадариага дает подробное жизнеописание Христофора Колумба (он предпочитает называть его испанским именем Кристобал Колон — так называл себя позже сам Колумб), описывает его плавание, открытие и пребывание в Америке, уделяет много места и внимания спорам исследователей вокруг личности этого человека, разбирает загадочное в его биографии, цитирует многочисленные документы, записки самого Колумба и его современников и попутно набрасывает красочную картину положения испанских евреев в пятнадцатом столетии и трагедии, постигшей их в годы Инквизиции.

На основании своего тщательного исследования Мадариага приходит к заключению, что Колумб был марран, то есть крещеный испанский еврей, а не итальянец или генуэзец, как принято думать. Об этом, по его мнению, свидетельствуют и сохранившиеся портреты мореплавателя, в которых бросаются в глаза еврейские черты его лица, особенно глаза, нос и губы.

Де Мадариага думает, что Колумб, приняв католичество сам или унаследовав его от своих родителей, был искренним христианином. Но он также остро чувствовал свое кровное родство с евреями, дружил с ними, тяжело переживал гонения, которым они подвергались, и, тщательно скрывая свое происхождение, иногда невольно выдавал себя, даже в случаях, когда это было очень рисковано.

Яркий, но далеко не единственный пример. В очень важном письме к королю и королеве Колумб напоминает им, что они поручили ему искать новый путь в Индию, снарядили для него экспедицию, оказали ему большие почести, возвели его в дворянское достоинство, сделали великим адмиралом и вице-королем новых земель в тот самый месяц январь 1492 года, когда они «изгнали всех евреев из своих королевств и владений».

Экспедиция Колумба, указывает Мадариага, никакого отношения к еврейскому вопросу не имела. Оба события — снаряжение экспедиции и изгнание евреев — произошли в разное время. «Но события эти — поражение евреев, за судьбу которых он испытывал тревогу, и его собственная победа — так тесно переплелись в его подсознании, что Колумб сопоставил их так, как если бы оба произошли в январе — в тот месяц, когда он одержал победу над королем и королевой».

Победа Колумба была в том, что король Фердинанд и королева Изабелла приняли все его условия, которые они раньше отклонили, как чрезмерные.

Любопытно, что большое содействие в этой победе оказали Колумбу трое придворных: Деза, Кабреро и Сантангел. Все трое были марраны. Они убедили королеву удовлетворить требования Колумба. Изабелла послала гонца вдогонку Колумбу, собиравшемуся покинуть Испанию, и вернула его в Гранаду.

Главную роль в этом сыграл Дон Луис Сантагел, министр финансов и один из самых влиятельных и почитаемых людей в Испании. Многие родственники Сантагела погибли на кострах Инквизиции; он сам подвергся допросам и был присужден к публичному покаянию Но это ничуть не поколебало его положения при дворе. Король даже дал ему официальное обещание освободить его и его наследников от дальнейших преследований Инквизиции.

Мадариага указывает, что давать такие обещания в эпоху Инквизиции было даже для короля делом небезопасным.

*

О происхождении Колумба спорят давно. На этих столбцах уже было указано, что ни об одном мореплавателе не было написано столько книг. К этому можно добавить, что Нью Иоркская Публичная Библиотека содержит больше 2400 таких книг. Книга Сальвадора де Мадариага далеко не единственная, трактующая о еврейском происхождении Колумба. Но она несомненно наиболее убедительная и полная.

Известно, например, что выдающийся английский знаток еврейской истории д-р Сисил Рот, относившийся скептически к доводам ученых о еврейском проис-

хождении Колумба, изменил свое мнение, когда ознакомился с работой де Мадариага.

Работа эта настолько заинтересовала Рота, что он произвел собственное исследование и нашел много добавочных фактов, подтверждающих теорию Мадариага. Рот указывает, что в своих записках Колумб называет Иерусалим «пупом земли». Такая фраза встречается только в талмуде.

В другом месте Колумб исчисляет возраст земли в соответствии с еврейским календарем и при этом включает период «от разрушения Второго Дома... до сегодняшнего дня». Рот указывает, что Колумб имел, конечно, ввиду разрушение Второго Храма и что выражение «Второй Дом» — дословный перевод древнееврейской фразы. Христианин, говорит он, написал бы «от разрушения Иерусалима».

До появления исследования Мадариага были известны две теории о происхождении Колумба — итальянская и испано-еврейская. Обе грешили недостатками, часто противоречили известным фактам, что подрывало их значение. Мадариага держится испано-еврейской теории, но не совсем отвергает итальянскую. Колумб, доказывает он, действительно родился и жил в юности в Генуе, но в семье испанских евреев, переселившихся в Италию. И не случайно, Фернандо, сын и первый биограф Колумба, рассказывая о прибытии отца в Испанию, пишет, что «он вернулся на свою родину».

Колумб, доказывает Мадариага, никогда не говорил и не писал по итальянски. Даже в беседах и переписке с итальянцами он пользовался только испанским языком. Это понятно. Испанские евреи веками говорили по-испански. Даже в наше время евреи, изгнан-

ные почти пятьсот лет назад из Испании и осевшие на Балканах, говорят между собой по-испански.

Колумб, пишет Мадариага, был вынужден всячески скрывать свое еврейское происхождение; он пытался заручиться поддержкой Фердинанда и Изабеллы для снаряжения экспедиции как раз в то время, когда его соплеменники переживали трагедию, напоминающую нацистские дни в Германии.

Мадариага убежден, что король и королева догадывались о национальности Колумба и что именно поэтому она, вопреки тогдашнему обычаю, ни разу не упоминается ими в документах, касавшихся его личности.

Останавливается Мадариага и на переменах с именем Колумба. Он приехал в Испанию как Коломбо. Такое имя хорошо известно испанцам. Следовательно, менять его без необходимости не надо было. Тем более, что в Испании в то время жило много генуэзцев и ни один из них, кроме Колумба, не изменил своей фамилии. У Колумба же в очень короткий срок произошли такие превращения: Коломбо — Колом — Колома — Колон.

Историк доказывает, что все эти перемены были не спроста. Колом была очень распространенная фамилия среди каталонских евреев; он думает, что это и была настоящая фамилия Колумба. Колома не совсем звучало по-еврейски. Но, когда оказалось, что люди с таким именем значились в списках Инквизиции, Колумб присвоил себе кастильское имя Колон, которое вполне соответствует каталонскому Колом.

Очень много внимания Мадариага уделяет запискам самого Колумба. Рядом выдержек он показывает с каким вниманием мореплаватель относился ко всему

еврейскому, как глубоко он чувствовал свою связь с этим народом.

Приведу только некоторые из этих выдержек.

«Все народы получили астрономию через евреев».

«Иерихон — город, прославившийся благодаря пророку Иеремии».

«Давид, очень мудрый царь, пас овец и позже был сделан царем Иерусалима, я слуга того же Господа, который это сделал для Давида».

Однажды во время первого плавания в Америку море было такое тихое, что матросы начали роптать, говоря, что в этих местах нет ветра, и они никогда не смогут вернуться на родину. Их успокоила, поднявшаяся внезапно буря. Колумб увидел в этом знамение Божье и записал в свой дневник, что ничего подобного не случалось «с того времени, когда Моисей вывел евреев из египетского пленения».

В том, что королева послала гонца за ним и вернула его в Гранаду в тот самый момент, когда он считал все свои надежды разбитыми, Колумб также увидел знамение. Об этом свидетельствует длинная запись в его дневнике, заканчивающаяся указанием, что открытием Индии и ее богатств он окажет «услугу еврейству и христианству и таким образом восторжествует над кострами Торквемады».

*

Версия Мадариага всё же остается версией. Загадка Колумба окончательно не разрешена и сомнительно, чтобы она когда либо была разрешена.

Ноябрь 1955.

Страничка из американской истории

В ГАЗЕТАХ промелькнуло на днях сообщение: группа нью-иоркских спортсменов арендовала остров Гардинера для охоты на нем в зимнюю пору. Сообщение всколыхнуло в моей памяти необыкновенно красочную историю этого острова, о котором я впервые узнал много лет назад во время моих странствий по Лонг Айлэнду.

Было это так. Однажды я дошел до конца Лонг Айлэнда, до небольшого песчаного мыса с библейским названием Обетованная Земля. Странное название и привлекло меня в это место, тогда совершенно пустынное. Кругом были песчаные дюны. Справа виднелась узкая полоса Монтока с маяком у самого кончика, слева далекий берег Коннетикута, впереди два небольших острова, а за ним необозримый океан. День выдался солнечный. Дул свежий ветер и вода в заливе сверкала бирюзой.

Одинокий рыбак, чинивший на берегу сети, назвал мне острова: «Тот, слева, Шелтер Айлэнд, а этот, напротив, Гардинерс Айлэнд». От него же я получил первые сведения об этом острове и услышал, что в его водах укрывался знаменитый пират капитан Кидд. Позже я эти сведения пополнил.

*

Лайон Гардинер, именем которого назван остров, был первым английским поселенцем на земле нынешнего штата Нью Иорк и единственным в истории американским «лордом своего поместья», как значится в грамоте, пожалованной ему английским королем Чарльзом Первым

В старинной Библии, напечатанной в Женеве в

1599 г. и хранящейся у потомков Лайона Гардинера, есть такая запись на средневековом английском языке:

«В году Господа Бога нашего 1635-ом, июля 10-го, я, Лайон Гардинер и моя жена Мэри, прибыли из Вэрдена, городка в Голландии, в город Лондон. Оттуда мы отправились в Новую Англию и прожили четыре года на форту Сэйбрук, которым я командовал. Там в 1636 году, апреля 29-го, родился мой первенец Дэйвид. Я переселился тогда на мой остров, который я купил у индейцев; они называли его Манчонаке, а мы островом Вайт».

Манчонаке на языке индейского племени Пекуот означает «место, где многие умерли». Полагают, что на острове когда-то свирепствовала какая-то эпидемия, унесшая многих, если не всё тогдашнее население.

Гардинер назвал свой остров Вайт в честь одноименного, но гораздо больших размеров английского острова, лежащего в проливе Ламанш. Но название это скоро забылось, и остров вошел в историю под именем его владельца.

Запись в Библии очень мало сообщала о личности американского лорда и владетельного феодала. Лайон Гардинер родился в 1599 году. Как младшему сыну в семье дворянина, ему была уготована военная карьера. Военную школу он окончил инженером. Был произведен в офицеры и отправлен в Голландию, в союзную Англии армию Морица Оранского, сражавшегося против испанских войск в Бельгии. Там Гардинер женился на голландской девушке Вилемсон и по окончании войны вернулся с ней на свою родину.

В Англии в это время очень интересовались колонизацией в Америке. Заинтересовался ею и Лайон Гардинер. Джон Винтроп Младший, впоследствии губернатор Коннетикута, Хю Питерс и другие, имена которых хорошо известны в американской истории решили основать в Коннетикуте колонию «для джентльмэнов» и пригласили Гардинера участвовать в этом деле в качестве руководителя и инженера.

По договору Гардинеру вменялось в обязанность «разработать план города с замками и дворцами для поселения знатных людей». Город должен был быть заложен у устья реки Коннетикут и назван Сэйбрук. Он существует поныне.

Средств у группы основателей было, повидимому, мало. По крайней мере, лидеру Гардинеру пришлось отправиться из Грэйвсэнда, в Англии, в Бостон на двадцати пяти футовой барке и плыть три месяца и десять дней. В Бостон он прибыл в 1635 году. Здесь его планы оказались неосуществимыми.

Бостон существовал всего пять лет и походил больше на военное поселение, чем на город. Положение английских колоний в Коннетикуте было очень тяжелое. Им угрожали голландцы из Нью Иорка, пираты с моря и со всех сторон враждебные племена индейцев. На полевые работы выходили с оружием.

В Бостоне Гардинеру предложили повременить с дворцами и замками и в первую очередь соорудить форт Сэйбрук. Совет был разумный. И Гардинер задание выполнил к всеобщему удовлетворению. О замках и дворцах пришлось забыть.

*

Зато сам Гардинер замок себе построил. Но не в Сэйбруке, а на острове, купленном им у индейцев в 1636 году, в трех с половиною милях от лонгайлэндского побережья и в шестнадцати милях по воде от Коннетикута. Индейцы получили за остров, площадь которого семь миль в длину и две мили в среднем в ширину, «одну черную собаку, одно ружье с аммуницией, боченок рома и дюжину голландских одеял».

Немедленно после покупки Гардинер начал хлопотать в Лондоне о признании за ним неограниченных прав на остров. Хлопоты увенчались успехом. В жа-

лованной грамоте король Чарльз Первый присвоил Гардинеру и его потомкам особый герб, утвердил его «лордом поместья», светским и духовным главой острова с правом издавать законы, творить суд и расправу, взимать налоги и пошлины. Всё это он мог делать, поскольку его поведение «будет угодно Богу и Королю».

Феодальные права Гардинеров подтверждались позднейшими грамотами. Последняя была выдана от имени британской короны губернатором нью иоркской колонии Доргэном в 1686 году «лорду Джону Гардинеру». Она оставалась в силе до революции и принятии конституции.

*

Лайон Гардинер был несомненно человек не из робкого десятка. Он поселился на своем острове, когда весь Лонг Айлэнд, а также Шелтер Айлэнд были заняты индейцами. Ближайшая английская колония находилась на другой стороне пролива, в Коннетикуте. Окрестные воды кишели индейскими пирогами, а несколько позже и пиратскими судами. Но ничего исключительного в этом не было. Первые поселенцы Америки были в большинстве люди выносливые, терпеливые и бесстрашные.

Во время войны за независимость в заливе Гардинера была стоянка английских военных кораблей. Известно, что один раз англичане, нуждавшиеся в провизии, зарезали несколько сот голов скота на острове Гардинера. Утверждают, что это было с согласия лорда Гардинера. Он был тори и не сочувствовал революции. Доказать это, однако, не удалось.

После революции Гардинеры потеряли свои феодальные привилегии, но продолжали вести на острове помещичий образ жизни. Имели рабов-негров (раб-

ство сохранилось в штате Нью Иорк до 1820 года), разводили скаковых лошадей, занимались охотой.

На месте, сгоревшего в 1774 году замка, Гардинеры воздвигли обширное трехэтажное здание в колониальном стиле, с огромным в два просвета залом, с многочисленными пристройками, с каминами облицованными карарским мрамором.

Двенадцать поколений Гардинеров жили и умирали на острове в течение почти трех столетий. Только в 1920 году потомки Лайона Гардинера покинули остров; хотели продать его и даже назначили торги, но передумали, оставили за собой и начали сдавать в аренду.

Для охоты остров очень даже пригоден. Значительная часть его покрыта девственным лесом, дубом, орешником, ольхой и другими породами. Есть деревья громадных размеров, многие имеют двенадцать футов в обхват. И всё это под самым Нью Иорком.

*

В старину, когда кому либо нужно было попасть на остров Гардинера, он отправлялся на мыс Обетованной Земли и раскладывал костер. Столб дыма днем и пламя ночью были сигналом. С острова отправляли лодку с доверенным, чтобы разузнать кто и почему желает быть гостем его владельца. Приставать к берегу острова Гардинера без разрешения осмеливались лишь военные корабли и пиратские суда. Довольно часто посещал его воды капитан Кидд, капер и пират.

Кидд начал морскую карьеру капером и оказал на этом поприще большие услуги Англии и английским колониям. Позже он превратился в пирата.

В последний раз судно капитана Кидда «Антония» простояло в водах залива Гардинера несколько дней.

Капитан Кидд «гостил» у лорда Джона Гардинера и на прощание подарил лэди Гардинер кольцо, которое хранится в семье по сей день.

С острова Гардинера пират отплыл в Бостон. Там Кидда схватили, отправили в цепях в Лондон, где его судили, осудили за пиратство и убийства и повесили. Перед казнью пират указал, где он спрятал награбленное. Один ящик был зарыт им в топком месте на острове Гардинера.

По указанию из Лондона Гардинеры клад вырыли и сдали под расписку властям. Расписка также хранится Гардинерами. Клад оценивался в 70 000 долларов, значительная для того времени сумма. На том месте, где был скрыт клад, лорд Гардинер приказал поставить каменную плиту с указанием, что в такой-то день и год здесь был вырыт и выдан английским властям клад капитана Кидда.

Декабрь, 1955.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Портреты и характеристики

О писателях и книгах

Политика. Национальный и другие вопросы

Printed by Rausen Bros., 142 E. 32nd Street, N. Y. C.

Цена: $3.00